

Михаил Дудин

Михаил Дудин

Михаил Дудин

1

1

Михаил Дудин

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

«СОВРЕМЕННОК»

Михаил Дудин

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ПЕРЕПРАВА

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

1935-1962

МОСКВА 1987

P2
Д81

Составитель *Н. В. Банк*

Д81 **Дудин М. А.**
Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 1. Переправа.
Стихотворения и поэмы. 1935 — 1962. — М.: Современник, 1987. — 478 с., портр.

Первый том собрания сочинений Героя Социалистического Труда, лауреата Государственных премий СССР и РСФСР М. А. Дудина составили избранные стихотворения и поэмы, написанные в 1935—1962 годы.

Д 4702010200—176
М 106(03)—87 подписное

ББК84Р7
Р2

Большинство друзей моих и сверстников по жизни и песне осталось там, по обочинам моей дальней дороги. Они превратились в памятники и музеи, в хлопашье крыльев Вечного огня над безмянными могилами у железнодорожных переездов, в партизанских лесах, по высоким берегам родных и чужих рек, на своей родимой земле и на далекой чужбине.

Они верили, умирая, в то, что спасают чудо жизни на земле от последней войны навсегда.

Душа моя всем своим беспокойством — с ними.

Она еще пытается царить на туманной грани беспомощного прошлого и беспощадного будущего. Она еще пытается удерживать эти два конца, потому что я с этим поколением связан навсегда дарованными мне жизнью и смертью.

Я родился 20 ноября 1916 года в самой что ни есть срединной России — в Ивановской области, в маленькой, всего из шести дворов, деревушке Клевнево, раскинутой на пригорке по берегу звонкой, как ласточка, и такой же быстрой речонки Молохты, в семье полукрестьян-полурабочих, потому что в нашей местности большинство деревенских жителей после летних крестьянских работ, после сбора скудных урожаев со скудных земель, отправлялись на заработки на текстильные фабрики. Мама моя до замужества тоже была ткачихой, как и большинство ее товарок. А у отца была редкая специальность — он был ракlistом, мастером-ситцепечатником на двенадцативальной машине. Он печатал ситец в двенадцать красок.

Вот там, на этой земле, и есть точка отсчета моего времени, начало моей связи с Родиной, с ее историей и песней.

Мой род, род Дудиных, имеет очень старые корни. Это был род скоморохов, бродячих артистов и поэтов, людей жизненно стойких, не унывающих в беде, знавших цену острого слова и умевших постоять за други своя и за себя. Об этом роде до наших дней дошел указ царя Ивана Грозного. Я сам читал подписанные его страшным именем слова: «Истребить племя Дудино».

А оно выжило, это племя, вопреки царскому указу, выжило и сохранило остроту мысли и языка, беспощадность насмешки и улыбку сочувствия. Это оно, из глубины истории, передало и мне

в какой-то малой доле силу противостояния и противоборства, чувство неистребимой любви к жизни и потребность в песне.

Деревня Клевнево — это и есть земля моего рода, моя родина, моя связь с прародительницей-землей, с травой и облаками, с человеческой семьей, населяющей мир жизни, и с Млечным Путем, отраженным в волнах Тихого океана и в утренней росинке, возникшей на острие шипа неистребимого татарника.

В этой деревне, на этой земле я узнал упругость вожжей идущего в упряжке Воронка и через ручки плуга почувствовал податливый шелест переворачиваемого отвалом суглинка. Здесь я услышал музыку лихо свистящей в разнотравье заливного луга косы и пронзительный скрип убегающего дергача. Здесь я почувствовал вязкую боль первых мозолей на своих ладонях и сладчайший вкус свежего ржаного хлеба, испеченного из муки первого помола.

Здесь, на этой земле, начало моего мира и моего характера. Здесь слезы первой обиды и первая клятва верности, здесь первое прочитанное слово — чудо восторга живой одушевленности собранных воедино знаков.

А потом уже, после этого, пришла щедрая, как июньский ливень, поэзия русского языка, пришли Пушкин и Тютчев, Гоголь и Некрасов, Лермонтов и Никитин, и — через Жуковского — Гомер и Гёте, «Шильонский узник» Байрона, терпкая сладость индийского эпоса и слезы Ярославны из «Слова о полку Игореве». И мир запел передо мной в трубы восторга, и ярмарка познания разноцветным ветром своих каруселей ослепила глаза и спутала волосы.

Здесь, на этой земле, вместе с красным галстуком пионера на мои плечи легла ответственность слова и дела.

Я не знаю, где и когда именно усилие моей души слилось, спалось с полетом времени, и накатившиеся события понесли меня на своих волнах, и капля почувствовала силу океана, и, не смея на то, что океану некогда было думать об индивидуальной судьбе и особенности капли, поняла свою необходимость океану.

Я закапчивал сельскую школу, когда умерла мама, и крест на ее могиле перечеркнул мое детство, и забота о хлебе жизни стала моей преждевременной заботой, и дело устройства моей судьбы стало моим личным делом.

Правда, на моем в ту пору извилистом и трудном пути попалось очень много хороших людей и прекрасных книг, и они-то помогли мне наполнить жизнь высоким чувством товарищества, и убеждение в том, что чужого горя нет и быть не может, возникло в моей душе само по себе очень рано, как защита от отчуждения.

Я учился в школе крестьянской молодежи, но агронома из меня не вышло. Я окончил Ивановскую текстильную фабрику-шко-

ду, но из меня так и не получился помощник тракторного мастера. Уже и тогда я пробовал писать стихи, но у меня хватило практической трезвости понять, что поэзия не профессия, а судьба.

Потом я попал на войну, не успев окончить полковую школу младших командиров, попал на тот страшный перекресток адского холода и смертельного огня, на ту самую войну, которую теперь приято называть зимней кампанией 1939—1940 года, и там, на этой войне, ко мне пришли стихи как спасение от одичания и страха, и поэзия стала моей судьбой, школой мужества, железной необходимостью перед товарищами, перед жизнью и смертью.

Потом я служил с мая 1940 года по 2 декабря 1941 года, с первого и до последнего дня эвакуации, в гарнизоне полуострова Гангут на Халко, в том самом гарнизоне, который, находясь на четыреста пятьдесят километров западнее блокированного фашистами Ленинграда, так и не дрогнул, не опозорил себя отступлением, а отбил у противника девятнадцать примыкающих к полуострову островов. Там жизнь и поэзия учили меня жить по высшей категории человеческого доверия, то есть быть готовым в любую минуту умереть за товарища. И багровый отсвет тех самых лучших дней моей жизни лег на мои стихи и на мою переполненную печалью потерь душу.

А потом был блокадный Ленинград.

Девятьсот дней и ночей на пределе возможного.

В январские дни сорок второго года где-то на улице Пестеля я подобрал на закопченном снегу девочку лет трех — четырех, без пальтишка, простоволосую. Я распахнул полушубок, прижал ее к себе и спросил: «Где твоя мама, девочка?» — «Дома», — ответила она. «А где твой дом?» — спросил я. «Сгорел», — сказала она, еле шевеля губами, и я отнес ее в госпиталь.

Я видел собственными глазами во время нашего наступления 1944 года распластанную в растоптанном снегу в кювете беременную женщину с обнаженным животом, в котором торчал вонзенный по рукоять плоский немецкий штык, а около ног женщины, воткнувшись в сугроб головой, раскинув сведенные в локтях руки, лежал убитый немец.

Ненависть рождает только ненависть.

Кровь требовала расплаты только кровью.

Но я видел, как цвела дикая земляника на минном поле и как трясогузка высиживала птенцов в гнезде, устроенном над амбразурой артиллерийского капонира.

И я понял одну великую мудрость жизни, что надо жить не назло врагу, а на радость другу.

Эту мудрость мне помогла найти и понять поэзия. И когда ее руки, пахнущие молоком и спелой рожью, медом севокосного зноя

и отбеленным перьями заморозками холстом, прикасаются к моим седым вискам, я начинаю снова верить в то, что жизнь победит.

А чудо жизни надо беречь не жалея жизни.

Жизнь стоит этого!

Не мне судить о том, что я сделал.

Я знаю одно: то, что я делал, было моей необходимостью. Все мои книги — книги моей дальней дороги, книги судьбы моих друзей, книги моей любви и удивления, моя печаль и напутствие.

Мне Родину спасти досталось.

Тебе — всю землю уберечь!

Будь другом, попробуй с этим справиться (обращаюсь я к человеку нового поколения, к молодежи). А я помогу тебе в этом вместе со всеми моими друзьями, со всем нашим прошлым и со всей нашей мучительной верой в будущее.

МИХАИЛ ДУДИН

ПЕРЕПРАВА
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ
1935-1962

И в каждой капле спал потоп.

Н. С. Тихонов

ЛИСТОПАД

Свернется пыльный подорожник.
Притихнет опустелый сад.
Придет отчаянный картежник,
Растратчик щедрый — листопад.

Поставит ставку. Проиграет
И снова наберет очки.
И дуб зеленый разменяет
На золотые пяточки.

Пойдет раздетые долины
Дразнить негреющим огнем,
Рубины вешать на рябины,
Шиповник красить янтарем.

И все богатства разбазарив,
Совсем один уйдет за лог.
И плащ последний, цвета зарев,
Отдаст молочнице в залог.

И мир опять хрустящий, снежный,
В резном узорном серебре,
С такой заманчивой и нежной
Улыбкой стынет. На дворе

Скороговорками сороки
Встречают утро. И стекло
Разгравировано. Все сроки
Прошли. И время истекло.

И за расставленные строго,
В папахах заячьих, стога
Летит далекая дорога,
Что бесконечно дорога.

Я вышел с ружьем
В предвосходную стынь.
Я выводок выследил,
 выслушал,
 выстоял.
Шарахнулись в стороны
Дыбом кусты
От громкого,
 грозного
 грузного выстрела.
На землю,
Ломая густой сухостой,
Свалился черныш —
 красноватые брови.
И в воздухе стынет
Туманный настой
 валежника,
 пороха,
 дыма
 и крови.

1936

ГРОЗА

С глухих, неприступных отрогов
Седого, как дым, Карачая,
Цветы и деревья растрогав
И запах расточая,

Вонзая каленые бивни
Бездонным озерам в глаза,
Бросая лиловые ливни,
Врасплох подступила гроза.

Роняла у нашего дома
Упругие яблоки грома.

И дальше бежала полями,
По взгорьям, по лесу, по долам.
Махала цветными полами
И след заметала подолом.

И где-то за вымытым лесом
Подпрыгнула вдруг на бегу,
Над нашей антенной подвесив
Большую цветную дугу,

Которая в мокрый газон
Малиновый сыпала звон.

1938

Сначала только я заметил,
Потом запомнил наизусть
Ту грусть, которой воздух светел,
Тот смех, в котором веет грусть.

Я уходил лиловой ранью
Туда, где светлое темно.
Я мерил море под Таманью
И пил абхазское вино.

И демон, яростен и черен,
Со мной беседовал в тиши.
И грустный, как всегда, Печорин
За чем-то призрачным спешил.

Но сердце стягивает мука.
Я проглядел, как стынет свет,
Я не успел отбросить руку
И вороненный пистолет.

Я вспомню это и застыну
У гор и солнца на виду.
«Ты жив еще, подлец Мартынов.
Вставай к барьеру! Я иду!»

1939

Борису Пророкову

Январь. Февраль. А после, после
 Начнется птичий перелет.
 Луна, раскидывая весла,
 По водополью проплывет.
 Опять начнется щучий нерест,
 Поутру запоют дрозды.
 Все ухнет под легкий шелест
 В зеленоватый свет звезды.
 И снова, цвель не уставая,
 Росой покроются поля
 И встанет радуга сквозная,
 Дождем оранжевым пыля.
 По лесу, полем, по-над рожью
 Из ветра, солнца и воды
 Пройдется лето знойной дрожью,
 Нависнут спелые плоды.
 Неслышно подберется осень,
 Дожди пройдут наискосок,
 Сорвут и под ноги подбросят
 Прошитый золотом листок.
 Огонь и горечь расставаний
 Мне жизнь раскроет вдруг сама.
 Над черным дымом расстояний
 Поднимет голову зима.
 Я вспомню снег и ветер хлесткий,
 В огне и музыке перрон.
 Навозом, потом и известкой
 Насквозь пропитанный вагон.
 И вот сквозь мрак, как по уставу,
 Как будто жизнь не наверстав,
 Хрустя и лязгая в суставах,
 Летит, как бешеный, состав.
 Мы песней согреваем душу,
 На нарах отлежав бока,
 Орем (в который раз) «Катюшу»
 И запеваем «Ермака».

Свистит буржуйка, едем, едем,
По сизой полночи скользя,
Почти случайные соседи
И через два часа друзья.
А что мы знали: тень, растаяв,
Сменялась светом, по стене
Летел порывистый Чапаев
На диком, взмыленном коне.
Нам только снился дым сражений
И тьма тревожная застав.
И вот нас жизнь без сожалений
Взяла, за книгами застав,
И привела, сказала: «Трогай,
Бери винтовку, котелок,
Иди счастливою дорогой,
Но помни, нет трудней дорог».
И мы пошли неотвратимо
Навстречу вызову судьбы.
И наплывали клубы дыма
На телеграфные столбы.

ЗЕМЛЯНКА

Под снегом был песок и камень.
Не грунт — железный колчедан.
Киркой, лопатой и руками
Мы углубили котлован.

Стесали стенки прямо, ровпо,
Досок, соломы нанесли.
Рубили лес, тащили бревна,
На крышу сыпали земли.

И вот окончена работа.
Морозный воздух в грудь вдыхай.
Сотри шинелью капли пота,
Входи, ложись и отдыхай.

Здесь пахнет потом и овчиной,
Землянка вся заселена.
И печь из бочки керосинной
До белизны раскалена.

Я спал на лавке, на кровати,
На сеновале, на траве,
В вагоне тряском, на полатах,
Я жил в гостинице «Москве».

Но здесь, где мрак, где воздух спертый,
Без простыней, без одеял
Я спал так крепко, словно мертвый,
Как никогда еще не спал.

1940

ПУШКОВ

Нависло небо сизой глыбой,
Багровый дым, и рев, и стон.
Четвертый день пылает Выборг,
Со всех окраин подожжен.

А у меня из Армавира,
И, может, нужные весьма,
Лежат на имя командира
Четыре свежие письма.

Он их вернул мне, не читая:
«Ответь, мне некогда сейчас».
И я сажусь и отвечаю,
Как отвечал немало раз.

А что теперь — когда, бушуй,
Замолк салют, растаял свет, —
Что этой ночью напишу я,
Когда Пушкиова больше нет?

Когда остался холмик мерзлой,
Со снегом смешанной земли,
Откуда виден Выборг грозный,
Огнем подернутый вдали.

Я знаю, есть закон такой,
Мы все за одного в ответе:
Убьют меня — придет другой,
Убьют другого — встанет третий!

Но как об этом написать,
Как матери сказать про это?
Не шлите писем больше, мать, —
Вы не получите ответа.

1940

Ты прибегала свежая, торопкая,
Ждала меня на сломанной сосне,
Я приходил, и голубыми тропками
Мы шли по расцветающей весне.

Весь мир тонул в оранжевом и розовом,
Веселый птицы поднимали гам,
И ландыши из-за стволов березовых
К твоим перебиралися ногам.

Весь этот лес, с тропинками и гнездами,
Резными петухами на избе,
С зелеными мигающими звездами,
Живет тобой и помнит о тебе.

Куда я денусь от того, что живо,
Когда во всем встаешь живая ты...
Откуда только здесь взялась крапива
И желтый цвет куриной слепоты?

1940

ОЛЕГ КОЧЕРЫГИН

Не от первого холода в звонкой крови,
Не от черствых годов с сединой и морщинами,
Не от первой, от самой горячей любви, —
Мы от первого выстрела стали мужчинами.

Я Олега запомнил, узнал наизусть,
Навсегда в моей памяти будет он в целости,
Эта ясная радость и милая грусть,
Голубой огонек нерастраченной зрелости.

И, бывало, в землянке или у костра.
Как бы ветер ни дул и метель ни плясала бы,
Как бы ночь ни была холодна и остра,
Я ни разу не слышал упрека и жалобы.

Даже странным казалось, зачем ни одна
Не мелькнула в нем тень золотого ребячества,
Он, всю горькую правду испивши до дна,
Этой правде навеки отдал себя начисто.

Мы в атаку пошли за отрядом отряд.
Был мороз, что такого встречать не придется,
Мне казалось, что даже тяжелый снаряд
Упадет и от холода не разорвется.

Враг был очень хитер, неприконченный враг,
Враг, которого мы не добились когда-то.
Он кругом заминировал каждый овраг,
Из-за камня любого строчил автоматом.

Непрерывный огонь.
Мы ползли под разрывами мин.
Артиллерия сзади, в опушке пехота,
И остался подносчик патронов один
Из всего боевого расчета.

Засучив рукава, враг пошел напролом,
Он ругался по-русски, кричал в исступленьи,
И четырежды четким и метким огнем
Наш подпочик оканчивал их наступленья.

И когда подкрепленьи пришло, он сквозь дым
Поднялся и рванулся, как бомба, в атаку,
И по снегу летел, и летели за ним,
И в упор из-за нор пулемет зататакал.

Было рядом большое его торжество.
Он наткнулся на пули, привстал на мгновенье,
Словно пули не сами попали в него, —
Так стремительно было его наступленьи.

Мы прошли. Мы разбили врага наголо.
Артиллерия землю насквозь перерыла.
К утру чистого снега в лесу намело,
И метель его голову посеребрила.

1940

ТИШИНА

Борису Уткову

От мин его очистили саперы.
И мы вошли в просторный этот дом.
Какая тишина была кругом!
Поужинав и выставив дозоры,

Все спать легли. Я, выйдя в коридоры,
Бродил, не вспоминая ни о чем.
Хрустел под каблуками хлам и лом.
Я вышел в залу, у окна которой

Стоял рояль, разорванный гранатой.
О, как была печальна и страшна
В той пустоте звучащая струна.

Она в виски гудела мне набатом,
Она ревела в мраке синеватом.
Глухая ночь. Война и тишина.

1940

Н. Озерову

Мы шли на войну, товарищ,
На край ледяной зимы,
Сквозь дымы чужих пожаров
Тогда проходили мы.

Ветра нам студили глотки,
Вставали в завесах тьмы.
Морозы — покрепче водки,
Которую грелись мы.

Во имя своей отчизны
За славу ее и любовь
Мы забывали о жизни,
Мы видели смерть и кровь.

Штыками геройской роты,
Врагов вышибая из ям,
Мы доты немецкой работы
Пускали ко всем чертям.

Во имя тебя, отчизна,
Суровая, нежная мать,
Мы пронесли наши жизни,
Чтоб полностью их отдать.

Над вихрем и ветром, охрипший,
Взвивайся, тяжелый стих,
О доблести всех погибших,
О мужестве всех живых.

1940

Здесь мы вступили в бой.
 Здесь мины рвали камни,
 Здесь снег и пепел. Мерзлая заря.
 Пройдут года седые, и когда мне
 Придется быть в деревне Кямря, —
 Я вспомню вновь лесистые отроги,
 Походных кухонь сдержанный огонь.
 Оторванную взрывом на дороге
 Мозолистую грубую ладонь.
 Обветренные лица командиров,
 Случайную на небе бирюзу.
 Погоны от разорванных мундиров
 И зимнюю багровую грозу.
 Свистящие, как ветер, самолеты,
 Взлетающие к небу облака,
 Сплошной галдеж зенитных пулеметов,
 Коней убитых вздутые бока.
 Закат в крови. Лиловый лес и тени,
 Ракет сигнальных медленный полет,
 Бетонный мост, присевший на колени,
 Тяжелый танк, по брюхо вмерзший в лед.
 Разбросанные доты и накаты,
 Собак бездомных тихий дальний лай.
 Опять тебя я вспомню, Иноятов,
 И голос твой почувствую, Милай.
 Увижу Кочерыгина Олега,
 И рыжему Немкову на ушко
 Скажу о том, что к Выборгу по снегу
 Опять увел разведчиков Пушкиков.

И оживут в кипучей этой лаве
 Клокочущие жизнью времена.
 И оживут в своей бессмертной славе
 Друзей неповторимых имена.

МОЙ ПОХОДНЫЙ КОТЕЛОК

Поднималась пыль густая
Вдоль проселочных дорог,
И стучал, не уставая,
Мой походный котелок.

Пела пуля в непогоду,
Смерти кровная сестра,
Я с тобой ходил в походы,
Спал и мерзнул у костра.

Из тебя в метель ночную —
Помнишь пушечный набат? —
Пил водицу снеговую
Насмерть раненный комбат.

И однажды на опушке —
Густы ели, снег глубок —
Недобитая «кукушка»
Мой пробила котелок.

После боя раным-рано,
Как умел я и как знал,
Боевые его раны
Красной медью заклевал.

И опять пошел в дорогу,
Дует ветер, путь далек.
И подсчитывает ногу
Мой походный котелок.

1940

«КУКУШКА»

Виктору Чухнину

Художник был пройдоха. Он на пушку
Решил нас взять, играя на войне.
Он так изобразил свою «кукушку»,
Что стало вдруг до слез обидно мне.
На полотне пятно поляны белой,
Безоблачное небо, даль ясна.
И в середине к небу омертвелой
Метлой верхушки тянется сосна.
На той сосне на фоне синеватом,
Спокойном и прозрачном как вода,
Сидит солдат с коротким автоматом
И целится неведомо куда.
Идут красноармейцы, в строй сомкнуты,
И улыбаются, и ясно тут —
Они того солдата в две минуты,
По замыслу художника, возьмут.
Так на картине. А на самом деле?
Святую память подлостью не тронь.
Мы шли в осатанелый вой метели
Сквозь окаянный пушечный огонь.
И если вспомнить, на любой опушке,
Где густы ели, где опасен мрак,
За пять шагов не различишь «кукушки» —
Вот как умел маскироваться враг.
Его уничтожали с лесом, с талой
Землей, с бетоном вышибали вон,
Со всем живым и мертвым, что скрывало,
Куда вращал и забивался он.
И все-таки мы шли и брали с бою
За пядью пядь. Мы падали в крови.
Нам даже было некогда порою
Мечтать о славе, думать о любви.
Об этих днях, суровых и тревожных,
Напишется волнующий рассказ.
А вы, достопочтенный мой художник,
Оклеветали, осмеяли нас.

Довольно! Нет. Не место здесь для преншй,
Нам каждая минута дорога.
Ведь враг хитрее ваших представлений
Во много раз о хитрости врага.
Я слышал, как мальчишка, весь в веснушках,
На выставке другому говорил:
«А я бы эту самую «кукушку»,
Как воробья, рогаткой уложил».
Вот видите, и дело тут не в славе,
Мне с ней не жить, не зиму зимовать,
Но я обязан говорить и впрямь:
Ведь мальчику придется воевать.
Ему еще дорог немало мерить,
И жизнь его, как песня, дорога!
А что же будет, если он поверит
В такого допотопного врага?
Художники! Из чугуна и стали,
Отбрасывая к черту хлам и лом,
Творите так, чтоб мертвые восстали
И, как живые, встали над врагом.

Весь лагерь спит. Песок прохладой дышит.
И ночь плывет, торжественно тиха.
Она не замечает и не слышит
Походки легкой моего стиха.

Лишь на заливе, тину подминая,
Во всех своих желаниях вольна,
Упругий ритм стиха напоминая,
Ворочается сонная волна.

Восходит солнце, и ложатся тени,
Шиповник раскрывает лепестки,
И вздрагивают головы растений,
И к солнцу продираются ростки.

У финских сосен сизые верхушки
Совсем горят в лазоревом огне.
По-русски настоящая кукушка
Прожить два века обещает мне.

1940

Навстречу нам — от розового края,
От островов, от берега — плыла
Граненая, почти что золотая,
Обтесанная волнами скала.

А на скале, где солнечные нити
Сплелись в клубок и горизонт дрожал,
Там девушка стояла на граните,
Там рыжий пес у ног ее лежал.

Я вдаль смотрел, на острова, на берег,
И с каждым мигом лучше понимал,
Зачем когда-то, открывая, Беринг
Их именами женщин называл.

Она смотрела вдаль. На поднебесье.
На медленный восход. На тишину.
И, может быть, она встречала песней
Широкою, как зарево, волну.

И я опять припомнил край далекий,
Сирени фиолетовый дымок.
Всему свои бывают в жизни сроки,
И нашей службе свой положен срок.

Да, я тебя за тыщу верст узнаю,
На всех тропинках различу следы.
И ты качнешься, тонкая, сквозная,
Из воздуха, из ветра, из воды.

Да, я пройду суровую дорогу,
Все для тебя оставлю, сберегу.
Всю жизнь свою, всю радость, всю тревогу...
А девушка стоит на берегу...

Скажу: «Да что ж это такое,
Как стены комнаты тесны!
Я знаю: больше нет покоя,
Куда мне деться от весны?»

Бежать, лететь, не оглянуться,
Уехать с поездом, уплыть...
На перепутье разминуться
И разом все перезабить.

Но нет, нельзя. Воркует голубь,
И солнце село на карниз.
Вздыхает снег. Дымится прорубь.
Попробуй не остановись.

Я встану, сразу все оставив,
Увижу первые цветы
И обману себя, представив,
Что это — Ты.

1949

В снегу оттаявшие лыжни,
А снег подобен янтарию.
Глухарь, как старый черно книжник,
Читает первую зарю.

По темным лыси́нам в Заречье
Встает шершавая трава,
На человеческом наречье
Торгуются тетерева.

Над миром, всем ветрам открытым,
Лежат и сон, и полутень.
О камень стучает копытом
Изголодавшийся олень.

1941

По ветру платье парусом,
Сквозь заросли за Штраусом,
Тропинками и тропками,
Движеньями торопками,
В глаза — чтоб света полосы,
Чтоб ветер спутал волосы,
Восходами, закатами
Воздушными, крылатыми,
Все, что запечатлели
Смычки виолончели, —
Чтоб в радужном мельканье
Ловить твое дыханье.
Не спрашивая, кто ты,
И руки распластав,
Удариться с разлета
В сырую пряность трав.

1941

Все, что сказал я о тебе худого,
Не верь тому. Все это бред и ложь.

По маю, расцветающему снова,
Ты легкою походкою идешь.
Какую песню, радость и тревогу
Несет мне свет твоих зеленых глаз?

Не торопись, помедли хоть немного,
Дай мне солгать еще — последний раз.

1941

Сейчас под Ивановом осень
В полном великолепье.
Лес, и над лесом просинь.
Тянутся птицы цепью
С Тейкова, на Владимир,
Ялтою, над Багдадом.
Лес опустел и вымер,
Выжженный листопадом.
Милые сердцу дали.
Ягоды на весу
В этом году едва ли
Встретятся нам в лесу.
Вместе бродить вдоль просек,
Тропками лес опоясав.
И все-таки эта осень
Не пожалеет красок.
Пусть ты одна по охре,
Грусть затаив большую,
Уводью выйдешь к Кохме,
Тезою выйдешь в Шую,
Насобираешь ягод
Вдоль одиноких стежек.

Только грустить не надо —
Все равно не поможет.

1941

Здесь только б жить и грезить Грину,
Чтоб только ветер в волосах,
Чтоб солнце в лоб и звезды в спину —
Лететь на альбых парусах.

Лететь уверенно и твердо,
Встречать умытую весну,
На голубиные фиорды,
В бездонную голубизну.

Чтоб сзади облако, как лебедь,
Плыло волне наискосок,
Волна б отряхивала гребень
На желто-розовый песок.

Я встал на камень угловатый.
Предутренняя свежесть. Тишь.
Проходят дни, стирая даты.
Растет по отмелям камыш.

Прильни к траве горячим ухом,
Вглядись и в землю, и в гранит —
Здесь все запахнет нашим духом,
По-русски все заговорит.

И встанет быль былой победы
В горячем пламени опять,
Как бились русские и шведы,
Как шведы отступали вспять.

Сквозь сон, сквозь сетку хвойных веток
Я ночью видел у костра
Навстречу буйному рассвету
Тень уходящего Петра.

По ветру хлопали знамена,
Герои встали наяву.
Я, если хочешь, поименно
Живых и мертвых назову.

Проходят дни, стареют даты,
Растет по отмелям камыш.
Круглеет камень угловатый
И превращается в круглыш.

Пусть слово в слово входит круто,
Пусть будут камнями слова,
Пусть слава русского Гангута
Вовек останется жива.

1941

РАЗГОВОР

Труба и ракета сказали: «Отбой»,
Замолкли орудия. Кончился бой.

Три друга склонились над другом своим,
Который на камне лежал недвижим.

Был первый моложе и тише других.
И первый тревожно взглянул на двоих

И голосом сломанным, из темноты:
«Я тоже погибну, товарищ, как ты».

И звезды рассыпались над головой,
И голову поднял товарищ второй:

«За нами Россия — родимая мать,
Без слова готов за нее умирать».

Но третий спокойно сказал: «Не тужить,
Надо уметь побеждать и жить».

1941

ГРИДЕНКО

Два отделения охраняли остров.
Садилось солнце, Вечер был багров.
И шторм крепчал. Пылали в небе нестром
Разорванные клочья облаков.

Были каждый напряжен, сосредоточен,
Чего-то ждал, месил ногами грязь.
А шторм крепчал, и в середине ночи
Девятым валом оборвало связь.

А может, и не валом? Только смертным
Повеяло предчувствием беды,
Когда на остров, темные как черти,
Полезли люди прямо из воды.

Они ползли, ложились в растяжку,
Их было много: рота... батальон...
Но встал связной, рванул бушлат, тельняшку
И выбросил смертельный медальон.

Он кинулся в бурлящие воронки,
Соленым ветром захлестнуло рот,
Два снайпера ударили вдогонку,
И нервной дрожью вспыхнул пулемет.

Он все забыл, кипучее стремленье
Его несло и умирать, и жить.
И мысль одна: скорей за подкреплением —
Добраться, добороться, доложить.

И он петлял. Он в стороны метался,
Хоть шторм и пули были заодно,
Он пробкой на поверхность вырывался,
Тяжелым камнем уходил на дно.

В кровь изодрав и локти, и коленки,
Донельзя зол и до предела слаб,
Он выплыл, и пополз на четвереньках,
И не вошел — ввалился плахой в штаб.

И капитан увел навстречу ночи
Своих ребят, успев в дверях сказать:
«Герой! Но это между прочим...
Дать спирту и перевязать».

1941

СТИХИ О ТЕБЕ

Землянка обжита. Товарищи все те же.
Прислушиваясь к темноте пустой,
Где вдоль проходов ветер с побережий
Проносится тяжелый и густой,

Тыходишь в ночь, и тыходишь ближе
К черте, где начинается гроза.
Врастаешь в камни. Я почти что вижу
Спаленные бессонницей глаза.

И так всю ночь. Так каждый миг на взводе,
На цыпочки поднялся каждый нерв.
Нас время не берет, нас не изводит
Опасности нетронутый резерв.

И только днем ты приползешь с границы
И упадешь в измятую постель.
Глаза закроешь, и тебе приснится
Воспоминаний пестрых карусель.

И мы взгрустнем над мыслями твоими
И сами помечтаем о весне,
Когда любимой золотое имя
Ты невзначай произнесешь во сне.

Я знаю все. Мне это все знакомо.
Винтовка. Бой. Землянка. Котелок.
И эти вот, родней родного дома,
Седые камни, сосны и песок.

Мы все переживем — тоску и стужу,
И, как сегодня, отстояв зарю,
Мы, вспомнив праздник, выглянем наружу
И молча улыбнемся Октябрю.

Но час пробьет, и мы пойдем стеной,
Ворвемся в даль, как ливень входит в лето.
И ты поймешь тогда, что ты герой,
И промолчишь об этом.

1941

За горизонтом скрылся полуостров.
Бежит волна по отмели на мель.
Здесь жили мы размеренно и просто
От родины за тридевять земель.

Мы мужеству учились у камней,
У этих скал, седых и угловатых,
Когда сквозь грохот финских батарей
Мы шли вперед для схваток и расплаты.

Нас дождь хлестал, нас парила жара,
Сон на земле, гранаты в изголовье.
Тяжелая, суровая пора.
Друг в друга вера, спаянная кровью.

Не взяли нас ни сталью, ни огнем,
Ни с воздуха, ни с суши и ни с моря.
Мы по земле растоптанной пройдем,
В других местах, с другим врагом поспоря.

Но мы не отступаем. Нет. Нигде.
Не упадем и не опустим плечи.
В любом бою, любой шальной беде
Пойдем в упор, наперекор, навстречу.

Такие не боятся и не гнутся.
Так снова в бой и снова так дерись,
Чтоб слово, нас связавшее, — гангутцы, —
На всех фронтах нам было как девиз.

1941

ВЗГЛЯД НА ЗАПАД

Дороги нашей славы
 Не заросли травой.
Горнист заре кровавой
 Не проиграл отбой.

Во тьме непроходимой,
 Тревожны и остры,
Исходят едким дымом
 Походные костры.

Война всегда жестока.
 Ее закон жесток.
Свет солнечный — с Востока,
 А мы с тобой — Восток.

Ведь это нам по праву
 Идти в последний бой.
Дороги нашей славы
 Не зарастут травой.

1942

БАЛТИКА ВОЮЕТ

Вот он, упругий и соленый,
Свои владенья распростер,
Лиловый, синий и зеленый,
Прошитый золотом, простор.

Блестит песок вдоль побережий,
Дрожит от зноя бирюза,
Здесь прямо в ноздри ветер свежий,
Такой, что — закрывай глаза.

Такой, что — душу нараспашку,
Такой, что кругом голова.
Он вздыбит парусом тельняшку,
А над тельняшкой леева.

Мне только б видеть это впору
И соловьиным горлом петь,
По золотистому простору
Под белым парусом лететь.

И, разворачивая круто,
Увидеть вновь в полдневный жар
Седые берега Гангута
И плоский остров Осмуссар.

Опять вперед, опять! Покуда
За караванами шаланд
Подобьем спящего верблюда
Из волн не вынырнет Гогланд.

И вновь туда, где ждут ребята,
И в мире нет таких ребят,
Как эти — моряки Кронштадта,
Которых выкормил Кронштадт.

Здесь наша колыбель. Мы дома.
Так было и так будет пусть.
Здесь все обжито, и знакомо,
И выучено наизусть.

Здесь нас волна впервой качала,
Мы возвращались сюда.
...Стоят сегодня у причала
На все готовые суда.

Когда сгущается ненастье
И время действовать пора, —
Уходит в море Афанасьев
И пенят воду катера.

Вперед! За черным флагом следом,
И на воде заметен след,
Здесь есть прямой расчет торпедам,
Врагу не скрыться от торпед,

Когда на пункт, как пишут, Н-ский,
Забыв своих полетов счет,
Герой-моряк Преображенский
Гостинцы с воздуха кладет.

Когда в рассветной звонкой раии
(Тумана ветром не снесло)
Из дальнобойных глушит Гранин
Врага по первое число.

Когда, срываясь с побережий,
Идут вперед в дыму, в пыли,
Твой орлы, как ветер свежий,
Как очищение земли.

Да так, что души нараспашку,
Дымятся камни и трава,
Да так, что парусом тельняшку,
И над тельняшкой лева.

Я говорю сквозь треск пожарищ
Простые, ясные слова:
«Воюет Балтика, товарищ!
Товарищ! Балтика жива!»

Мы выбьемся вперед, братишка,
Последним будет наш удар.
Придем и гаркнем: «Амба! Крышка!» —
И на Гогланд и Осмуссар.

И, разворачиваясь круто,
Мы якоря опустим тут,
У скал сурового Гангута,
И снова выйдем на Гангут.

А мне б, — что есть во мне задору, —
Со всем задором песню спеть,
И по балтийскому простору
Под парусами пролететь.

1912

АЛЕКСАНДР КОСТРУБО

Два взрыва слева. Восемь справа.
Столбы земли. Столбы огня.
Горят деревья. Никнут травы.
И глухо ухает броня.

А он врывается, пенстов,
Через траншеи и кусты,
Ошеломляюще и быстро
Передовые смяв посты.

Вперед, в пробитые пролеты,
Настойчив и неукротим.
И части приданной пехоты
Сквозь грохот движутся за ним.

Гремит «ура». Рубеж за нами,
Враги бегут. И вновь уже
Фигура крепкая сквозь пламя
Зовет на новом рубеже.

Враги отходят, пятясь, пятясь,
За новый ров, за косогор.
Еще стремительнее натиск,
Еще стремительней напор.

Земля в клочки, и крови сгустки.
Чадит пороховой угар.
Вот это наш! Вот это русский
Ошеломляющий удар!

Еще дымится поле брани.
Входя, пошатываясь, в штаб,
Он понял, видимо, что ранен,
Что удивительно слаб.

От боли стискивая зубы,
Он у стола штабного встал.
— Умеешь воевать, Коструба! —
Сказал навстречу генерал.

1942

СТИХИ О ШАЛАШЕ

Мелкий лес да болото, В лиловом огне горизонт.
Грохот взрывов, и дыма тяжелая грива.
Через два километра уже начинается фронт.
Облака раздробились в чешуйчатой ряби Разлива.

Нас мороз леденил, к нам в землянки врывалась вода
Снег крутил, заметал переходы и щели.
Пели пули во тьме, и свистели в ночи провода.
Прорывались враги, и прорваться они не сумели.

Артиллерия била, визжал за снарядом снаряд.
И зима, и мороз, и костлявая лапа блокады.
Рядом, сзади за нами, упрямо стоял Ленинград, —
Мы стояли на страже у стен своего Ленинграда.

Это воинов долг. Это подвиг решительный наш.
Это наше единство, горячая сила прорыва.
Это видевший виды из веток сосновых шалаш.
Это Ленин здесь жил в шалаше у скупого Разлива.

Разжигая костер, он, прищурясь, смотрел в темноту.
В лунном свете вода отливала холодной сталью.
Сквозь застенки и ссылки он нес золотую мечту.
И мечту эту вместе мы сделали крепкою явью.

Мы стоим на часах. Тишина. Из густой темноты
Только звезды сквозь тучи и ветер, летящий над миром
...Он обходит расчеты и, проверяя посты,
Подбодряет бойцов, наставленья дает командирам.

Мы не слышали слов, но мы чувствуем паверняка,
Что вот именно так, что иначе никак не бывает, —
Этот голос и жест, и на запад простерта рука,
Непрерывно вперед, непрерывно вперед призывает.

Он приходит, победы решительный час.
Трубы грянут тревогу. Дорога крута и открыта.
Ленин вышел и встал. И, прищурившись, смотрит на нас.
Мелкий лес да болото. Бессмертный шалаш из гранита.

СУВОРОВ

На площади у Кировского моста
Он, чтобы дальше было видно, встал,
Молодцеватый, небольшого роста,
На отлитый из бронзы пьедестал.

Декабрь. Январь. Зима над Ленинградом.
Все небо в звездах, и мороз свиреп.
Он руки грел с тобой в землянке рядом,
Пил кипяток, не жалуясь на хлеб.

И с пьедестала пристально и строго,
Оценивая мысленно врага,
Он всматривался в трудную дорогу,
В лиловые и синие снега.

Он вспоминал, как вьюга заносила
Солдатские могилы и кресты,
Как штурмом брал твердыни Измапла
И в самом деле чертовы мосты.

Поистине крылатые победы
Одерживали прадеды и деды.

Я проходил у Кировского моста.
Навытяжку у памятника встал.
Он вдаль глядел по-человечьи просто.
Осколок поцарапал пьедестал.

В ночи не спят солдатские редуты.
Распорота ракетой синева.
Ждут корабли. И паруса раздуты.
В гранитный цоколь плещется Нева.

А он стоит и крепко держит шпагу.
От грохота не отведет лица.
Найди в себе такую же отвагу
И бейся до победного конца.

1942

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Старуха на дрова могильный рубит крест.
Кладбище Александро-Невской лавры.
И вот поют на сотни верст окрест
Начало битвы медные литавры.

Я слышу вновь в разбуженной почве,
В порывах ветра, в завываньях выюгов,
Как перекрещиваются мечи,
И шелестят железные кольчуги,

И кони грудью падают на лед,
И копыта с ходу пробивают латы.
На лед ложится розовый налет,
А час назад он был зеленоватый.

И в нетерпенье бросив поводья,
Откинув плащ и расправляя плечи,
Как вихорь, он врывается туда —
В крутое пекло бесподобной сечи.

Врубается мечом и пикой князь
Воочию, а не в красивой сказке,
Он бьет в упор и бьет, оборотясь,
Мечом наотмашь по рогатой каске.

Он вдаль зовет, стремительный и стройный,
И отступают в панике враги.
Русь спасена. И на воде спокойной
От пузырей расходятся круги.

Враг вновь идет и задушить нас хочет.
Мы узнаем исконного врага.
Он в той же каске. Только покороче
Железные топырятся рога.

Мы в битвах рассчитаемся с врагами,
Спалим уничтожающим огнем,
И эту каску с бычьими рогами
Мы вместе с головою оторвем.

1942

КРОНШТАДТ

В седой залив, как панцирь, врезал,
Из давних дедовских времен
Ты встал из камня и железа,
Стеной гранита обрамлен.
Здесь шли петровские галеры,
И за фрегатом шел фрегат.
Туман морской, густой и серый,
Тебя окутывал, Кронштадт.
Завьюжен северной метелью,
Маня мерцаньем маяков,
Ты стал родною колыбелью
Отважных русских моряков.
Сыны Кронштадта — мореходы,
Единым пламенем горя,
Шли сквозь крутые непогоды
Во все заливы и моря.
И, открывая дальний берег,
Наперекор своей судьбе,
Прощаясь с морем, Витус Беринг,
Наверно, вспомнил о тебе.
Когда сквозь вой медноголосый
К России пробирался враг,
Твои суровые матросы
Шли впереди любых атак.
На кораблях твоих ребята
Не зря о людях судят так:
Что, если ты не знал Кронштадта,
Ты — пешеход, а не моряк.

Давай другую вспомним пору.
Алела стылая вода,
Когда ударила «Аврора»
По миру старому, когда
Хлестал октябрь свинцовым ливнем,
Ночь задыхалась и рвалась,

Твои матросы шли на Зимний
И нашу водрузили власть.
Они дрались, не опозорив
Столетней славы моряка,
И ярко вспыхивали зори,
Чтобы сиять во все века.
Страну от края и до края
По бездорожью, вдоль дорог
Они прошли, не уставая,
В боях и вдоль и поперек.
Они прошли в боях победных,
И знает враг наверняка
Твоих героев беспримерных
И твоего Железняка.
Кронштадт, суровый, величавый,
В кипенье шторма и в боях
Росла твоя большая слава
И сила грозная твоя.

И вновь поднялся враг спесивый.
В чаду орудия гремят.
Ты в устье Финского залива
Стал бронированный Кронштадт.
И в Ленинграде легче людям,
И сразу тверже Ленинград,
Когда на языке орудий
Твои форты заговoryт.
Когда, пылая мстью жгучей,
Идут кронштадтцы в гром атак,
Сметая все. Их черной тучей
Кровавый называет враг.
Пусть разливается, раскатист,
Артиллерийский разговор,
Еще стремительнее натиск,
Еще стремительней напор!
Так бей врагов свинцовым градом
И стой, как сотни лет назад,
Железный панцирь Ленинграда,
Отчизна моряков — Кронштадт!

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ЛЕБЕДЕВА

Мы должное твоей заплатим славе.
Мы двести раз пойдем в упрямый бой.
Мы до конца гордиться будем вправе
Твоею песней и твоей судьбой.

Туман и шторм. Соленый привкус моря.
Но, крепко взяв за шиворот судьбу,
Всю остроту и накипь злого горя
Включаем мы в свирепую борьбу.

Мы выбьемся из рокового круга,
Снопы огня сырую тьму прорвут.
Друзья уйдут и будут мстить за друга,
И многие обратно не придут.

Романтики! Но кто из нас не трафил
К большим делам, седой простор любя?
В скупых словах анкетных биографий
Мы не законсервируем себя.

Нас вдаль несет, в крутое пекло боя,
Где гром, и всплеск, и розовый простор.
Друзья твои клянутся над тобою —
Идти любым смертям наперекор.

Они пройдут. И скажут, видя — вот он,
Знакомый образ, строгий и простой,
Из камня угловатого сработан,
Обтесанный соленою водой.

Но что мне толку в этой грубой груди,
Я вновь хочу с тобою рядом быть,
Опять читать стихи о Робин Гуде,
По улицам Иванова бродить.

Твoй честный взгляд упрям и необыден,
Он навсегда останется со мной.
Легенда пахнет порохом. Не виден
Ее конец за дымкой голубой.

1942

Здесь грязь, и бред, и вши в траншеях.
И розовое облако вдали.
Душа моя, когда ж похорошеют
Обугленные площади земли?

Давно пора. Под пеленою пепла
Протухли трупы и свернулась кровь.
Душа моя, ты в сотый раз ослепла
От черствых слез и прозреваешь вновь.

Смотри — весна. И над равниной русской
Молочно-лиловатый свет.
...Влетела в амбразуру трясогузка
И весело уселась на лафет.

1942

КАМЕНЬ

Как нож, прорезав щели, по облям
Бежала световая полоса.
Здесь был привал последний. Перед боем
Он брал у нас на память адреса.

Далекими повеяло ветрами,
Веселым детством в солнечной пыли,
Какими-то знакомыми цветами,
Которые еще не зацвели,

Полынью, зноем, невысокой рожью,
Давно обжитым, навсегда родным.
Мне вспомнилось Поощье и Остойбе,
Неповоротливый, ленивый дым.

Ночное. Луг. Чу, чмокают копыта,
И лунным светом окоем залит.
Он смотрит удивленно и открыто:
«Ну, что тебе, товарищ замполит?»

Такое и с тобой, наверно, было,
Что грусть пришла непрощено, сама:
Любимая меня давно забыла,
Друзья воюют, а семьи нема...

Кому ж писать и сообщать о смерти?
Да я и не намерен умирать...»
Вперед ломились пемцы, словно черти,
И отступали медленно опять.

А к вечеру ударил ливень. Косо
Захлестывала струями вода.
В грязи хрипели лошади. Кемеса
По втулки вязли. К черту ебода

Летели. Ухали зенитки.
И пулеметы сыпали галдеж.
Мы вымокли (хоть выжимай) до нитки,
А может, пропотели — не поймешь.

Дымит земля. Она сыра, как губка.
Дотронешься — и выступит вода.
Комбат охрип. Не отвечает трубка,
И в сумрак убегают провода.

И вслед за ними, по тропинке мгlistой,
По скалам пробираясь наугад,
Уходят молчаливые связисты.
Мы ждем. Не возвращаются назад.

Идут другие, и опять ни слова.
Уходят третьи — темнота густа.
Она ползет упрямо и сурово
Из каждого оврага и куста.

Неправда! Нет! Пусть я, пусть он,
пусть вы хоть.

По-юношески этот мир любя,
Единственный отыскиваем выход,
Коль только свято веруем в себя.

Так вот он, на! Бери его и трогай!
Скажи судьбе, чтоб отступила прочь.
Он смотрит вдаль решительно и строго.
Скрывается. И наплывает ночь,

Размытая, разодранная в клочья,
Пронизанная ветром и дождем,
И вот мы убеждаемся воочью,
Что самого решительного ждем.

Идет гроза, чугунный воздух сгрудив
И разбросав на тысячу смертей
Порывистым дыханием орудий
Тяжелых дальнобойных батарей.

И отзвук громыхающий не умер,
Он эхом повторяется стократ.
Лисенком пискнул позабытый зуммер...
Комбат встает, и нас ведет комбат.

Ведет по скалам, в гром и посвист дикпй,
К своим выводит третий батальон.
...Здесь золотое солнце сыплет блики.
Здесь камни радуются. Только он

Лежит в крови, израненный и грубый.
Пусть в памяти пребудут навсегда
Последним вздохом стиснутые зубы,
Соединяющие провода.

Так вот она, — возьми ее, изведай,
Попробуй оцени ее, измерь!
Все то, что называется победой,
Как ток, проходит через эту смерть.

Мы камень положили над могилой,
Мы вспомнили любимую и мать.
А у него ни матери, ни милой,
И некому об этом написать.

Быть может, ты найдешь случайно камень.
Тот самый камень среди других камней.
Как друга, крепко обними руками,
Прижмись к нему и сердцем отогрей.

СОЛОВЬИ

О мертвых мы поговорим потом.
Смерть на войне обычна и сурова.
И все-таки мы воздух ловим ртом
При гибели товарищей. Ни слова

Не говорим. Не поднимая глаз,
В сырой земле выкапываем яму.
Мир груб и прост. Сердца сгорели. В нас
Остался только пепел, да упрямо
Обветренные скулы сведены.

Трехсотпятидесятый день войны.

Еще рассвет по листьям не дрожал,
И для остротки били пулеметы...
Вот это место. Здесь он умирал —
Товарищ мой из пулеметной роты.

Тут бесполезно было звать врачей,
Не дотянул бы он и до рассвета.
Он не нуждался в помощи ничьей.
Он умирал. И, понимая это,

Смотрел на нас, и молча ждал конца,
И как-то улыбался неумело.
Загар сначала отошел с лица,
Потом оно, темнея, каменело.

Ну, стой и жди. Застынь. Оцепеней.
Запри все чувства сразу на защелку.
Вот тут и появился соловей,
Несмело и томительно защелкал.

Потом сильней, входя в горячий пыл,
Как будто настужь вырвавшись из плена,
Как будто сразу обо всем забыл,
Высвистывая тонкие колена.

Мир раскрывался. Набухал росой.
Как будто бы еще едва означась,
Здесь рядом с нами возникал другой
В каком-то новом сочетании качеств.

Как время, по траншеям тек песок.
К воде тянулись корни у обрыва,
И ландыш, приподнявшись на носог,
Заглядывал в воронку от разрыва.

Еще минута. Задымит сирень
Клубами фиолетового дыма.
Она пришла обескуражить день.
Она везде. Она непроходима.

Еще мгновенье. Перекосит рот
От сердце раздирающего крика, —
Но успокойся, посмотри: цветет,
Цветет на минном поле земляника.

Лесная яблонь осыпает цвет,
Прочитан воздух ландышем и мятой...
А соловей свистит. Ему в ответ
Еще — второй, еще — четвертый, пятый.

Звенят стрижи. Малиновки поют.
И где-то возле, где-то рядом, рядом
Раскидан настороженный уют
Тяжелым, громыхающим снарядом.

А мир гремит на сотни верст окрест,
Как будто смерти не бывало места,
Шумит неумолкающий оркестр,
И нет преград для этого оркестра.

Весь этот лес листом и корнем каждым,
Ни капли не сочувствуя беде,
С невероятной, яростною жаждой
Тянулся к солнцу, к жизни и к воде.

Да, это жизнь. Ее живые звенья,
Ее крутой, бурлящий водоем.
Мы, кажется, забыли на мгновенье
О друге умирающем своем.

Горячий луч последнего рассвета
Едва коснулся острого лица.
Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас и молча ждал конца.

Нелепа смерть. Она глупа. Тем боле
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: «Ребята, напишите Поле:
У нас сегодня пели соловьи».

И сразу канул в омут тишины
Трехсотпятидесятый день войны.

Он не дожил, не долюбил, не допил,
Не доучился, книг не дочитал.
Я был с ним рядом. Я в одном окопе,
Как он о Поле, о тебе мечтал.

И, может быть, в песке, в размытой глине
Захлебываясь в собственной крови,
Скажу: «Ребята, дайте знать Ирине:
У нас сегодня пели соловьи».

И полетит письмо из этих мест
Туда, в Москву, на Zubовский проезд.

Пусть даже так. Потом просохнут слезы
И не со мной, так с кем-нибудь вдвоем
У той поджигородовской березы
Ты всмотришься в зеленый водоем.

Пусть даже так. Потом родятся дети
Для подвигов, для песен, для любви.
Пусть их разбудят рано на рассвете
Томительные наши соловьи.

Пусть им навстречу солнце зноем брызжит:
И облака потянутся гуртом.
Я славлю смерть во имя нашей жизни.
О мертвых мы поговорим потом.

ВОЛГА

Поэма

П. Антокольскому

Седые тучи тянутся за Волгу.
Предутренняя стынет синева.
Над Жигулями пасмурно. Заволгла
Пожухлая осенняя трава.
Слоистые ползучие туманы
По камышам и плавням залегли.
Сурово молчаливые курганы,
Как стражи, поднимаются вдали.
Так вот она, широкая какая,
Встает навстречу, глаз не утоля,
Исконная, родная, золотая
Никем не покоримая земля.
Копни ее. Прислушайся. И снова
Об острие ударятся, звеня,
Пернатый шлем Дмитрия Донского
И две подковы борзого коня.
Копни еще: заржавленные латы,
Копье и щит, нагрудник и стрела.
За веком век. Давным-давно когда-то
Здесь сеча небывалая была.
Сухой песок до солнца поднимая,
Выхватывая звонкие клинки,
Сюда врывались конники Мамаю
Через пустынные солончаки.
Лохматые, растрепанные кони
Вставали на дыбы перед рекой.
Дмитрий наблюдал из-под ладони
И на врага указывал рукой.
И вот пошли, почти с землею вровень,
Галопом на становище врага.
Уже текут потоки теплой крови,
И кровью обгаряются луга.
Уже несутся с посвистом и гиком,
Напористы, по-русски горячи,
Врагов из седел вышибая пикой

И щит о щит перекрестив мечи.
И грудь в грудь — дубиной по сопатке,
Забрало сорвано — наверху.
На желтом горле в мертвой, цепкой хватке
Лиловая сжимается рука.
Захлебываясь розовой и пенной
Слюной, он зарывается в песок,
И, набухая солнцем постепенно,
Багровый разгорается восток.
Тяжелые, медлительные птицы
Хозяйственно садятся на тела.
...В огне и громе полыхал Царицын.
Здесь битва небывалая была.
К косматой гриве грудью прилегая,
Выплескивая тонкие клинки,
Сюда рвались драгуны Улагая,
Стремительны, отчаянны, легки.
И каждый будто вылит из железа,
И каждый по-звериному свиреп.
Но этот край был нужен до зарезу,
Как воздух, как насущный хлеб.
И назревала яростная сила,
Она такой живительной была,
Она живых к победе выносила
И мертвецов к бессмертию вела.
И шли полки. И таяли. И снова
Другие плотно замыкали строй.
Как будто мертвых поднимало слово
И снова в смертный выводило бой.
И в орудийном грохоте и реве
Песчаные дрожали берега.
Уже текли потоки теплой крови
И кровью обагрялись луга.
Заря от дыма, холодея, блекла.
В огне и дыме таяла звезда.
Но громыхали, вышибая стекла,
Из всех калибров бронепоезда.
Но конница летела цепь за цепью,
Ковыль до конских не касался ног.
И пробежал, едва заметный, степью
Оледенивший души холодок.
И, грудь в грудь, сойдясь у переправы,
С плеча, с размаху, ото всей руки,
Наотмашь, в лоб, налево и направо

Разбрасывали молнии клинки.
И офицеры падали. И в муке
Сжимались пальцы (жизнь на волоске),
Раскидывали холёные руки,
Как на распяты, на сыром песке.
Могилы их не стережет ограда,
Их кости дождик медленный сечет.
...Столбы земли встают над Сталинградом.
Здесь битва небывалая идет.
На жизнь и смерть. И сталь гудит зловеще
И изрыгает бешенство огня.
И на ветру пронзительно скрежещет
Снарядом раздробленная броня.
И, немца в темноте подкарауля,
Через передний край наискосок,
Как иволга, над Волгой плачет пуля
И в бронзовый врезается висок.
Зелёные и синие ракеты
Густую ночь, как одеяло, рвут.
И танки, опрокинутые где-то,
Как раненые мамонты ревут.
С когтистыми распятиями свастик,
Они ползут сквозь брустверы и рвы.
На башнях, неуклюжих и горбастых,
Сплошная грязь, пучки сырой травы.
Но, подпустив вплотную, до отказа,
И выкрик: «К бою!», и команда: «Бей!» —
Как факелы, их поджигают сразу
Укрытые засады батарей.
А сколько их сюда нагнали, жадных
До нашей русской, золотой земли,
И сколько их гниет в траншеях смрадных,
И слягут те, что нынче не легли.
Мы заживем. Мы выбьемся! Не нам ли
Судьбу вручила родина свою?!
Мы воины! Не маменькины мямли.
В последнем нам торжествовать бою.
Пусть вихрь сильнее. И дождь наотмашь
хлещет,
И над землею сладковатый чад.
Над трупами, раздутыми зловеще,
Медлительные коршуны кричат.
Мы выживем. Хотя б во имя долга.
Мы вырвемся к широкой синеве,

Мы в даль войдем, как в Каспий входит
Волга,

Отстаивая Волгу на Неве.

Да так, чтоб грудь от радости расперло,

Да так, чтоб песня птицею плыла.

Не иволги малиновое горло —

Здесь нужен клекот горного орла.

По непозабываемым приметам
Я узнаю: вот здесь жила она.
Она меня увидит из окна
И выбежит, как позапрошлым летом.

Ограда. Сад. Сирень исходит цветом.
Фугасной бомбой снесена стена.
Мне уши разрывает тишина,
Мне каждый камень говорит об этом.

Звонят стрижи над купой старых ветел,
Ты не придешь, как позапрошлый раз.
Наш ясный мир был радостен и светел.

Глухая буря ожидала нас.
Сгорело сердце, и остался пепел,
Тоска сухих, оледенелых глаз.

АВГУСТ

Вот он опять припомнился тебе,
Твой милый юг во всем великолепии.

Медлительный, на медленной арбе,
Проехал август перезрелой степью.
Как звезды крупны. Как они густы,
Свисающие гроздья винограда.
Родник, и хмель, и темные кусты
Окутанного полумраком сада.
Висит луна над хатой невысокой,
Но вчувствуйся, но вслушайся, взгляни —
Копытный наплывает передокот,
Настойчивое лязганье бропи.
Ты писем ждешь. Тебя берет досада.
Они совсем, быть может, не придут.
Припомни дом. Калитку. Сад.

До сада
Добрались немцы и расположились тут.
Горит костер. Разрыты танком гряды.
Он ходит здесь хозяином. Он жрет,
Причмокивая, кисти винограда,
И сукровица по губам течет.
Он сыт и пьян. Он вытирает руки.
Он на сестру твою глядит в упор.
Ты понимаешь приступ горькой муки,
Ты чувствуешь надежду и укор?

Мы многое видали на войне.
Нас заметала северная вьюга,
Нам было жарко, может быть, вдвойне,
Чем там сейчас, в степных станицах юга.
Все это так, и все это не в счет.
Вот он стоит, плечистый, невысокий,
Янтарный сок с усов его течет.
Его ладони в клейком липком соке.
Горланит сдуру горлопан петух.

Он гонится за ним. Хрустит под финкой
глотка.

На липких пальцах петушиный пух,
Куриным жиром пахнет сковородка.
Он шутит. Усмехается. Он рад.
Его жратвой и похотью расперло.
Он засопел. И пальцы наугад
Девическое стискивают горло.

А мы с тобой — хозяйева конца.
А мы с тобой — надежда и отрада.
Отчаяние тяжелей свинца,
И гнев созрел, как гроздь винограда.
Иди и бейся. Выход есть один —
В бою нечеловечески жестоком.

Густые кисти северных рябин
Едва осенним тронуты намеком.

Октябрь. И ночью, нарастая,
Совсем не летняя, не та,
Ползет осенняя, густая,
Обманчивая темнота.

Дожди — как обмороки. Слякоть.
Промозглая, сырая мгла.
Нас ждут. О нас устали плакать.
Нас ждут, как света и тепла.

Нас ждут. Всем сердцем верят просто,
Что мы придем, что близок час.
Нас ждут и Новгород и Остров,
В Смоленске ожидают нас.

И, старенький платок кусая,
Упрямо глядя на восток,
Ждет молча девочка босая
На перекрестке трех дорог.

Нас ждут любимые и жены,
В товарный загнаны вагон.
Соединяются вагоны,
И трогается эшелон.

Нас в приступе горячей веры
Земля в золе зовет сама.
Встает над ней туманом серым,
Тяжелым пологом зима.

Вперед! Пути иного нету.
Пути к грядущему ясны.
Идите, вестники рассвета,
Завоеватели весны!

НАС ОЖИДАЕТ НОВЫЙ БОЙ

Вот это поле в рывтинах и ямах
И оглушительная тишина.
Сорви пилотку с головы упрямой,
Друзей своих припомни имена.

Здесь наша дружба крепкая, надолго,
Навек соединившая сердца.
Здесь что-то выше верности и долга,
Самопожертвованья до конца.

Во имя нашей Родины, во имя
Великой жизни шли они на смерть.
Сравни ее, поставь ее с другими,
Попробуй оцени ее, измерь.

Ты бился рядом. Ты, конечно, вправе
Быть гордым и друзьями и собой,
Но не сегодня говорить о славе, —
Нас завтра новый ожидает бой.

Война для нас единое призванье.
Нам в руки судьбы Родины даны.
Вложи всю силу, все свое дерзанье
В отчаянное ремесло войны.

Ты поклянись перед могилой этой
И памяти друзей не омрачи.
...Взлетела в небо красная ракета.
Прожектора скрестились, как мечи.

1942

МАТЬ

Совсем одна на утреннем рассвете,
От грохота и грома вдалеке,
В спокойном Широковском сельсовете,
На мелководной Молохте-реке,

На левом берегу стоит мирская,
Обхвата в три, зеленая сосна.
Вот там и пролетела золотая,
Младенчества веселая весна.

Тяжелые, мохнатые деревья
Шептали сказки зимних вечеров,
И по пригорку — Клевнево, деревня,
В сугробах снежных, из шести дворов.

Там в водополье веет влажный ветер,
Болота превращаются в моря...
Вот там и есть — милей всего на свете —
Единственная родина моя!

Там жимолости розовая пена,
Смородина да хмелья благодать,
Поля в цвету. Там и жила Елена
Васильевна — моя родная мать.

Вот вспомнишь так — и запахом знакомым
Пахнут ветра от этих дальних мест,
Есть церковь на горе под Вязовском
И на кладбище деревянный крест.

Пусть нет тебя, но до смертельной дрожи
В коловороте грома и огня
Всего понятней и всего дороже
Твой образ был, как песня, для меня.

Нет, это больше, это не привычка —
Воспоминанья сладковатый хмель.
Я был везде: у черта на куличках,
От родины за тридевять земель.

Я мерз в снегу, я шел опять в дорогу;
Дымилась даль прифронтовых дорог.
Я падал, поднимался. Снова ногу
Подсчитывал походный котелок.

И в перерыве, в передышке боя,
Когда, казалось, пелу больше сил,
Я в тишине беседовал с тобою
И об одном тогда тебя просил, —

Чтоб научила ты меня, не мучась,
Сквозь все дороги, через все пути
Солдатскую положенную участь
На перетертых ляжках пронести.

А осень рядом шлепала впритруску
И обдавала ветром и дождем.
Я падал. Поднимался. Я был русской,
Всё испытавшей женщиной рожден.

Вода стекала по железной каске,
Шумела над усталой головой;
Ты возникала рядом, словно в сказке,
И молча проходила предо мной.

Был зной и лето. И земля дрожала,
Весь мир насквозь пронизывала дрожь,
Ты, всех проворней нагибаясь, жала
Высокую, наливистую рожь!

Какая человеческая сила
Была в тебе, когда вдоль полосы
Ты, проходя, размашисто косила
Шатиловские спелые овсы!

Потом был запах хлеба и овна
И клевером набитый сеновал.
...Чего желать? Я сам теперь мужчина,
Я вырос, огрубел и возмужал.

За то, что мне дороже всех на свете
Единственная родина моя,
Где в водополье веет влажный ветер,
Болота превращаются в моря,

Где частокол, опутан повиликой,
Встает перед глазами как живой,
Где влажный воздух пахнет земляникой
И скошенной просушенной травой,

Где на тропе, полузабытой, узкой,
Мать-мачеха обрызгана дождем,
Хотя бы потому, что я был русской,
Всё испытавшей женщиной рожден,

Я вновь готов! Опять иду в дорогу,
И кровь врага сочится из-под ног.
Четвертый год подсчитывает ногу
Походный неизменный котелок.

Да, я нигде не преклоню колена.
Мне долго жить и много воевать.
Но, видишь, жду: благослови, Елена
Васильевна, моя родная мать!

Мы вглядывались молча в синеву,
Суровому дивясь великолепию.
Мы хлынули в упор через Неву.
За Ленинград! И с ходу, цепь за цепью,
Пуская в дело крючья и багры,
Через колючку дьявольской работы,
Сквозь рытвины, воронки и бугры,
Сквозь брустверы мы хлынули на дзоты.
В дыму, в пыли мы видели лицо,
Мы голос слышали, что вечно неизменен.
И разлетелось вдребезги кольцо,
Блокада разворочена...
И Ленин
Встает перед глазами вдалеке,
Где облака по-северному седы.
Как у вокзала на броневике,
Зовет вперед на новые победы.

21 января 1943

Для трижды ненавистного врага,
С какой бы он сюда ни рвался силой,
С времен Петра вот эти берега
Холодной раскрываются могилой.

Пусть время мчится и гудит в ушах,
И крошится кремневая порода.
По-прежнему тяжел упругий шаг
Воинственного русского народа!

Сквозь смерть и голод, через дым и гром,
Сквозь розовое медленное пламя,
Над проклятым, поверженным врагом
Мы пронесли солдатской славы знамя.

России сын, столицы первый брат,
Перетерпевший все земные муки,
По-прежнему сегодня Ленинград
Свободные протягивает руки.

1943

НА БОЙ!

Во имя Родины и долга —
На бой! Сегодня наш черед!
Мы ждали молча, ждали долго,
И слово сказано — вперед!

Вперед! Налево и направо
Метет свинцовая пурга,
И через лед за переправу
Пехота рвется на врага.

Вперед! И, мужество утроив,
Сквозь гром и грохот огневой
Идут орлы, идут герои
Несокрушимую стеной.

Пусть ветер свищет, хлещет вьюга,
В дыму и гари синева.
Вслед за победной вестью с Юга
Встает военная Нева.

И, как всегда, у Ленинграда
Простое, строгое лицо.
Вперед, орлы! Ломай блокаду,
Ее железное кольцо.

1943

Январь пришел, и снова в спину
Метет косматая пурга,
Седую русскую равнину,
Как в шубу, кутает в снега.

Ночь. Тишина. Крутая стужа.
И над родною стороною
Еще висит немецкий ужас
И ставит волосы кожной.

Пожары гаснут на рассвете,
Земля бесправна и бела,
На виселицах тихий ветер
Качает стылые тела.

Вглядись — и ты узнаешь брата.
Еще взглядишь — узнаешь мать.
Приходит грозная расплата,
Мы долго ждали. Хватит ждать!

1943

ГАНГУТЦЫ НА НЕВЕ

Умолкнет гром последнего раската.
Мы где-нибудь да встретимся опять.
Нам есть о чем поговорить, ребята,
Нам есть что вспомнить, что порассказать.

Друг друга мы узнаем по походке,
Неловкая наступит тишина.
Так наливай по двести граммов водки,
Положенной наркомом, старшина!

Не опьянеем. Ничего. Надеемся!
Мы не падали жизни на войне,
Мы заслужили звание гвардейцев, —
Так выпить полагается вдвойне.

Мороз такой, что спирт не отогреет,
Но кверху поднимается ладонь,
И голос Давиденко: «Батарея!»
И следом оглушительно: «Огонь!»

Снарядами промешанные круто
С золой и пеплом синие снега.
И мне припоминаются Гангута
Скалистые седые берега.

Жарынь-жара. И в переблесках алых
Ночь, словно день, тревожна и светла.
Дурман-трава и лишай на скалах,
Лес и болота — выжжены дотла...

Туман и гарь. Земля и крошечка сгустки.
Дробятся камни и горит трава.
Напористо, размашисто, по-русски
Мы с боем занимали острова.

И вот опять на брустверах и дзотах
Сдувает взрывом иней налет.
Бывалая гангутская пехота
Тремя волнами хлынула на лед.

И словом оборотистым, покруче,
Зовет бойцов, огнем атаки пьян,
И вылетает птицею по круче
На левый берег капитан Салтан.

Здесь жизнь проста. А смерть подавно проще.
Из немцев душу вышибая вон,
За разнесенной в щепки Редкой рощей
Уже проходит третий батальон.

Уже в конюшне вспыхнула солома,
Уже, до крови закусив губу,
В немецкий дзот гранату бросил Шлома
Через печную ржавую трубу.

И вслед за взрывом отлетают двери,
Как будто ад наружу лезет сам! —
На четвереньках выползают звери
И поднимают лапы к небесам.

Они дрожат. Налево и направо,
Через Неву — и вдоль и поперек,
По грубым деревянным переправам,
По рывинам разъезженных дорог

Уже проходят танки. А в стороне,
Ободранные выставив горбы,
Тяжелые немецкие трехтонки,
Как лошади, подъяты на дыбы.

За Марьином, за лесом на опушке,
Где ветер снегу по уши надул,
Снарядами беременные пушки
Уткнулись в землю ртами черных дул.

Пехота рвется дальше сквозь сосняк,
И берегом проходит Симоняк.

Мы знаем боевого генерала.
Он — батька нам. Он нам — и друг, и брат,
Обстрелянный, настойчивый, бывалый,
Огонь и воду видевший солдат.

Вот он идет. Во тьме свистят осколки.
Суровое, спокойное лицо.
Мы забираем первые поселки.
Уже трещит блокадное кольцо!

Уже последним натиском атаки,
Разгоряченный боем, как снаряд,
С бойцами прорывается Собакин, —
И волховчан встречает Ленинград!

Еще об этом песня не пропета,
Еще «Ура!» несется по рядам.
Всю страсть и вдохновение поэта
Я в этой песне с кровью передам.

Мы соберемся снова, как бывало,
Друзья по гроб. И сразу пробки — вон,
Кутузов, Черноус и Чичеланов,
Никем не заменимый почтальон.

Мы выйдемся до праздника такого —
С врагами рассчитаемся сполна.
Мы Зотова помянем, и Уткова,
И Виктора помянем Чухнина.

Полгоризонта пламенем объято,
Еще нам, братцы, хватит воевать!
Умолкнет гром последнего раската, —
Мы где-нибудь да встретимся опять.

СЕНТЯБРЬ

М. М. Зоценко

1

Ударит первую остудой
Трава в тяжелом серебре,
И писем в августе не будет,
Не будет писем в октябре.
Опять пойдет все как не надо,
Навыорот и невпопад.
За переломанной оградой
Пройдется желтый листопад.
Опять потянутся недели,
Как паутины волокно,
Косноязычные метели
Освищут белое окно.
И снегом скрипнет первый полоз,
И я в оснеженном краю
Увижу тонкую, как колос,
Родную женщину мою.
Какой тоске, каким страданьям
Пустое сердце передам...
Я сам явился б оправданьем
Быстрее срочных телеграмм,
Но сердце тронуто остудой,
Трава в тяжелом серебре...
Но только прошлого не будет,
Как первых писем в октябре.

2

Осень проберется между просек
И пойдет по лесу не дыша,
И чего-то тихого запросит
Светлая, печальная душа.
Ты уйдешь по солнечной тропинке
С белой ромашкою в косе.
А леса в огне и паутинке,
В матовой серебряной росе.
Ты увидишь мир, раскрытый настееж,

И ресницы вздрогнут и замрут,
Будто выпьешь радости и счастья
До краев наполненный сосуд.
И окинешь удивленным взглядом
Медленную голубую даль,
Потому что вечно ходят рядом
Молодая радость и печаль,
Потому что вызревшее лето
В сентябре оковывает медь,
Потому что сердцу нет запрета,
Потому что сердце хочет петь.
Только поделиться этим не с кем,
А тоска подходит, горяча...
Накрывает плечи перелескам
Осени огнистая парча.

3

За холодеющей каймою
Плывут, скрываются вдали
Над Кинешмой и Костромью,
Над Юрьев-Польским журавли.
Над Суздалем и над Ковровом,
Над тихим шелестом долины,
Над миром праздничным ковровым,
Над красным заревом рябин,
Над Клязьмой проплывают плавно,
Над той обрывистой тропой,
Где, краше песни, Ярославна
Идет за утренней водой.
Студенные седые росы
На травах жемчугом горят,
Тяжелые льняные косы
Упруго падают до пят.
А с чем сравнить ее походку,
Ее лучистый, светлый взгляд?
Так в камышах проходят лодки,
Так птицы дикие глядят.
Когда-нибудь один, угрюмый,
Пойду за песней по следам:
Я сам тебя такой придумал
И никому тебя не дам,

Рассыплется на травах и на лужах
 Ущербное сияние луны,
 Игольчатая изморозь окружит
 Сверканием холодным валуны.
 Полночный филин за рекою ухнет,
 Расколется разбуженный простор,
 И одиноко вспыхнет и потухнет
 На полпути разложенный костер.
 И снова ночь от света золотого
 Со всех сторон нахлынет на меня.
 Я долго шел. Я грелся у чужого,
 Случайного, попутного огня.
 А ты мне только издали светила.
 Я подходил — ты отбегала прочь.
 Какая ослепительная сила
 Меня вела! Но не отходит ночь.
 Сверкни еще, да так, чтоб тьма ослепла
 И обнажила острые углы,
 Чтоб я дошел, чтоб я добрал до пещла,
 До серой, остывающей золы.

Я потерял тебя. Двоятся
 В глазах лиловые круги,
 Мне все мерещатся, все снятся
 Твои далекие шаги.
 В осеннем шелесте затерян
 Твой одинокий легкий след.
 Простор застыл. Простор безмерен,
 И больше нет возврата. Нет!
 Оплакав новую потерю
 В моем отчаянном бреду,
 Я в воскресенье не поверю
 И по следам не побреду,
 Я снова все переиначу,
 Как думаю и как хочу,
 Перестрадаю, переплачу
 И дань тоске переплачу, —
 Пока опять из дальней дали,
 Как первый ливень на траву,
 С глухого дна моей печали

Ты снова встанешь наяву —
Вся тихим светом залитая,
Опять готовая любить,
Совсем моя, совсем такая,
Какою ты не можешь быть.
Благодарю тебя, мгновенье!
Всему на свете вопреки
Здесь начинаются стихи —
Моя судьба, мое спасенье.

1913

ЖАВОРОНОК

Памяти К. Маршеля

Под сапогами оползает глина,
И вот опять встает перед тобой
Снарядами разрытая равнина,
Где третьи сутки колобродит бой.

Дрожит земля от бешеного гуда,
На сорок верст ворочается гром,
А он вспорхнул и с вышины, оттуда,
Рассыпался звенящим серебром.

Свистели бомбы. Тявкали зенитки.
Протяжный гул, невероятный вой...
А он висел на золотистой нитке
Между разбитым небом и землей.

Как будто бы пронизывала тело
Животворящей радости волна.
Моя земля травинкой каждой пела,
Таинственного трепета полна.

И раненый смотрел на клубы дыма,
Прислушивался к пенью не дыща.
Здесь смерть была, как жизнь, необходима.
И жизнь была, как песня, хороша.

1943

ШОФЕР

По лужам, по оврагам, напрямик,
В крутой грязи по ступицы, по брюхо,
Как бегемот, отфыркиваясь глухо,
Прходит санитарный грузовик.

Он медленно вползает на бугор,
Дрожит, трясется, а земля размокла.
Но бьет снаряд — и вылетели стекла,
Осели шины, и заглох мотор.

Шофер, шатаясь, вытащил домкраты
И целый час возился у колес.
Ключи звенели, и пыхтел насос, —
Он заменил разорванные скаты.

Он в руль вцепился, черен и горбат.
Он вел машину бережно и скоро...
Доставившего раненых шофера
Вносили санитары в медсанбат.

1943

С. Кара

У Кинешмы и Решмы —
Особая краса.
Ложится на орешник
Тяжелая роса.
И песня долго-долго
Тревожит тот покой,
Плывет над самой Волгой,
Над медленной водой.
Она почти сквозная,
И я, ее любя,
За тыщу верст узнаю
И вспомню про тебя.
А здесь, у переправы,
У смертной полосы,
Обугленные травы
Чернеют от росы.
Пусть битвы будут долги...
По пеплу черных трав
Приду на берег Волги
Сквозь сорок переправ.

1943

РОМАНТИКА

Аркадию Пекельному

Встают косматые откосы,
Обрывы каменной земли.
Чернобородые матросы
Из бухт выводят корабли.

В руках мелькают карабины,
Багры и крючья входят в раж —
Дубовый корпус бригантины
Охватывает абордаж.

Потом волна несет обломки,
Кипит песчаная коса.
Чернобородые потомки
Опять вздымают паруса.

Крутой романтики наследство,
В морской простор от пыльных книг,
Упрямо вынырнувший с детства,
Проносит нас крылатый бриг.

И снова гордый флаг державы
Недосягаемо высок,
Хрустит на побережье ржавый,
Волной залитый песок.

И расступается седая,
Предутренняя тишина,
Когда проходит, оседая,
Почти на цыпочках, волна.

Она освобождает руки
И возвращается туда,
Где час назад ворвалась в люки
Неумолимая вода.

Но он прошел сквозь сто агоний,
От гибели на волосок,
И вот опять его ладони
Холодный щупают песок.

Он раз и два вздыхает тяжко,
Он видит снова наяву
До нитки мокрую тельняшку,
Песок и эту синеву.

В дыму косматые откосы,
Обрывы каменной земли.
Встают безусые матросы
И оставляют корабли.

И снег горит под каблуками,
Металл на клочья землю рвет.
Штыком, гранатой и руками
Он продирается вперед.

Потом клубится гарь и пепел,
И он встает, оторопев.
Поистине великолепен
Его неумолимый гнев.

Былой романтики наследство,
В пожар, в огонь, от пыльных книг,
Упрямо вынырнувший с детства,
Его несет крылатый бриг.

И снова пламень нашей славы
Прошедший освещает век.
Хрустит сыпучий и кровавый,
В золе и пепле, черствый снег.

Потом клубится мгла седая
И набухает вышина,
И, к ивголовью оседая,
Уже подходит типшина.

Но он прошел сквозь сто агоний,
Из камня сбитый человек,
И вот опять его ладони
Сухой ощупывают снег.

Он раз и два вздыхает тяжко,
Но давит на плечи не та
Почти железная тельняшка
И неземная темнота.

Он смотрит, он уже безвольно
Ощупывает эту тьму.
Ты, может, вымолвишь: «Довольно», —
Но позавидуешь ему.

И снова луч прямой, как кортик,
Располосует вышину,
И снова выстрелы испортят
Его земную тишину.

И вновь весны веселый запах
Приносит новая заря.
На неуклюжих черных лапах
Ползут на берег якоря.

Так выходи, живое слово,
На караул солдатом стань
И обнажи, как штык, сурово
Свою отточенную грань!

Чтоб солнце плыло сквозь туманы,
Чтоб в небе — молния и гром.
Чтоб все земные океаны
Всю ночь ходили ходуном.

ПЕТР

В лучах оранжевого света,
Над изумрудною травой
Не медным слепком Фальконета —
Ты встал воистину живой.

Коня разгневанная морда
Сквозь дым видна издалека.
И над Невой поднята твердо
Мужская грубая рука.

Пятипудовые копыта
Занесены над мостовой,
Густая грива ветром сбита.
По ветру волосы копной.

И, разрывая грудью путы,
Ты рвешься, радостен и зол,
По ветру плащ летит раздутый,
Расстегнут вышитый камзол.

О чем бы только ни спроси я,
Ты мне всегда ответишь враз,
Моя просторная Россия,
Без оговорок и прикрас.

Разлет твоих тесовых кровель,
Твой леса, твой поля,
На едком поте, терпкой крови
Перебродившая земля.

Твои спокойные рассветы,
Зола полуночных костров,
Коричневые парапеты,
Полет стремительных мостов,

В зеленом оперенье парки,
Решетки кованых оград,
Дугою выгнутые арки,
Тяжелый мрамор колоннад!..

Как необыденно и просто
Седое слово — Петербург.
Сто сирых выюг и девяносто
Сухих и ледовитых пург

Тебя с налета пеленали,
В густые, в белые снега...
Пускай мы очень мало знали
О кознях нашего врага,

Пусть грудь обидами расперло,
Войны дорога далека,
Пусть пятерней схватила горло
Опять солдатская тоска,

Пусть чадом пахнут бивуаки,
Походным стойбищем коня, —
Я был в аду седьмой атаки
И вышел целым из огня!..

Пусть волны Балтики косматы
Враспашку на берег идут, —
Твои галеры и фрегаты
Летят по ветру на Гангут!..

Я был на каменной твердыне
У синей взбалмошной воды.
Там на земле видны поныне
Твои широкие следы.

В пролетах крепостей мундиры
Мелькают в розовой пыли,
Твои седые бомбардиры
Подносят к пушкам фитили

И с ходу — на стены, на башни,
С тобою рядом, за тобой...
Я вижу грозный, рукопашный,
Во всем размахе русский бой!..

Потом стущаются потемки,
И глухнет битва до утра.
Товарищ! Мы с тобой потомки,
Сыны Великого Петра.

Здесь Петр вбивал в фундамент сваи,
Сносил болотные кусты...
Вслепую движутся трамваи
Через висячие мосты.

И сумрак с каждым днем короче,
И до рассвета далеко,
Но из ушата белой ночи
Парное льется молоко.

Свистят стрижи в высоких гнездах.
В копытном цоколе гранит.
Ночь наплывает в крупных звездах.
Еще уверенней горит

Огонь немеркнувшей отваги!
...Над медной статуей Петра
Уже скрестили в небе снаги
Косых лучей прожектора.

1943

На пепелище дикая трава,
В развалинах зеленая крапива,
Но ты взглядишь — еще жива, жива
Иллюзия, что ты была счастлива,

Что где-то рядом бродит этот день,
Трава росой набрякла и намокла
И в комнату врывается сирень
Через дождем прочищенные стекла.

Так настезь окна! Пусть бушует страсть,
Чтоб цепенеть от нестерпимой муки,
Чтоб в обморок от запаха унасть,
Беспомощно раскидывая руки,

Чтобы опять косматыми ногами
Почувствовать, что пламень не остыл,
Что трепетно теснится за плечами
Предчувствие полузабытых крыл.

1943

Есть женщина любимая. Она,
Как желтая осенняя луна,

Почти недвижна и почти тиха,
Как музыка певучего стиха.

Я прохожу сквозь лес и валуны
Сухой тропой на желтый свет луны.

Я пью. О, как пьянит оно,
Осеннее тягучее вино!

И набухает зноем голова,
И вызревают первые слова,

И наплывают радужные сны
Томительной и розовой весны.

1943

СОЛДАТКА

Сырой туман висит над морем.
И над землею едкий дым.
Пока мы о грядущем спорим
И о сегодняшнем молчим,

Пока не в силах дать ответы,
Но, в позу встав, наверняка
Славянофильствуют поэты
О судьбах Родины. Пока

Я, неприкаянный и жесткий,
Ищу печальные слова,
Стоит одна на перекрестке
Россия, женщина, вдова.

Скрипят тягучие обозы
Из леса в лес, и целый день
Грустят окольные березы
Над серым пеплом деревень.

Собаки где-то лают глухо,
Горят багровые снега,
И молча крестится старуха
На черный остов очага.

Глядит бесцветными глазами
На обнаженные холмы,
Где, опаленные боями,
В воронках умирали мы.

Придет сюда походкой шаткой
Неумирающая жизнь.
Россия, женщина, солдатка...
Но ты попробуй подступись!

Обворожи ее, сосватай,
Заморской сказкой заморочь, —
Любого хахаля ухватом
С порога в шею гонит прочь.

1943

ШТУРМОВИКИ

Ходят пыльные вихри на бронзовом аэродроме.
Глохнет воздух, промозглый от рева, летящего прочь.
Небо в розовых молниях, в белых разрывах и громе,
И тяжелым прожектором вспорота темная ночь.

Тучи лезут и лезут, за стенкою новая стенка,
Но упругий рычаг выжимает проворно рука.
На осыпанный бруствер встает подполковник
Свитенко,
Провожая на бой уходящего Голодняка.

За сигнальным огнем ночь смыкается плотно. И слепо
Самолеты на ощупь равняют размеренный строй.
И горят эшелоны на желтом песке Кингисеппа,
Над Синявином дыма и пламени едкий настой.

Только груды земли. Только в щепки разбитые доты.
Только ветер от Ладоги дует, напорист и свеж.
Только следом поднимутся грозные цепи пехоты,
Будет взят обработанный вами рубеж.

Безграничная смелость. Единство расчета и риска.
Раскаленного воздуха, серой зола круговерть.
Сотни раз пролетела над самыми крыльями, близко,
Сотни раз побежденная вашей смелостью смерть.

Бредит утром земля позабытым домашним покоем.
Голубые туманы ползут по оглохшей земле.
Самолеты ревут и проходят размеренным строем.
И багровое солнце горит на пробитом крыле.

1943

ГЕРОЯМ

Я славлю вас, в дыму и громе стали
За родину встающих как гора,
Стремительных и яростных баталий,
Атак и наступлений мастера.

Я вспоминаю: ночь была свинцова
И день пришел, как ночь тяжел и хмур,
Я вижу вновь солдата Молодцова,
Заткнувшего глазницы амбразур.

На пулемет без трепета и крика
Он навалился. И — задохся враг.
Проходит с боем командир Запка
Сквозь семь остервенелых контратак.

И вижу я, как, надвигаясь снова,
Косит и мнет врагов наверняка
Огонь из автомата Пирогова,
Неумолимый танк Осатюка.

Бей по фашисту! Не жалей патронов!
Пусть падает на землю и хрипит.
И славный ас Василий Харитонов
Двадцатый добивает «мессершмитт».

Туман и дым. Чертовская погодка,
Снег почернел, осыпался, обмяк.
И вот идет, я вижу по походке,
Мой командир — товарищ Симоняк.

Он с нами был. И мы как сталь стояли.
Он звал вперед. Мы выбились туда.
Мы никогда нигде не отступали
И, верю, не отступим никогда.

Метут снега... И ходят тучи рваны.
Земля гудит в пороховой пыли.
Я славлю вас, солдаты-ветераны,
Богатыри своей родной земли!

1943

КОСТЕР НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Поэма

Памяти краснодонцев

ВСТУПЛЕНИЕ

На косогор взбирается тропа,
В сырой траве желтеют черепа.
Чертополохом заросли окопы,
В воронках рваных ржавая вода...
Здесь юности печальной навсегда
Переплелись и оборвались тропы.

Здесь тишина зловеща и пуста.
Притихшие, оглохшие места
Тревожит эхо позабытой песни...
Горевшее на медленном огне,
Простое слово, вверенное мне,
В первоначальной ясности воскресни!

Я знал страду. Я ел солдатский хлеб.
Я видел столько горя. Я ослеп.
Я разучился в воскресенье верить,
Гнилую накипь желчи и тоски
До гробовой неструганой доски
Мне никакою мерой не измерить.

Друзья мои, товарищи мои,
Для вас уже окончились бои.
Вы рассчитались полностью. Вы квиты!
Но совесть говорит мне: «Не туши
Горячий свет обугленной души.

Ты здесь один». Плакучие ракиты
Не шелестят листвой среди могил.
О, как мне этот тихий воздух мил!
И я его покоя не нарушу.
Но, может, кто-нибудь — ведь путь далек! —
Заглянет на вечерний огонек
И ответит за разговором душу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как из ведра, мешая воду с пылью,
Струистый ливень заволок простор,
Косые переломанные крылья
Над голубиной степью распростер.

Он ринулся, прихрамывая, боком,
По мостовой, по плоскости пруда.
Захлестывая горло водостокам,
Заговорила тонкая вода.

Промытый мир раскатами заполнив,
Сквозь грозовые тучи, напролом,
В голубоватых переплетах молний
Чугунный перекачивался гром.

Багровыми зарницами блистая,
Непоправимым бедствием грозя,
За первой шла, гремя и нарастая,
Другая, небывалая гроза.

Уже летели всадники проселком
И лошади храпели, горячи,
Когда застрявшим по пути двуколкам
Колеса подминали тягачи.

Уже росло неистово над домом
Гудение, сводившее с ума,
Мелькало пламя вперемежку с громом,
На щепки разносившее дома.

Свистел огонь. За первым поворотом,
Отыскивая щели, наугад.
Уже стучал, как дятел, по воротам,
По белым палисадникам приклад.

Дробились стекла, полыхали крыши,
Скрипели двери на одном гвозде.
Тянулись руки обгоревших вишен
За милостью к лазоревой звезде.

Заливистый и тонкий плач ребенка
Уже звенел, захватывая дух.

За грязными колесами вдогонку
Летел по ветру петушиный пух.

В **д**иловых искрах, пламенем объятый,
Свисал карниз с причудливой резьбой.
...Прошло четыре дня. На пятый
Притих разбушевавшийся разбой.

Осел на листьях перегар и порох,
Свернулась кровь коростю в пыли.
Дорогой пыльной каменных шахтеров
По улицам пустынным повели.

Потом кладбищем, мимо колокольни,
Откосом развороченным, туда,
Где темные разрушенные штольни
Упругая заполнила вода.

И вот, с последней собираясь силой —
Глаза в глаза, как выстрелы в упор, —
Над свежей, незасыпанной могилой
Последний поднимается шахтер.

Течет песок. Горячий воздух гложет,
Чернеет постепенно бирюза...
Стоит Олег на косогоре. Сохнет
Сползающая по щеке слеза.

Он видел всё. Он помнит все. По шляху
Проходит ветер, и клубится прах.
И, чуждый угнетающего страха,
Он сам стоит, как замогильный страх.

От солнца выцветающие прядки
Густых и мягких пепельных волос
На бледный лоб спадают в беспорядке.
В них солнце нитями перевилось.

Взгляд ясных глаз еще по-детски робок,
Но в них сейчас же вспыхнет, только тронь,
Упрямый освещающий подбородок,
Романтики пленительный огонь.

Я вспоминаю солнечные книги,
Заморских птиц густые голоса...
Дубовые двухмачтовые бриги
Прямые поднимают паруса.

Мне снится сон. Как шерсть медвежья, бурый
Над бухтой Ольги плавает туман,
Ревмя ревет и колобродит бурей
Великий, или Тихий, океан.

Мне снится сон. Я слышу голос шпаги,
Полет стрелы, упругий взмах меча —
Там воины невиданной отваги
Напропалую рубятся сплеча.

Идет буран через седые дебри.
Мохнатые качаются леса.
Полночных трав светящиеся стебли
Окутывает белая роса.

Сырой песок. Крутых камней оскалы,
И клекот птиц над самой головой.
И снова расширяется о скалы
И мраморные выступы прибой

Вот этот мир. А ведь на самом деле
Гляделась в омут голубая ель.
Мы на обрыве у реки сидели,
Смородину удушьем мучил хмель.

Густой крапивой заросла плотина,
Журчал родник, песком желтел откос,
Цвели кувшинки, остро пахла тина,
И воздух млея в гудении стрекоз.

За мостиком сырым у водосброса
На огороде сохли невода,
Замшелые зеленые колеса
Ворочала рабочая вода.

Жара томилась. Забиралась в сени.
Прохладой исходили погреба.
Был сенокос, и все поречье в сене,
И в воздухе стояли ястреба.

На лысый холм, со всех сторон пологий.
Уже взбирались, обходя стога,
Проселочные пыльные дороги...
О, как ты бесконечно дорога,

Копытами притоптанная глина,
Тропинка в подорожниках, поля,
На перекрестке тонкая рябина —
Родная материнская земля!

Она одна и в радости, и в горе,
Она одна верна тебе навек.
Ты без нее — ничто... На косогоре
Еще стоит, задумавшись, Олег.

Он помнит всё. Он видел все. По шляху
Проходит ветер, поднимая прах.
И, чуждый угнетающего страха,
Стоит Олег, как замогильный страх.

Он слышит запах из глубоких впадин
Стоячей, неподвижной тишины...
О, как он неотесан, как нескладен,
Весь этот мир с обратной стороны!

Он, как хрусталь, в сиянье светлых радуг
Горел огнями розовыми. Вдруг
Его разбили, растоптали. Лягут
Последние осколки под каблук.

Развалины холодным слоем непла
Глухая накрывает пустота.
Нет, он не согласится, чтоб ослепла,
Чтобы оглохла ясная мечта.

Легли на лоб недетские морщины —
Он принял вызов. Он на все готов!
Я вижу здесь рождение мужчины
Из мальчика шестнадцати годов.

Так все мое большое поколение
Прошло в боях кровавое крещение.

Огнем обуреваемое, слепо
Оно рвалось в смертельные броски,

В горящие предместья Кингисеппа.
На желтые херсонские пески.

Оно спало с гранатой в изголовье
И снова в бой кидалось, недоспав,
Оно горячей исходило кровью
У ледяных днепровских переправ.

С редута на редут, неумолимо,
От темных берегов Березины,
Оно прошло, все в черных клочьях дыма,
Под красными штандартами войны.

Прижатое вплотную к Подмоскovie,
Оно все силы собирает вдруг.
Горят леса. Дымятся травы кровью,
И ты, Олег, вступаешь в этот круг.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В подвал ведут разбитые ступени,
Шальные звуки будоражат тишь,
Таинственные оживают тени,
Легучая шарахается мышь.

Квадрат окна, струясь, ложится на пол
И — отсветом — на темный потолок;
Он грязными подтеками заляпан,
Зеленоватой плесенью намок.

Летают золотые переблески,
Как бабочки, по кирпичам скользя.
На гряде обвалившейся известки
Сидит Олег, и здесь его друзья.

Так собирались на глухие сходки
В седом дыму прокуренных квартир
Седых вождей бывалые погодки...
Проходит время, изменяя мпр.

Но мне сейчас донельзя стало ясно,
Мне видно, огрубевшему в боях,
Как вечная преемственность прекрасна,
Какая кровь играет в сыновьях!

Да будет так! Да будут вечно святы
Пути борьбы до самого конца!
Здесь нет ребят. Здесь родины солдаты!
Олег встает. Мне не видать лица.

Но мне понятен в каждом честном слове,
Произнесенном твердо, наизусть,
Солдатский запах пороха и крови.
И стены отзываются: «Клянусь!»

И снова ночь на черепице стынет.
Кричит сова с глухого чердака.
Спит комендант немецкий на перине —
Он ни о чем не ведает пока.

Он может вновь с добром из Краснодона
Еще один отправить эшелон —
Мелькнет за поворотом перегона
Мышиным глазом хвостовой вагон.

Но день пройдет. В малиновом затоне,
Сначала расплываясь и горя,
Осядет постепенно и затонет
Спокойная вечерняя заря.

И вдруг подступит смутная тревога
Из глубины, как тошнота ко рту.
...Слепая спотыкается дорога,
В ночную упираясь темноту.

Шурша травой, перебирая прутья,
Прямой, как стрелы, белый, словно пар,
Издаലെка подходит к перепутью
Двойной огонь автомобильных фар.

За поворотом хрустнули колеса,
И, темноту разрезав, проплыло
Из-за кустов, обрезанное косо,
Крутое вороненое крыло.

И вот от оглушительного взрыва
От синего гремучего огня
Оно мелькает молнией с обрыва,
И пополам ломается брeня.

Колеса, отрываясь от мотора,
Летят по кругу, замедляя бег.
Ударившись о камни косогора,
Весь кузов разлетается. Олег,

Смотри сюда! По-каменному немы,
Они лежат перед тобою здесь —
Три офицера и шофер. Так все мы
Вступали в бой. Так начиналась месть.

Так было подле Выборга. Граната
Разорвалась. На розовом снегу
И только видел голову комбата.
И вот тогда я понял, что могу

Идти напрапалую. Цепenea,
Я поднимал багровую ладонь.
И два часа гремела батарея,
И землю перемешивал огонь.

Потом я видел взорванные дзоты,
Обломки бревен, камни и кусты.
...От финских скал сквозь топкие болота
Березовые тянутся кресты.

До голубой изломанной излучки
Днепра и Буга, путаясь в траве,
Они бредут, раскидывая руки,
С рогатой каскою на голове.

Они проходят по колени в лужах,
Их бьют дожди, болотный душит чад.
Их валят ветры, обдавая стужей,
И над пустыней вороны кричат.

Костистые, измазанные в глине,
Они взбираются на берега.
Кресты к лебяжьей подойдут перине
И встанут в изголовье у врага.

И, темными предчувствиями мучась,
Он вскочит, вещей проклиная сон,
Он в них увидит собственную участь,
Свою судьбу, — и все узнает он.

Он встанет, ошарашенный, за дверью,
И он увидит: через пыльный двор
К нему подходят черные деревья,
И на него в штыки идет забор.

К нему идут отточенные ливни
В голубоватых кованых клинках,
Ощеренные выставляя бивни, —
Из каждой подворотни лезет страх.

Он по земле идет. Его качает.
Под ним, срываясь, падают мосты.
Но комендант пока не замечает,
Что этим страхом руково́дишь ты.

А ты опять, стремителен и ловок,
Неуловим, неузнаваем, тих,
Опять неслышно налепил листовок,
Как приговор, на спины часовых.

Ты вынырнешь как тень. От колокольни
Ты проберешься, проскользнешь во мгле.
Наутро немец в позабытой штольне
В намыленной качается петле.

А ты вздохнешь, ты выйдешь за ограду —
Прозрачный воздух ломок, невесом;
Шурша листвой оранжевой, по саду
Степная осень ходит колесом

И замирает, ярко-золотая,
На медленной поверхности воды...
Как будто гуси, к югу улетаая,
Здесь красные оставили следы.

И вновь цветные вешает полотна,
Серебряное тянет волокно.
...Ты в дом войдешь.
Затворишь двери плотно.
Ты занавесишь тонкое окно.

Размах худого маятника ходок,
Густа и неподвижна тишина...
Скупой язык оперативных сводок
К тебе доносит радиоволна.

Ты слышишь гром далекого раската,
Утробное гудение земли,
Ты видишь, как идут твои ребята,
Как грозно поднимаются вдали.

Все потные, измазанные, в пелле,
Горячие, неистовые все,
Они идут во всем великолепье,
В неповторимой воинской красе!

Они проходят выжженной пустыней,
Оврагами, с редута на редут,
Они идут селеньями пустыми,
Они к тебе на выручку идут.

Тяжелые, обрызганные кровью,
Не закрывая воспаленных глаз,
Через Ростов идут, по Приазовью,
Они обходят с севера Донбасс.

Они идут вперед неумолимо
К багровым берегам Березины,
Они идут, все в черных ключьях дыма,
Под красными штандартами войны.

Уже встает в полнеба за рассветом
Чеканных сабель пересверк и звон.
Они идут напористо. Об этом
Назавтра же узнает Краснодар.

Уже лежат готовые страницы,
И карандаш оставила рука.
Как ты устал! Слипаются ресницы,
Ну, ляг в постель и отдохни пока...

Идут часы, ползет паук по раме,
Скрипит сверчок и умолкает вдруг.
Ты видишь за морями, за горами
Ромашками заповоленный луг...

Гудят шмели, и терпко пахнет мятой,
И по холодной утренней росе,
По луговине влажной, непрямтой,
Ведут следы к песчаной полосе.

И ты за ними пустишься вдогонку
В предчувствии непрошеной беды,
Ты их найдешь на берегу, у звонкой,
У хрупкой перламутровой воды.

Ты их заметишь в тонкой повилике,
Ты их в кустах смородины найдешь,
Ты сквозь поляну в дикой землянике,
Ты сквозь густую жимолость пройдешь.

Проскочишь лес, потом на косогоре
Замрешь на миг, увидя пред собой
Широкое полуденное море
И чаек, обгоняющих прибой;

И девушку, ее худые плечи...
И ты поймешь, как ждет тебя она!
Ты бросишься стремительно навстречу...
И на скалу обрушится волна.

Потом еще, за ярусами ярус
Соленых брызг, и, выгнутый дугой,
К сырой скале причалит черный парус.
И ты тогда увидишь, что другой,

Чужой и черный, вцепится ей в руки,
В худые плечи, в волосы... На миг
Разрежет воздух горький, полный муки,
Оборванный на полуслове крик.

Он эхом разлетится. На откосе
Мелькнет ее тяжелая коса...
Волна идет. Волна сейчас отбросит
От берега крутые паруса.

И, не теряя лишнего мгновенья,
Ты вслед за ними — через волны, вплавь —
С обрывистой вершины свиденья
В житейскую, обыденную явь.

Ты встанешь, выйдешь. Дверь закроешь
плотно,
Смотри, Олег, большой бедой грозя,
Заглядывают в щели подворотни
Предателя зеленые глаза.

Уже дрожат, как из холодной ртути,
Как скользких головастиков крючки,
В расплывчатой зеленоватой мути
Его осатанелые зрачки.

Он скроется от точного удара.
Идешь вперед — он отступает прочь.
...Но расцветает пламенем пожара
Осенняя исхлестанная ночь.

Пучками разлетается солома.
Стена пропала под стеной огня.
Огонь идет по самой крыше дома,
За головней взлетает головня.

Клубятся искры красные. Не скоро
Замрет пожар, сухой золой покрыт.
А здесь была немецкая контора,
Здесь голосили матери навзрыд...

Их дочерей отсюда угоняли
В далекие, чужие города.
Туманом заволакивало дали,
Провислые гудели провода.

Холодные размытые дороги
В сырую уходили темноту.
Ты сделал все, ты через все тревоги
Пронес и спас крылатую мечту.

Она светила темными ночами,
Она существованием была.
Ты за своими чувствовал плечами
Размах ее широкого крыла.

Она тебе на все была ответом.
Ты был нетерпелив, расчетлив, смел.
Ты делал все как надобно. Но в этом
Ты, может, разобраться не успел.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Седые травы изморозь убила,
Занескрилась, алмазами горя.

Метелица под утро протрубила:
В серебряные трубы января.

Мир свеж и ясен. Белая пороша
Весь городок покрыла не спеша.
А ты грустишь... Скажи,
какая ноша
Тебя опять гнетет, моя душа?

Ты мечешься. Но не ищи покоя,
Я для тебя найти его не мог...
В безоблачное небо голубое
Уже струится кое-где дымок.

Как тихо и спокойно. Будет ведро.
А лучше б ставни сорвала метель...
Хрустит снежок. Побрякивают ведра,
Скрипит оледенелый журавель.

Мир оживает медленно. На свалке,
В речейнике сухом и лебеде,
Подняли гам из-за чего-то галки,
Два голубя полощутся в воде —

Как только им не холодно? Сороки
Кричат и улетают со двора.
Идут часы — и наступают сроки.
Гремят ключи. Так вот оно — «пора»!

Вот их выводят из промозглых камер.
Выталкивают на тюремный двор
Пинками и прикладами... И замер,
И покачнулся белый косогор.

Земля слепила белизною снега,
Прозрачная струилась бпрюза.
У бледного, избитого Олега
Застыли удивленные глаза.

Но только миг. Он черствых слез не выдал.
Он их сумел до смерти пронести...
Их повелл. Всему, что только видел,
Он говорил последнее прости:

«Прощай, земля под легкой дымкой снега,
Заборы, палисадники, дворы,
Прощай, гора, — мне никогда с разбега
На быстрых лыжах не сбежать с горы.

Прощай, дымок над черепичной крышей,
Стеклянная студеная вода,
Все, что ни видел, и о чем не слышал,
И больше не увижу никогда.

Мне ждать недолго. Время гонит миги.
Идут часы — и вырваться нельзя.
Прощайте, недочитанные книги,
Живые и погибшие друзья!

Уже не мне на вымытом пороге
Вас радостной улыбкою встречать.
Прощай, моя застывшая в тревоге,
Родная, истрадававшая мать!

Прости меня, как матери умеют,
В последний раз... Я вправду был упрям.
Благослови... Я знаю, как седеют
В тоске по улетевшим сыновьям.

Далекие, родные наши мамы, —
Всё ждут да ждут и не смыкают век...
И ведь гордятся тем, что мы упрямы...»
Чему ты улыбаешься, Олег?

Ты говоришь до слез родное имя,
Друзей своих не слышишь голоса
И только видишь: на снегу за ними
Кровавая проходит полоса.

Протяжный хруст тягуч и однозвучен,
Хрустят шаги, мешая кровь и снег,
И, может, ветер говорит: «Замучен
Тяжелой неволею Олег».

Какой огонь, какой размах у песни!
Не угасить, не оборвать ее...
Ты сам умрешь. Сто тысяч раз воскреснет
В ней мужество спокойное твое.

Так, значит, смерть! Как тяжело и просто
Она подходит. Наплывает чад...
Стропила развороченного моста
Ощеренными зубьями торчат.

Вот их ведут, их гонят вниз с откоса,
Через бугры и рытвины, туда,
Где ржавые валяются колеса,
Оборванные вьются провода;

Заброшенные угольные ямы,
Репейником заросшие места,
Где в глубь земли обрывисто и прямо
Бездонная уходит пустота;

Где самый край в подтеках желтой глины
Тяжелыми сосульками обвис...
Прикладами окованными в спины
Их друг за другом сталкивают вниз.

В сырую бездну медленно и глухо
Срываются и падают тела.
...Порхает снег. Опять сугробы пуха
Метелица под вечер намела.

Все, словно в воду погружаясь, тонет,
И темнота ложится на поля.
Безлюден мир. По-человечьи стонет
Железными глубинами земля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прощай, Олег. Я буду помнить долго
Сыпучий холм. Трава опять отволгла
На берегу. Мне не забыть вовек
Друзей своих. На партизанских тропах,
У светлых рек, в траншеях и окопах
Не сосчитать костей... Прощай, Олег!

Огонь мечты неистребим и светел.
Мы прорастем сквозь перегной и пепел
К большому солнцу порослью большой.
Да будет мир! Я только бой приемлю.
Придут другие юноши на землю,
Богатыри и рыцари душой

Не меньше нас. Судьбы тяжелой бремя
Нас сделало мужчинами. Не время
Раздумывать. Не кончена война.
Она не ждет. Не замедляй с ответом,
Она меня крестила быть поэтом,
Скупым и расточительным. Она

Полыню горькой отравила слово...
Оно созрело, и оно готово
Расправить крылья и над прахом встать!
И в этом слове — все мое страданье,
Перед живым и мертвым оправданье
В моей судьбе. Я не могу молчать!

Быть может, мой еще не в силах разум
Осмыслить наступающее разом,
Но я огонь из пепла воскресил.
Пусть он горит печальным, ясным светом
На перекрестках юности...

Словно лошади с белою гривой,
Раздувая от бега бока,
Из-под Вятки или Кологрива
Над Невою летят облака.

Может, там, у Крутого причала,
Возле омута с темной водой
Что-то девушка им прокричала
И тихонько махнула рукой.

И белела речная излука,
И скользили по ней облака.
Невеселая наша разлука,
Как домашний огонь, далека.

Из-под Вятки или Кологрива,
Раздувая от бега бока,
Словно лошади с белою гривой,
Над Невою летят облака.

Наплывают за глыбою глыбой
И пунцовым румянцем горят.
Им навстречу серебряной рыбой
Поднимается азростат.

1943

СТИХИ ПОД НОВЫЙ, 1944 ГОД

1

Снег идет, и дождик косит,
Полусвет и полутьма,
Затянувшаяся осень,
Заповдалая зима.

В темной слякоти дороги,
У природы хмурый вид.
И меня редактор строгий
В пессимизме обвинит.

Скажет: трудишься напрасно
И разводишь, в свой черед,
Грусть-тоску на постном масле,
Да еще под Новый год.

В блиндаже, при тусклом свете,
Набок голову склоня,
Ты спишь на табурете
У трескучего огня.

Спят товарищи на нарах,
И на тыщи верст кругом
В оглушительных ударах
Над землею ходит гром.

Над землею дымный чад,
Птицы вороны кричат.

Птицы вороны летают
Во Владимир, в Арзамас.
Там сегодня вспоминают,
Ждут и думают о нас.

Может, девка затужила,
Может, волос теребя,
Девка карты разложила
И гадает про тебя.

Мать приходит не для виду
К позабытому попу.
Служит батя панихиду
За картошку и крупу.

Мы с тобой видали виды,
Все добудем, все возьмем!
Без попа и панихиды
Живы будем — не умрем!

Я одно тебе желаю,
Дорогой товарищ мой,
Кончить бой в середине мая,
В декабре — прийти домой.

Снег идет, и дождик косит,
Полусвет и полутьма.
Затянувшаяся осень,
Запоздалая зима.

2

Новый год идет равниной,
Белым инеем пыля,
Мимо сломанной рябины,
Мимо выжженной калины,
Мимо взрытой луговины,
Через мшиные поля.

Трубят трубы января.
От крутых предгорий Крыма,
В синем ветре, в клочьях дыма
Начинается заря.

Босиком идет по снегу,
Через белую Онегу,
Через топкие болота
Прямо к Мурманску идет.
На посту стоит пехота,
Наступает Новый год!

Новый год! От боя к бою
Мы сквозь гром идем с тобою,
Третий год его встречаем
В ожидании атак,

Спирту нет, так крепким чаем,
Чаю нет, так просто так.

Нам вперед идти, ребята.
Слава русского солдата —
Через дымные снега
Гнать равниною истертой
И добить в сорок четвертом
Окаянного врага.

Видишь, Родина за нами,
Впереди бушует пламя,
Горизонт в густой крови.
На последний бой кровавый,
Нас с надеждою и славой,
Мать-земля, благослови!

И сразу приумолкли птицы,
И ночь раздвинулась, светла.
Огонь прошел по черенице
И выжег станцию дотла.

Потом немецкий бронепоезд,
Со всех паров, во весь опор,
В дыму и пламени по пояс,
Влетел с налета в косогор.

Он тяжким грохотом прогрохал,
Последним тормозом визжа.
И путь зарос чертополохом,
И рельсы изглодала ржа.

Тропой от склада к водокачке,
Невозмутимый и немой,
Пятьсот шестую ночь враскачку
Немецкий ходит часовой.

Ты брови в гневе сводишь хмуро,
До крови закусив губу,
Когда костистую фигуру
Поймаешь в стереотрубу.

Вглядись в размах его походки,
Приметь, запомни навсегда.
Пойдут и с этой остановки
На Запад наши поезда.

1944

Бомбежка началась. И, как назло,
Крутое солнце над землею рыжей
Палит всюю. Дороги развезло
И затопило чавкающей жижей.

Испарины синеющий угар
Да снег в воронках грязными клоками.
Я вспомнил, как московский тротуар
Под нашими дробился каблуками.

Была весна. В Сокольниках уже
Смолистым духом исходили сосны.
Я вспомнил все в разбитом блиндаже
На берегу отбитой нами Тосны.

Как я давно твоих не видел глаз,
Каким я словом на твое отвечу,
Какое время разметало нас,
Какая буря бросит нас навстречу!

И все-таки через преграды те,
Через огонь, через густую жижу
Я продержусь в кромешной темноте.
Ты ждешь меня — и я тебя увижу.

1944

ВЕСНА

Виталию Василевскому

...Мне грустно от сознания,
Что так невыразительны слова.
Полна таинственного содроганья
Весенняя природа. Синева
Сквозит над лесом. Робкая трава
На солнцепеке зеленеет. Ломок
Схвативший за ночь лужи у каемок
С ажурными прожилками ледок.
Седой лишай на валунах намок.
Снег ноздреват. Прозрачен и хрустален
Ручья стремительного перелив.
Серебряные почки тонких ив
Горят на солище. Пятнами прогалив
Покрыто поле. Черные грачи
Сидят на кучах темного навоза.
Сквозь легкий пар скользящие лучи
Нисходят в землю. Тонкая береза,
Как девочка, стоит на берегу.

Я счастлив тем, что увидеть могу,
Как утром занимается заря,
Подслушать бормотанье глухаря,
Понять в тиши упрямый рост растений:
Язык неумирающей воды,
Перемещение воздуха и тени,
Сверканье звезд, звериные следы,
Движение ссков по стволу сосны, —
Я счастлив ощущением весны.
Она во мне. Я вижу — надо мною
В сиянье ослепительного дня,
В лазури растекаются, звеня
На тонких струнах, жаворонки. Хвоею
На синих елях ветер шебелит.
Мне давнее предчувствие велит
Поторопиться, не теряя мига,
Не обойти вслепую стороной.

Природы неразрезанная книга,
Как жизнь моя, лежит передо мной.
И в этот миг, наперекор покою,
Наперекор забвенью, не спеша,
Невыразимым счастьем и тоскою,
Как чаша, наполняется душа.
Прекрасен мир! Он нерушим и прочен.
Непобедим и вечен человек.

Блестят ручьи, и оседает снег
В канавах развороченных обочин.
Но, повстречавшись с пулею слепой,
На желтую разъезженную глину
Он здесь упал с пробитой головой
И в грязь густую вмерз наполовину.
Мели снега. Звенели холода.
И солнце вновь дробится в каждой склянке.
Еще не унесла его останки
Холодная весенняя вода.
Они лежат, промытые насквозь.
Шинель, как пепел, на ветру истлела,
И выширает ключевая кость
Из темного, бесформенного тела.
И вылезает за ребром ребро,
Со лба сползает кожа, как повязка,
И зеленью покрылось серебро,
И свастика заржавела, и каска.
И сжатый рот, как серый камень, нем.

Что делал он и шел сюда зачем?
Ведь этот мир, в накрапах желтых пятен,
Наш до конца — и только нам приятен
И чужд ему. Мир им обезображен:
Не счесть воронок и глубоких скважин,
Подкошенных деревьев. От села
Остались только пепел да зола.
Летучий прах и мусор ветром скручен.
На кольях уцелевшего плетня
Горшки торчат, как головы. Как сучьев
Тяжелый вид. Ни дыма, ни огня.
Ревет река, и берега покаты.
У переката пенный бьется вал
В быки и сваи черные. Пока ты
В оцепененье каменном стоишь,

Уже расцвел подкошепный орешник,
Заплыл смолой в стволе сосны свинец,
И в чудом сохранившийся скворешник
Веселый возвращается скворец.
Малиновка у ржавого лафета
Свила гнездо и вьется у гнезда,
Поет и заливается с рассвета.

Гори, моя солдатская звезда!
О, дай мне сил и мужества, наполни
Мои глаза сверканьем синих молний,
Весенним громом уши оглуши,
Наполни сердце самой едкой желчью,
Дай мне азарт, и дай повадку волчью,
И вырви жалость из моей души.
О, проведи меня по бездорожью,
Развей по ветру горький смрад и прах,
Чтоб мир опять заколосился рожью,
Чтоб хмелем и смородиной пропах.

Плешительна, печальна и ясна,
За наступленьем шествует весна.
Цветет земля. Отныне и вовек —
Прекрасен мир, и вечен человек!

СНЕГ

Метель кружится, засыпая
Глубокий след на берегу,
В овраге девочка босая
Лежит на розовом снегу.

Поет густой, протяжный ветер
Над пеплом пройденных путей.
Скажи, зачем мне снятся дети, —
У нас с тобою нет детей!

Но на привале, отдыхая,
Я спать спокойно не могу:
Мне снится девочка босая
На окровавленном снегу.

1944

САМСОН

Я в Петергофе не был никогда.
И вот сейчас брожу среди развалин,
Где красный щебень по земле развален,
Где на столбах обвисли провода;
Где голые безрукие деревья
Стоят, как привиденья из поверья;
Где старый храм с глазами пустыми,
Где пахнет мертвым запахом пустыни,
Где дикая ночная тишина
Назойлива и смысла лишена.
Мне кажется, когда глаза закрою:
Песчаный берег, залитый волною,
Граненые хрустальные стаканы,
Прозрачное холодное вино,
До синих звезд летящие фонтаны...
В мечтах и снах нам многое дано.
Когда жива мечта, я не поверю
В ничем не поправимую потерю.
Пусть в явь земную переходит сон!
Я вижу ясно, как на поле сечи
Идет, крутые разгибая плечи,
Неистовый, разгневанный Самсон.

1944

КУКЛА

Мы опоздали только на два дня.
Здесь было пусто. Нас никто не встретил.
Снег почернел от жаркого огня,
Развалины покрыл холодный пепел,
И над дорогой нависал туман.

Не верю я в счастливый талисман,
Судьбе своей не покоряюсь слепо.
От зависти и страха не дрожу,
Но иногда всю жизнь свою, как слепок,
В случайности пустычной нахожу
И думаю наедине в тревоге.

Передо мною кукла на дороге.
В кругу друзей, среди любимых книг
Я отыскал богатое наследство,
И вот сегодня на какой-то миг
Мне вспомнилось мое простое детство:
Лязг буферов, скупой огонь теплушек...

Мне не дарили елочных игрушек,
Я не входил в высокий, с позолотой,
Украшенный созвездиями зал,
И для меня, как я сегодня, кто-то
На день иль на два где-то опоздал.

Огнем пылает мой двадцатый век.
И я гляжу на этот черный снег,
На застывающую кровь, на слякоть.
В глазах рябит, в душе полутемно.
Мне, может, лучше было бы заплакать,
Да только слезы высохли давно.

1944

СОЛДАТСКИЙ РАЗГОВОР

Мы вновь собрались в тесный круг
У светлого огня.
Присядь поближе, старый друг,
И выслушай меня.

За днями дни — четвертый год —
Солдатский путь немал.
Пять суток бой, три дня поход.
На два часа привал.

Мы позабыли тишину,
Спокойный ход минут.
Смотри, а кажется, войну
Мы начинали тут.

Вот здесь мы приняли впервой
Отчаянный удар.
Шел на восток кровавый бой,
По ветру плыл пожар.

Мы шли от Риги сквозь туман.
Сквозь рывины и рвы.
Мы навзничь падали от ран
В зеленый сон травы.

Тяжелый горизонт на треть —
В густой свинцовой мгле.
Как было тяжело смотреть
В лицо родной земле.

Она травинкою любой
Звала тебя, мой брат.
Мы встали огненной стеной,
За нами — Ленинград!

Там смерть ходила по пятам
По рытвинам и рвам.
И если сам ты не был там,
То позавидуй нам,

Что мы тогда могли не спать
По пять ночей подряд,
Что мы сумели отстоять
Любимый Ленинград.

Мы ждали боя. Грянул бой!
Нас вихрем понесло.
Мы немцу всыпали с лихвой
По первое число.

Потом под Пулковом и Мгой
Прорвали злую тьму, —
И по второму, во второй
Мы всыпали ему.

Потом в метели и во мгле
Подряд и ночь и день
Мы шли по розовой золе,
По пещлу деревень.

Летел по ветру, чист и свеж,
Скрип траков и подков.
Мы снова вышли на рубеж
Под Нарву и под Псков.

Душа солдатская чиста,
Готова в бой идти.
Ведут на старые места
Обратные пути.

Расчет гвардейский: жизнь за жизнь.
Тройная кровь за кровь!
Мы снова в Таллин ворвались,
И входим в Ригу вновь!

И вот опять на сотни лет
Знакомые места.
Все тот же мир. Все тот же свет
Походного костра.

Пусть вся земля лежит в крови,
Заря побед светла!
Живи, Эстония! Живи,
Свободная Литва!

И мой товарищ говорит
Заветное одно:
Раз в Ленинграде свет горит,
В Германии темно!

1944

Дрожало небо в хрупкой позолоте,
Качался лес, захлестнутый пургой.
Он бился на Сивявинском болоте,
Под Пушкином, под Ропшей и под Мгой.

Он шел вперед равниною метельной,
В седом дыму грохочущих атак,
Врывался с боем в Гатчину и Стрельну, —
И в страхе был осатанелый враг.

Идет на запад ленинградский воин.
Ты имя это с честью назови.
Он Ленинграду верен. Он достоин
Его бессмертной славы и любви.

ОСЕНЬ

Поэма

1

Прозрачен мир лилого октября.
Нетерпеливым пламенем горя,
Стоят березы на краю поляны.
Костры осип тревожны и багряны.
Угрюмые отшельники дубы
Едва заметно вздрагивают телом.
И голосом серебряной трубы
Поют ветра над лесом опустелым.

2

Тоской синиц заполнен тихий лес.
Он словно воздух, потерявший вес.
Кленовый лист летит на бочаги,
По заводи расходятся круги.
Как белые косматые медведи,
Высокие застыли облака.
И отсветами золота и меди
Вдали переливается река.

3

Залетных птиц умолкли голоса.
Скользит в кустах неслышная лиса,
Ее скрывает желтая трава;
И сытые сидят тетерева
На голых сучьях. Под сосною в порох
В дремоте изомлели барсуки;
И чутким ухом ловит каждый шорох
Матерый волк, ощеривший клыки;

4

Потягиваясь на передних лапах,
Ведет ноздрей, и чует каждый запах,
И, выгибаясь, медленно встает,

Подняв губу, облизывает рот,
Выходит из кустов неторопливо
И нехотя спускается к реке,
Стремительно срывается с обрыва
И пропадает в голом лозняке.

5

За ним, шурша, смыкается осока.
Тяжелый ястреб кружится высоко.
Можжуха пахнет, и зеленый ельник
Иголки осыпает в муравейник.
Мох сух, как порох. Мягкая дорожка
Опалена спадающим огнем.
На белых кочках желтая морошка
Отсвечивает сладким янтарем.

6

Я прохожу овраг и перелески,
Пологий холм в ажурном переблеске,
Где на вершине одинокий вяз
По щиколотку в золоте увяз.
Летучей паутины пелена
Висит над облаженными кустами,
И вспаханная плугом целина
Уходит кпизу ровными пластинами.

7

Полей необозримая равнина,
Пропитанная запахом овина.
Издали доносится ко мне
Шум гулких молотилок на гумне,
Девчонок смех, веселый и задорный;
Летит солома, и столбом труха.
Сплошным потоком золотые зерна
Стекаются в большие вороха.

8

Мычит скотина, и у перевоза
Скрипит обоз соседнего колхоза.
В пыли дорожной с головы до пят,

На все лады отчаянно галдят
И, деревянных оседлав коней,
Играют ребятишки в наступленье.
И полосами медленных теней
Приходит вечер в тихое селенье.

9

В избе-читальне светится огонь.
Вполголоса пиликает гармонь.
Облокотясь о низенький плетень,
Фуражку набок, подтянув ремень,
При всех своих регалиях стоит
У розовой протоптанной дороги
Высокий однорукий инвалид,
Хозяйственно-внимательный и строгий.

10

Умаялся. Сухой землей пыля,
Он обошел озимые поля.
Он входит в дом. При свете лампы слабom
Рассказывает одиноким бабам,
Как он ворвался в Красное Село
С гвардейцами далекого Гангута,
Как небо Ленинграда расцвело
В сто тысяч радуг грозного салюта.

11

И первая красавица села —
Коса до пят, румяна и бела, —
Не отрывая удивленных глаз,
В двадцатый раз прослушает рассказ,
Слегка оправит пеструю косынку
И выбежит на лунное крыльцо,
Потом они вдвоем уйдут в обнимку,
И он заглянет в милое лицо.

12

Как звонок на морозе поцелуй!
Пожмет плечами. Скажет: «Не балуй!»
Потом сама к груди его прильнет,

Горячими руками обовьет.
И снова тихо. Под луной незрячей
На мельнице топочут жернова.
Потушит гасик и на сон поплачет
Над спящими детишками вдова.

13

На колокольне ухает сова.
Остывшая хрустальна синева.
По берегу через седой тростник
Проходит с полустанка отпускник.
Он оглянулся. Постоял немного
И песню затянул о Ермаке,
Она плывет вдоль насыпи пологой
И где-то замирает вдалеке.

14

Как хорошо! Чего еще мне надо?
Осенняя спокойная прохлада
Лежит на сердце. Голубая озимь
При лунном свете, при ночном морозе
Опять переливается, как море,
Серебряными блестками горя.
Усни, печаль, и позабудься, горе, —
Прозрачен мир литого октября.

1944

* * * * *

Как много дел наделала
Вчерашняя метель.
Стоит под снегом белая
Осанистая ель.
На ветках — до макушки
Пуховые подушки,
Калины ветви голые
Застыли на весу,
И остро пахнет смолами
В заснеженном лесу.
Он инеем прометанный,
Недвижимый вокруг,
И снежными наметами
Покрыт за лесом луг.
Кусты в пушистом инее,
В сугробах даль полей.
И нет земли красивее,
И нет ее родней.

1944

ЧЕТВЕРТАЯ ДОРОГА

Я не поверю в притчи и приметы,
В красивую, несбыточную ложь.
Я сам найду все перепутья, где ты
Свой след оставишь и опять уйдешь.
И, на прощанье не имея права,
Я перечту забытые слова
О трех путях — налево, и направо,
И о прямом, где мертвая трава.
Меня охватит давняя тревога.
Все прошлое оставь и позабудь!
Ведь где-то есть четвертая дорога,
И я ее найду когда-нибудь.

1944

Есть радость ясная в начале,
Обида темная — в конце.
А ты живешь одна — в кольце
Своих страстей, своей печали.

Твоя судьба в твоих руках,
Она легка и одинока.
Я ни обиды, ни упрека
Не вижу в медленных глазах.

Меня гнетет одна досада,
Тот молчаливый приговор
Непоправимого, в упор,
Случайно брошенного взгляда.

1944

В густом ольшанике у плеса
Цветет болотная куга.
За Перетужиной — покосы,
За Малым омутом — стога.

Туман ползет вдоль побережий
И стелет мягкую постель.
Сейчас седой простор разрежет
Надрывным криком коростель.

Потом вода пойдет кругами
От всплеска щуки Тишина.
И над поемными лугами
Плывет далекая луна.

Совиных крыл неслышный взмах,
Потом дождя прямые струи .
И первые вполупотьмах
Слепые наши поцелуи.

Когда одна из полутьмы
Ты шла задворками из дому,
Когда почувствовали мы
Еще неясную истому,

Когда пад лесом круглый гром
На части разлетелся с треском,
Когда горело все кругом
От фосфорического блеска, —

О, как та ночь была светла,
Как, светляков не замечая,
Она густой росой текла
Со щавеля и молочая,

Когда глаза твои мою
Насквозь пронизывали душу, —
Нет, я прощенья не молю
За то, что этот мир разрушил,

За то, что я в глаза другим
Смотрел и обнимал за плечи.
И вместо сердца горький дым,
И мне оправдываться нечем.

Меня твой образ сторожит
И дожидается ответа.
На грешных днях моих лежит
Упреки след ночного света.

В какой-то миг мне стала ясной
Вся неизбежность этих встреч,
И воля в ярости напрасной
Нас не могла предостеречь.
Сад, хрупким золотом пронизан,
Горел последнею листвою.
Закаты плыли по карнизам
И умирали над Невой.
И звезды крупные смотрели
В разбег медлительной волны,
Как будто в мире в самом деле
Нет больше мира и войны.

1944

Нам плакать и петь. Сумасбродить
По осени звонко-литой.
Пусть нас вслепую заводит
Любовь в лабиринт золотой.
В горячем костре листопада,
В курлыканье утренних стай
Забудь о спасенье, — не надо!
Со мной, Ариадна, плугай.
Движением ветра попутным
В какой я простор занесен,
И выход как выдох, как утром
Внезапно оборванный сон.

1944

Адмиралтейство. Шелест сквера.
Нахлынувшая тишина.
Всему своя на свете мера.
И ты себе подчинена.
Проходит миг, и ты другая —
Ничто не связывает нас.
Закат последний, догорая,
Затушевался и угас.
И в сумраке голубоватом
Роняет листья мертвый клен.
Мир раскаленный, словно атом,
Слепящим взрывом расщеплен.
И нет конца. И нет начала,
И время смотрит на меня.
Над рябью Крюкова канала —
Сиянье нового огня.

1944

Подуют ветры, чтобы
Опять сомкнули круг
Высокие сугробы
Печалей и разлук.
И мне опять приснится
Осенняя трава.
И листья, как страницы,
Летят на острова.
И я стою, затеряв,
В их золотом кругу.
Я знаю: нет царевен
На этом берегу.
Мечта моя, мне тесен,
Мне страшен этот круг
Без ветра и без песен,
Без горя и разлук.

1914

ДОРОГА ГВАРДИИ

Поэма

Где верстовые сходятся столбы,
Где вмерзли в грязь и в глыбы желтой глины,
Уставив в небо кованые лбы,
Совсем беспомощные исполины;
Где едкая пороховая копоть,
Где, от земных обид отрешена,
Проходит по воронкам и оконам
Внезапная, слепая тишина;
Где сердце давит тяжкая остуда
И судорога скашивает рот;
Где нет вершка живой земли, — отсюда
Она разбег стремительный берет.

Был ветер свеж. Рассвет лилов и розов,
И вот тогда-то увидали мы
За бреющим полетом бомбовозов
Седые вертикальные дымы.
Мир стал глухим, и сплошь, без передышки,
Над рябью обожженных пустырей
Сверкали фосфорические вспышки
Бесчисленных тяжелых батарей.
И сразу возникали из-под пыли
До черных туч огнистые снопы,
Как будто эту землю молотили
Гигантские чугунные цепи.
И по следам, по пеплу обмолота,
Через колючку рваную и ров
Пошла ломить гвардейская пехота
На Красное Село и Дудергоф.
Торчат наружу косяки и сваи,
Бьет запах пота из подземных нор,
Гудят «катюши», и «иван-долбан»
Поддерживают этот разговор.
Свистят снаряды, пулеметы брешут,
Но я уже узнал издавека
Дубленую сибирскую бекешу,

Распахнутый тулун Симоняка...
У блиндажа, у ящиков порожних,
У стереотрубы весь день стоял,
Рукою опираясь на треножник,
Руководивший боем генерал.
Напор был тверд, и силы не иссякли,
Ему начало было по нутру.
Его глаза бессонницей набрякли,
И скулы потемнели на ветру.
Дым расстилался, частыми, сквозными,
Стремительными вихрями гоним.
Распаренные быстрые связные
Навытяжку вставали перед ним.
А сквозь огонь, все нарастая в силе,
Вели вперед отчаянных орлов
В обход: на Константиновку — Путилов,
И справа Александровки — Щеглов.
Пока они по тропам по избитым
От рубежа проходят к рубежу,
Я о давнишнем и полузабытом
Без лести, по-солдатски расскажу.

Когда мне в жизни снова будет круто,
В последний час иль в миг прощанья с ней,
Я вспомню снова берега Гангута
И с каждым днем редеющих друзей.
Таких друзей опять найдешь едва ли,
Хоть велика и необъятна жизнь,
Мы обещаний крепких не давали
И в верности друг другу не клялись, —
Не это дружбы настоящей мера.

Пусть это так. Но между нами есть
Какая-то неписаная вера
И на крови замешенная честь.
От рядового и до генерала
До самого последнего конца
Она на веки вечные спаяла
Простые и упрямые сердца.
В каких мы только переплетах были!
Но, эту дружбу бережно храня,
Мы из воды сухими выходили
И мокрыми из самого огня.
И, как вода, стекая с горных скатов,

Грохочет перекатное «ура»,
Горячей трескотнею автоматов
Воронья огрызается гора.
И только утром на хребте горбатом
Я увидел, и мне глаза ожег
Обтрепанный, израненный, измятый,
На лыжной палке вздернутый флажок.
Он весь кипел, как кровь в хрустальном кубке,
И перед ним, своей победе рад,
В измызганном, промокшем полушубке
Стоял небритый раненый солдат.
А тень от флага птицею крылатой
Металась на подтаявшем снегу.
Потом я видел этого солдата
Под Нарвою, на левом берегу.
Он вглядывался пристально и строго
Туда, вперед, за первый поворот,
Где толлом начиненная дорога
Берет подъем и к Западу идет.
Она летит стрелой крылатой с туго
Натянутой, упругой тетивы.

Я шел по ней до Нарвы, через Лугу,
От берегов окованной Невы.
Я только видел, как, сгибая спины,
Настойчивы, спокойны и просты,
Саперы выковыривали мины
И наводили заново мосты;
Как из чащоб и из-за перевала
Старухи возвращались к очагу;
Как у колодца женщина рожала
На твердом, перетоптанном снегу;
Как выходил, со всем на свете споря,
Никем не покоряемый вовек,
Из крови, из пожарища, из горя
Воистину бессмертный человек!

Скрипели танки. Из-за поворота,
Из-за багра, от сломанных берез
Колонна за колонной шли пехота,
Орудия и медленный обоз.
Готовые в сражения любые,
Безропотной решимости полны,

Идут солдаты Родины — святые
Чернорабочие войны.
Они идут сквозь ветер, злой и жесткий,
В суровой неприкрытой простоте.
Вот я опять стою на перекрестке,
На Пулковской пустынной высоте.
Здесь сердце давит тяжкая остуда,
И судорога скашивает рот.
Здесь полегли друзья мои. Отсюда
Никто из них обратно не придет.
Остановись перед могилой братской,
Прислушайся к гуденью тишины.
Здесь за тебя, за счастье ленинградцев
Отдали жизни гвардии сыны.
Никто из них не встанет на поверку,
Чтоб грудь вперед, выравнивая строй...
Лишь только звезды, скатываясь, меркнут
Над дикой безъязыкой пустотой.
Лишь только в снах — на утреннем рассвете —
Они встают из-под могильных плит,
Идут ко мне, и перелетный ветер
Им волосы седые шевелит.
Мне жить одной — встающей над разлукой,
Над вашей смертью в схватках огневых, —
Той нерушимой круговой порукой,
Упрямой связью мертвых и живых.
Она превыше всех житейских правил,
Честней и тверже всех житейских дел.
Чтоб этот стих, как штык в бою, не ржавел,
Чтоб этот штык, как стих, в бою звенел.
Пускай с меня за пятерых берется, —
Я все обязан на себя принять,
За всех друзей дожить и добороться,
Доделать, долюбить и дострадать.
Пусть ветер смерти облетает мимо
И ветер жизни бьет в лицо сильней.
Гори, огонь ничем не истребимой
И ненасытной жадности моей!

ЦВЕТАМ — ЦВЕСТИ

Поэма

1

Плывет рассвет в прозрачных рамках
Над бледно-матовой Невой.
Литые ангелы на храмах
Застыли в строгости немой.
На крыши и на купола
Легла сиреневая мгла.
И только четкие углы
Из медленной выходят мглы.
Лиловым, синим переливом
Переплеснется волнолом.
И только чайка над заливом
Сверкнет размахистым крылом.
И только в ярких брызгах света
На темных плитах парашета
Проснутся каменные львы.
Пробьются кустики травы
Вдоль бровок улицы торцовой,
И мимо площади Дворцовой
Прорвется утренний трамвай.
Настанет день.

У старых свай,
Где мусор кучами навален,
Стоит, как кладбище, печален,
Над сонной гладью водоема
Пустой и мертвый остов дома.
Здесь светлых окон переплеты
Наружу выбиты. Карниз,
Балкон и лестницы пролеты
Беспомощно свисают вниз.
Здесь воздух вязок, словно тина,
Здесь только пепел и зола,
Здесь шелковая паутина
Все тонким слоем оплела.
Здесь отблеск ярких пятен ясен
На обгорелых кирпичах.

Где, ветром северным гонимы,
Под пенье золоченых труб
Снега отряхивали зимы
С воротников мохнатых шуб,
Где вёсны журавлями плыли.
И, не жалея, не скорбя,
В летучей невесомой пыли
Он видел самого себя,
Он видел юности начало:
Канаты, лодки у причала,
Соленых брызг холодный ярус,
Сырой черемухи сугроб,
Молочной ночи тонкий парус,
И первый колющий озноб,
И то щемящее страданье,
И ту, которая была
Вся как сквозное трепетанье
Полураскрытого крыла.
Вся как дыхание, как птица,
Неуловима и легка:
Густые черные ресницы,
И эта тонкая рука,
Высокий лоб, и светлый локоп
В свечеенье солнечных волокон,
И эти розовые щеки,
И этот матовый пушок.
Мы все бывали одиноки.
И он был тоже одинок
Тем одиночеством, когда нам
Весь мир становится капканом
И на движении, на слове,
На всем мелькающем нас ловит
На сходствах с ней. Она нагрывает,
И мы окажемся на грани
Безумия и торжества.
И мы пойдем за пею следом,
Навстречу радостям и бедам,
Искать старинного родства
Со всем живым. Нам будет мало
Границ Обводного канала.
Нам вдруг захочется до края
Всю землю заново пройти,
Самозабвенно открывая
Полузабытые пути.

И мой герой изведал это.
Он бредил. Ночи до рассвета
Бродил вдоль каменных коробок.
Он первой робостью был робок.
Он все забыл и как-то слепо
У чувства шел на поводу.
И соловьи свистели с веток,
Как сумасшедшие. В саду
Цвели цветы и карусели,
И звезды ясные висели.
Через перила перевесясь,
Глядел уныло полумесяц,
И пахло свежестью морской.
Один с неясною тоской
Он как потерянный ходил
У этих струганых перил.
Он пробирался наудачу,
Он был тем трепетом захвачен,
Который все дробит и рушит,
Переворачивает душу,
Иль ставит на ноги навек,
Иль с ног долой! Ломает крылья,
Дорожной замечает пылью,
И все теряет человек.
Его томила тишина,
И для него была война
Не только пыльная двуколка,
Закат в пожаре и крови,
Не только исполненье долга,
Но оправдание любви
Души нетронутой и цельной.

3

И лес качался корабельный.
Стволы гудели, и метель
Стелила белую постель.
Бездомный мир. Огонь кочевья.
Слепой совиный свет луны.
Осеребренные деревья
И голубые валуны.
Петля протопанной дороги
И за обрывом поворот,
Где от полуночной тревоги

Немая огорочь берет,
Где все подчинено приказу
И выше бога командир,
Где, прост и груб, предстанет сразу
До глубины раскрытый мир.
Где смерть следит суровым оком,
Где нас судьба со всем жестоким
На миг сведет лицом к лицу.
Где перед боем страх бойцу
На время голову закружит.
Ведь это в самом деле так.

Бесстрашие — козырь всех досужих
Пятикопеечных писак.
Когда под сиплый свист метели
Легла смертельная черта,
Они, как пташки, полетели
За грань Уральского хребта.
И вот война отгрохотала,
На мой писательский редут
Под Ленинград из-за Урала
Такие критики бредут.
Поборники идей ледащих
Из-за чужих вылазят спиш.
Идет мой критик настоящий
Сегодня с боем на Берлин.
И он, познавший всю науку,
Когда вернется из огня,
Подаст мне праведную руку
Иль к черту выбросит меня.
Я только истине доверюсь
И встану за нее горой,
Пройду огонь и воду, через
Войну и мир.

А мой герой
Сначала как-то растерялся,
Но вдруг, себе наперекор,
Он в душу заглянул в упор,
Наедине с собой остался
И долго думал. В этот миг
Он ощутил в себе, постиг
Ту силу совести и воли,
Что душу осквернить не даст.

Хрустел, подламываясь, наст,
И ветер выл. На темном поле
Вставали вихри, как столбы,
По голым прутьям провод ерзал.
Вода тверда, и кровь промерзла.
Но пламя внутренней борьбы
Горело в нем и клекотало,
Непостижимое уму:
Он делал все, что попадало,
Все, что положено ему, —
Снимал пласты песка и глины,
Окопы рыл и ставил мины,
Тянул колючку в три кола,
Потом, усталый, еле-еле
Входил в блиндаж. Всю ночь гудели
В его ушах колокола.
По снегу расплывались маки.
И он узнал наверняка
Азарт, безумие атаки
И откровение штыка.
Потом пришло ожесточенье,
Ослеп и отступился страх.
Стреляли красные поленья,
Портянки сохли на кострах.
Он наконец махнул рукой
На смерть, на отдых, на покой.
Но день за днем, из боя в бой
Он проносил всегда с собой,
Он сберегал воспоминанье
О той, которая была
Вся как сквозное трепетанье
Полураскрытого крыла.
Как будто были чувства те
В первоначальной чистоте.
Он в эти чувства верил свято
И с каждым новым днем сильней
И вот в блиндаж, под три наката,
Пришла весна, и вместе с ней,
Как свет походного костра,
Задумчивая медсестра.
Он угадал огонь тоски,
И он впервые по-мужски
Увидел женщину. И грубо
Поцеловал сухие губы,

И плечи стиснул в темноте,
И сам себе сказал: «Не те!»
Он слов ответных не услышал,
Он вновь собрал себя. Он вышел
Неопаленным из огня.
Любовь моя, прости меня!
Я тоже был когда-то строг
И в первых чувствах не лукавил.
Всю нежность для тебя берег
И у другой ее оставил.
И все окончено. Мосты
Дымятся сзади, догорая,
И все, к чему тянулась ты
Пришла и сделала другая.
И для нее, и для тебя
Я стал чужим, я стал далеким.
И ветер северный, трубя,
Летит над пеплом одиноким.

А он был тверже. Он хотел
Каких-то небывалых дел.

Был свет ракет зловещ и ярок,
В траншеях оплывал песок.
Луна чадила, как огарок.
Пехота сделала бросок
И залегла во рвах и ямах,
Когда навстречу встал упрямо
По горло вросший в землю дот.
Лежи. Стирай холодный пот.
И цепеней от мелкой дрожи.
Кромешный страх перебори,
Умри иль чудо сотвори!
Пришла пора!

Герой мой ожил.
Рванулся, грозный и мгновенный,
Не замечая ничего,
Как будто жизнь и смерть вселенной
Сейчас зависят от него.
Как будто он один хозяин
Всех человеческих судеб.

Неуловим, неосязаем
И даже, может быть, нелеп
Был взлет ума, но чист и светел.

Казалось, будто он заметил,
Что за невидимой чертою
Лежит другая полоса:
Трава, покрытая росой,
И солнцем крытая роса.
Как будто там, в цветочной пене,
В ромашках белых по колени,
Проходит медленно она.
Взрывная, вздыбилась волна.
Качнулся сумрак синеватый,
Поплыл туман, тяжел и хмур,
Потом ударились гранаты
В сырые бельма амбразур.
И раскололась вышина,
И наступила тишина.

Но бушевал порыв метельный,
Гремел над Пушкином, над Стрельной!
Кипел неудержимый пыл,
Дорога топотом гудела.
Он сам, наверно, позабыл
О том, что в этот миг наделал.
Земля оглохла, в рваных шрамах,
Остановился свист и вой.

4

Плывет рассвет в прозрачных рамках
Над бледно-матовой Невой.
Облокотясь о парапет,
В шинель солдатскую одет,
Стоит герой моей поэмы.
Он шел из госпиталя. Он
Тяжелой думой удручен.
Глаза горят, и губы немы.
И на камнях, как спутник вечный,
Как оправданье всех тревог,
У пыльных стоптанных сапог
Лежит его мешок заплечный.
Цветет седая тишина.
Вот здесь, вот здесь жила она.
Душа печальна и пуста,
Как эти милые места,
Как это грустное кладбище.

В сквозных просветах этажи,
Где, пыль сдувая, ветер свищет
И чертят молнии стрижи.
Он вновь пилотку набок сдвинул,
Котомку за плечи закинул,
Он не заметил перемены
Во внешнем мире, строг и прост:
Как снова возводились стены
И шла постройка новых гнезд.
Как, черным лаком отливая,
Переливалась мостовая,
Скрипели цепи на мостах.
Был город строен и спокоен,
И сохла краска на местах
Вчера заделанных пробоях.
Он шел, сутулый и немой,
Над полноводною Невой.
От поворота к повороту,
Через Московские ворота,
Потом за Кировский завод,
За Дом Советов, дальше. Вот
Он расстегнул пошире ворот
И вышел медленно за город.
Здесь раньше был передний край,
Отсюда враг грозил бедою.
Во рву валяется трамвай,
Насквозь проросший лебедою.
Растет репейник и пырей,
Цветет ромашками полянка.
Воркует вяхирь. Воробей
Сидит на ржавой багине танка.
Осот колючий, молочай
Стоят, головками качая.
А дальше весь передний край
Зарозовел от иван-чая.

И мой герой свернул с дороги, —
Цветы росой омыли ноги.
Здесь ветер дул, траву колебля,
Срывая бабочку со стебля.
Совсем недвижимые синели
И улыбались небеса.
Каким-то чудом зеленели
Почти безрукие леса.

Он шел, цветы руками трогал,
Расправив плечи, не спеша.
И оживала понемногу
Его угрюмая душа.
Здесь пахло медом и укропом,
Овсом и зноем спелой ржи.
Почти осыпались окопы,
И обвалились блиндажи.
Земля томилась в нетерпенье,
Она ждала, она была
Сплошное веянье и пенье,
Свеченье скрытого тепла,
Биенье внутреннего жара,
Истома в высохшей росе.
Земля у ног его лежала
Во всей полуденной красе.
Он шел, дыша цветочной пылью,
Сквозь этот неподвижный зной,
И снова отрастали крылья
За человеческой спиной.
И снова яростная сила
В крови, как брага, забродила.
И, наполняясь до предела,
Неповторимо хороша,
Свободным голосом зацела
Его широкая душа.

1944

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ 9 МАЯ 1945 ГОДА

1

В слепой надежде на счастливый случай
Мы не умеем жить. Нам суждено
Испить дерзаний крепкое вино,
Презрев уют земных благополучий.
Кому мозги не вправила война?
Кто здесь сказал, что кончена атака?
Да, гром умолк! Пожар затих! Однако
Всего страшней на свете тишина...

2

Сверкай, салют, стоцветными огнями,
Покройся звездопадом, небосклон,
Бей, барабан, труби, труба! Над нами
Сияние развернутых знамен.
Ничто сейчас единство душ не разнит.
Ликуй, всепобеждающий народ.
Свободна наша Родина! И праздник
Сейчас по нашей улице идет.

Ракеты осыпаются, скользя
По гребням крыш, в Неву. А я печален.
Сейчас я вижу, как из-под развалин
Встают мои погибшие друзья.

Они идут в косых лучах рассвета:
Жизнь пополам, и песня не допета!
Поземка их оплакала в ночи,
Звезда в пустые заглянула очи.
И если мне в страданье нету мочи,
Не утешай, не сожалей. Молчи.
Есть мужество спокойное. А жалость
Не нам в удел, — другим она досталась.

Пусть ничего душа не позабудет,
Пусть эта боль останется жива.
Я говорю: навзрыд заплачь, вдова,
От этих слез на сердце легче будет.

1945

Какая нива встанет на местах,
Где вся земля в могилах и крестах,
Где солнце поднимается во мгле?
Но мы живем на зависть всей земле!
И дерзости в простых сердцах у нас
Огонь неистребимый не угас.

Хочу, чтоб мысль и кровь друзей моих
Вошли в суровый откровенный стих,
Чтоб он неправдою не оскорбил
Торжественную тишину могил,
Чтоб он вошел как равный в честный круг
Моих друзей.

1945

Мне все здесь дорого и свято
У черных Пулковских высот:
Могила русского солдата,
На желтом бруствере осот,
Мать-мачехой и повилкой
С боков обросший капонир,
Перевороченный и дикий, —
Какой-то первозданный мир.
Кирпичная щербатая стена,
Моих друзей простые имена.

Мне хочется, чтоб девушки и дети
Пришли сюда на утреннем рассвете,
Чтоб день был светел, чтобы ветер тих,
Чтоб солнце золотилось на дороге.
...Забудь свои печали и тревоги,
Здесь мертвые спокойны за живых.

1945

Во всей красе распахнутого лета
Как много солнца и как много света,
Улыбок ясных, поцелуев, слез
Мне в этот день увидеть довелось
На площади Дворцовой.

Четким строем
Прошли войска. Хвала и честь героям,
Достоинно отстоявшим Ленинград!
Они пришли с победою назад.
О, как они нам дороги, как любви,
Как радостью весь город окрылен...
И снова гром, и снова трубы, трубы,
И шествие развернутых знамен.
Был путь тяжел. Победы праздник светел,
Величествен церемониал,
Когда ведет геройский генерал
Своих орлов гвардейских.

Я заметил
Ту радость, осенившую народ,
Которой мне не подобрать названья.

Благословенный полдень ликования.
Весь мир в цвету. Они прошли вперед.
Я видел лица, блеск военной стали,
На гимнастерках звонкие медали,
На темных касках пуль тяжелый след,
Литого солнца золотую россыпь,
И этот шаг — торжественную поступь...
Воистину, им равных в мире нет!

1945

СНОВА ГРОМОМ САЛЮТА...

Снова громом салюта над Балтикой воздух расколот
И вполнеба сияет заря разноцветных огней.

Здравствуй, трижды великий и трижды
прославленный город,
Город нашей мечты, город самых высоких страстей.

Город твердого мужества, ясных и смелых дерзаний,
Богатырского духа... Ударом тугого крыла
Дует ветер со взморья в предутренней матовой раи,
Шпили рвут облака, и сверкают твои купола.

И просторы проспектов, и четкие грани гранита,
И в серебряной дымке, в медлительной ряби вода.
Для меня в этом городе каждая пядь знаменита,
Каждым камнем душа моя в городе этом горда.

Это так навсегда. И немислимо думать иначе,
Если сердце вросло в плоть и кровь бессловесных
камней,
Навсегда породнилось. Аллюром немислимым скачет
С триумфальных ворот золотая шестерка коней.

Так же молодость наша в кровавые битвы летела,
Прокаленная солнцем, прожженная ярым огнем,
Через кровь, через смерть, в ослепительный мир
без предела,
И на веки веков утвердилась всей силою в нем.

1945

В. Семенову

Есть мудрый смысл в непостоянстве
Природы чистой и простой.

Мой вечный спутник, ветер странствий,
Еще неистовее вой.
Клубясь, лети в дорожной пыли,
Чтоб только свист по сторонам.

Мы, знаю, слишком быстро жили,
И твой порыв по сердцу нам.

1945

Еще не все потеряно,
Еще душа уверена,
Окрылена мечтой.
Да здравствует тревога
И дальняя дорога
Под синею звездой!

Еще чего? Разлука!
О верности ни звука,
Умей ее беречь!
Еще мосты грохочут
В кострах и звездах ночи,
Как обещанье встреч.

Клубится дым и пламя,
И сто смертей за нами,
И рано на покой.
О камни бьют копыта:
Припомни, что забыто,
И заново открой.

1945

Печаль. Она приходит после.
Еще размах, еще бросок...
В последний раз ударят весла,
И лодка врежется в песок.

За ней волна, как гром, накатит,
И камыши прохватит дрожь.
И, может быть, совсем некстати
Ты засмеешься и замрешь.

Волна сойдет. Дрожа от зноя,
Качнется тонкая лоза.
Заглянет солнце золотое
В твои лукавые глаза.

Я ждал тебя совсем иную
В обманчивой моей судьбе.
Прости меня, что я ревную
Весь мир сверкающий к тебе.

1945

По лопухам и повилыке,
В листве зеленой и резной
Дробился свет, плясали блики,
И мир кружился предо мной.

Цветной: зеленый, синий, белый,
В кипенье света и тепла.
И ты, как музыка, влетела,
И ты, как музыка, втекла,

Вошла в горячий запах лета,
В сиянье яркого огня.
И ливни хлынули. И где-то
Ломались молнии, звеня.

1945

Любовь светла. Ни вдоха, ни укора,
Свободная, открытая душа.
Ленивый ветер ходит вдоль забора,
Последних листьев ворох вороша.

Как чуток сон Таврического сада!
Как воздух свеж! Недвижен свет планет.
Ни говорить, ни сожалеть не надо —
Нет времени, разлук и горя нет!

Есть только миг, есть взмах ресниц случайный,
Раздроблена огнями тишина.
Вглядись и позабудь, какая тайна
В расширенных зрачках затаена.

1945

Не потому, что женщина любила,
Не потому, что женщина ждала.
Нет, сердце, опаленное дотла,
Уберегла в бою другая сила.

И пусть сейчас тебя не оскорбит
Мое признание. Так душа хотела.
И, слепо вырываясь из орбит,
Я сам не знаю, где она летела,

Куда неслась? Чтоб защитить меня,
Весь мир вставал, и глож поток огня.

И я пришел, я весь в глазах твоих.
Мне так светло, так хорошо —

ты видишь?

...Как взмах ресниц медлителей и тих.
Ты все простишь и словом не обидишь.

А завтра? Видимо, судьба
У нас одна. И мы в нее поверим.
...Какая ночью протрубит труба,
Какая буря разворотит двери?

1945

Ты здесь, ты вся в моих ладонях
Как сон, как сказка наяву.

И снова ночь росу обронит
На эту жаркую траву.
И ляжет лунная дорога
Текучей ргутью на залив,
Весь этот мир, простой и строгий,
Зеленым светом озарив.
Я сам не знаю — кто мы, где мы,
Идем неведомо куда.
Здесь скалы холодны и немы,
Здесь только лунная вода.
Латунных гор прямые кручи
До звезд пронзают синеву.

Ты здесь. Ты, как вода, текуча.
Я светлым вымыслом живу.

1945

У вас, наверно, в Грузии, Тамара,
Дожди прошли. И скаты темных скал
Дымятся от полуденного жара.
Мне кажется, что я всю жизнь искал
Единственной, неповторимой встречи,
Когда внезапно окрылились плечи
И этот ясный и открытый взгляд
Заполнил все. Мне нет путей назад.

Я в Грузию, должно быть, не приеду,
Но этот миг навеки сберегу.
Я все смотрю, я все иду по следу,
Мелькнувшему на невском берегу.
Мне ничего не надо, мне довольно.
Мне так легко, так несказанно больно,
Что говорить об этом грех.

1945

А знаешь, ты была права,
Когда мы шли вдвоем с тобою
И нас встречали острова
Еще нехоженой травой.

От клевера и повилики
Летели золотые пчелы.
Парк был прозрачен и велик,
И море — синим и веселым.

А знаешь, ты была права,
Что все пройдет. И в самом деле,
Другая выросла трава,
Другие пчелы прилетели.

В ленивой музыке воды
Они звенят среди ромашек.
И на сыром песке следы
Почти такие же, как наши.

1945

...И здесь начало всех трагедий,
Тревоги смутной в голосах.
Как много тонкой звонкой меди
В твоих тяжелых волосах!

Не говори, зачем, откуда
Пришла сюда. Не все ль равно.
И только легкая остуда
Под утро выбелит окно.

И встанет день над миром новый,
Рассыплет дробный перестук,
И сердце, словно лист кленовый,
Слетит и ляжет под каблук.

Он, весь в прожилках хрусткой меди,
Запелестит у милых ног.
Мы не друзья и не соседи —
И здесь начало всех трагедий
И неоправданных тревог.

1945

Над окнами
Чад.
И волокнами
Дыма
Покрыты дома.
Полусон, полутьма.
Деревья молчат,
И вокруг
Нелюдимо.

Медовые
Губы.
Бедовые
Речи.
И крик журавлей
Над простором полей.
Протяжные трубы:
«До встречи?» —
«До встречи!»

1945

СФИНКС

Нева под лунным светом стынет,
И, сердце страхом леденя,
Глазами каменной пустыни
Загадка смотрит на меня.

Какой творец ее увидел.
И, проклиная бытие,
На всю вселенную в обиде,
Из камня вырубил ее?

За веком век. Холодный идол
С надменной строгостью лица
Остался верен и не выдал
И бред, и вымысел творца.

А я люблю тебя простую,
Ты мне не идол и не бог.
Не требую, не протестую —
Ты вне загадок и тревог.

Я тоже умирал от жажды,
Бродил по улицам пустым.
Ты обожгла меня однажды
Палящим холодом пустынь.

1945

ХОЗЯЙКА

Поэма

Над землей тишина.
Будто мир под метелицей вымер.
Только низкие звезды
В морозной горят вышине,
И о чем-то давнишнем
Задумался старый Владимир
В белогривых сугробах,
В хрустящей сквозной седине.

Ночь густа и прозрачна.
По белому тракту березы,
Словно свечи, венчают
Глубокое царство зимы...
Но рожки започуют —
И в ответ затрубят паровозы,
И над сказочным лесом
Недвижные встанут думы.

Вздоргнут сосны, сверкая
Пушистым серебряным мехом,
Зазвенят, как стеклянные,
Мерзлые ветки ольхи.
Прогудят провода.
Ветерок пробежит по застрехам,
И на все голоса
Перекличку начнут петухи.

Заскрипит журавель.
И проснется в снегу деревенька
За Владимирским трактом,
В почти позабытых местах.
Пелагея Микитишна!
Здравствуй, родная! Давненько
Не видал я тебя,
А на письма не больно мастак.

Только видятся мне
Низких окон обмерзшие створки;
Неживые цветы
Под малиновым светом зари;
Невысокая изгородь,
Гумна, глухие задворки,
Где на старой рябине,
Как в детстве, поют снегири.

Вот ты встала с рассветом,
Едва озарившим окошки,
За водой с коромыслом
Прошла, не сгибая спины,
Нащепала лучины,
Начистила на день картошки,
Засветила огонь
И поставила в печь чугуны.

Самовар зашумел
По-домашнему просто и мило.
Скучно зимнее солнце
По стенам рассыпало свет.
Разбудила ребят,
Посадила за стол, накормила
И отправила в школу.
И долго смотрела вослед.

Перемыла посуду
И веником вымела сени,
Косарем обрубилa
Затоптанный лед на крыльце.
...Я-то знаю, откуда
Глубокие скорбные тени
Залегли на твоём
Умудренном и строгом лице.

Цену радостям нашим
Я знаю теперь. По-другому
Этот мир принимает
Познавшая правду душа.
Невозможно без дела,
И отдыха нету. Из дому
Ты, надев полушубок,
Выходишь сейчас не спеша.

За амбарами, сбоку
Высоких ометов, на скотный
Запетляет тропинка,
И ломкий осыплется наст.
И навстречу клубами,
Тяжелый, ядреный и потный,
Запах стельных коров
С головой тебя сразу обдаст.

Глаз да глаз.
И за всем уследи, попытай-ка,
Чтобы все по-хорошему,
Справно, не хуже людей.
Вот и крутишься ты,
Председатель колхоза, хозяйка,
От зари до зари
С затаенной печалью своей.

А тебе шестьдесят.
Разве все перескажешь, что было,
Что тебе испытать
За нелегкую жизнь привелось!
Как тебя на демянке
Под ветром студеным знобило,
Как жарою несносной
Томило тебя в сенокос.

Только снился тебе
Разукрашенный свадебный поезд,
Тонконогие кони
По белым сугробам полей
За сто верст унеслись.
Но чиста твоя светлая совесть.
Ты гордишься душой
За своих семерых сыновей.

Отшумели в черемухе,
В синей сирени откосы,
Отгорела заря,
И отпели твои соловьи.
От тяжелых забот
Посеклись твои русые косы.
От тяжелых работ
Огрубели ладони твои.

Старый ситцевый плат
На затылке стянувши потуже,
Горя горькую чашу
Хлебнула до самого дна.
В сорок лет овдовела,
Поплакала молча о муже.
А сыны разлетелись —
Ты снова осталась одна.

Разлетелись. Разъехались.
Только дымятся дороги.
Только весточки шлют.
Только в письмах зовут: «Приезжай!»
А когда тебе выбраться:
Рук-то в колхозе не много.
А хлеба-то поспели —
Пора собирать урожай.

Еще ясны глаза.
Работающие руки не слабы.
Мужиков на войну —
И по сердцу скрипучий мороз.
Собрались, пошумели
В тот день одинокие бабы:
«Что ж, Микитишна, властвуй!
Бери в свои руки колхоз».

Вот и крутишься ты.
На учете любая минута.
Все дела и заботы
К тебе навалились горой.
Младший сын утонул
В беспощадном сраженьи Гангута.
В сталинградской земле
Без тебя похоронен второй.

А овес не молочен.
Картошка не убрана. Значит,
Не сегодня, так завтра
В районе поставят на вид.
Беспробудную, горькую
Запил, судьбой озадачен,
Возвратившийся с фронта
Безногий сосед-инвалид.

Обносились за лето
Украинских беженцев дети.
И твоих сыновей
Окаянная смерть сторожит.
Под Одессой в разведке
На mine взрывается третий,
Под Смоленском четвертый
С простреленным сердцем лежит.

Пятый сын под Мурманском
Проводит во льдах караваны.
В Каракумской пустыне
Пески побеждает шестой.
Зачастили дожди.
Над сырой луговиной туманы,
Словно дымные гривы,
Висят пеленою густой.

Только ночью, одна,
Ты по-бабьи заплачешь на лавке.
Никуда не уйдешь
От нахлынувших каменных слез,
А наутро в амбарах
Зерно отберешь на поставки
И сама поведешь
На Владимир колхозный обоз.

Виснут кисти рябин,
Словно крови прозрачные сгустки,
И в цветных сарафанах
Вишневые стынут сады.
Журавли пролетают
Над медленной Клязьмою. Хрустки
Под негреющим солнцем
В стеклянной оправе пруды.

Может, лучше тебе
На недвижимом осеннем просторе,
Где тропинки бегут,
Золоченой листвою шурша, —
Помогаешь другим,
И свое забывается горе.
Неизбывной любовью
Прекрасна простая душа.

Это жизнь. Это правда.
Скажи мне, откройся, откуда
Эта сила твоя,
Что всегда остается с тобой?
Мне ведь меньше досталось.
А сердце сковала остуда.
И мне стыдно сейчас
Пред твоей бесподобной судьбой!

Все идет у тебя по-хозяйски,
Расчетливо, к месту.
Не заметит никто
Ни сомнений, ни страхов немых...
Ребятишек одела,
Нашла инвалиду невесту,
Раньше всех по округе
Закончила сев озимых.

По пригоркам покатым
Поземка клубится по следу.
Снежной пылью дымится
Морозная мутная даль.
Сам Калинин в Москву
Вызывает тебя на беседу
И вручает тебе за сынов
Дорогую медаль.

Поклонилась ему
И сказала: «Спасибо». Иначе
Ты, раздумав, решила
Об этом в дороге вчера:
«Вот увижу его,
Расскажу ему все и поплачу, —
Как, мол, хочешь, суди,
А на отдых старухе пора».

Он смотрел на тебя,
Поседевший, сутулый, усталый
От бессонных ночей,
От великих и малых забот.
И от этого взгляда,
От этого голоса стало
Хорошо на душе
И прибавилось силы. И вот

Замелькали в дыму
Семафоры, огни, остановки,
Провода по дороге
От крепкого ветра гудят.
Пять часов прождала
На вокзале на станции Новки
И взяла в детском доме
Троих беспризорных ребят.

Обжились, пообвыкли.
Растут золотые ребята.
Вон румянец какой,
И глаза-то горят, погляди, —
Им с тобой хорошо.
Материнской любовью богата.
Ты их выведешь в люди.
Пусть счастье их ждет вперед!

Зашумит водополье
По нашим полям и равнинам.
Все дороги до дому
Промоет крутая вода.
Старший сын — капитан,
Что геройски дрался под Берлином, —
На побывку собрался
И скоро приедет сюда.

Сколько радости будет!
Засветится солнышко в доме,
Засияет твое
До последней морщинки лицо.
Воробьи на дворе
Расшумелась чего-то в соломе, —
Уж не едет ли кто,
Не вбежит ли сейчас на крыльцо?

Ты выходишь на волю
Одна через темные сени,
Полный месяц над полем
Плывет в голубой вышине.
На сугробах лежат
Тополей одинокие тени,
И печальные вербы
В пушистой стоят седине.

И душа твоя снова
 Для мира и счастья открыта.
Невысокие окна
 В цветы обряжает мороз.
Снег на тракте скрипит
 Под упругим ударом копыта.
Конь храпит на подъеме.
 Трубит на путях паровоз.

1945

Последний лист отряхивают клены
На каменный, холодный парапет.
По вечерам Ростральные колонны
Голубоватый окружает свет.

Торжественна медлительность прихода
Седых ночей на эти берега,
Когда окаменевшая природа
По-зимнему печальна и строга.

Причудливые тени от решеток
Сплетаются с тенями от ветвей.
Луна недвижна. Одинокو четок
Неторопливый окрик патрулей.

По мостовой процокали копыта.
Куранты отзвенели не спеша.
Спит Ленинград. Передо мной раскрыта
Его неповторимая душа.

1946

А. БЛОКУ

Его поэзия жива.
Ей всё душа отдать готова.
Мелькают мысли и слова,
И наконец приходит слово —
Основа жизни и души.
Возьми его и не дыши.
Остановись. Не без опаски
Застынь над чудом. И постой.
И снова вымыслы и сказки
Начнут соперничать с тоской.
Опять кудлатые метели
Сплетутся в яростный клубок.
И ты поймешь, что в самом деле
Ты в этот миг не одинок.
Что ты сейчас один хозяин, —
Позвал вселенную на пир.
Еще пока неузнаваем,
Ты миру отдал этот мир
Взаимы. Да что там!

Без возврата

Душа по слову отдана.
На бледной площади Сената
Трагическая тишина.
Есть удивительное свойство
У сказок, скрытое во мгле, —
То золотое беспокойство
За все живое на земле.
Пусть жизнь прошла и песня спета —
Густа могильная трава.
Но в чистом голосе поэта
Душа широкая жива.
Приникни к темному надгробью,
Завороженный и немой,
И ты поймешь, как пахнет кровью
Родник поэзии самой.

1946

ПОБЕДИТЕЛЬ

Без малого четыре года
Гремела грозная война.
И снова русская природа
Живого трепета полна.

Там, где мы брали кровью, с бою,
Противотанковые рвы,
Цветы, обрызганы росой,
Встают, качаясь, из травы.

Где ночь от ярких молний слепла,
Кипела в заводах вода, —
Из камня, щебня и из пепла
Встают родные города.

И вот дорогою обратной,
Непокоряемый вовек,
Идет, свершивши подвиг ратный,
Великий русский человек.

Он сделал все. Он тих и скромн.
Он мир от черной смерти спас.
И мир, прекрасен и огромен,
Его приветствует сейчас.

А сзади темные могилы
Врагов на дальнем берегу —
О нашей доблести и силе
Напоминание врагу.

1946

ВЧЕРА БЫЛА ВОЙНА

Поэзия

Н. Тихоносу

*Не все исхожены дороги,
Не все изведаны места, —
И жизнь, лишенная тревоги,
Для нас бессмысленно пуста.*

1

Я все позабыл. Фонарями
Пронизана зимняя ночь.
Опять пропадать над стихами
И бестолочь в ступе толочь.

Пока настоящее слово
Не ляжет тебе на ладонь.
Рванется и хлынет. И снова
Впотьмах разгорится. Не тронь

Огонь, вдохновенье работы,
Спалившую сердце напасть.
Как песня, ложится на ноты
Поэту подвластная страсть.

И за руки, в ветер раздольный.
И сердце берет в оборот,
Как звон колокольный, окольной
Дороги крутой поворот.

Едва различим и означен
Сквозь мелкую белую пыль,
Сквозь тусклые звезды маячит
Седой петропавловский шпиль.

За двери! На волю! На вьюгу!
Где в топоте стонут мосты,
Где снежные кони по кругу
Поземкою стелют хвосты.

В морозное пение снега,
В сверканье, в хруст полотна
И в память, как в прорубь с разбега,
И — камнем до самого дна.

Настало время расквитаться мне
 И рассказать о мире и войне,
 Чтоб нас в воспоминаньях унесло
 Поэта золотое ремесло
 Туда, где гром. Земля, дробясь на части,
 Встает столбами до седых небес.
 Где страсть борьбы и вдохновенье страсти
 Воистину как чудо из чудес.
 Где небеса, отяжелев от груза
 Осенних туч, клокочущих в огне,
 Свисают вниз... И здесь впервые Муза,
 Нет, не явилась, а пришла ко мне.
 Не в легком одеянии царицы, —
 Она пришла в золе, в грязи, в крови.
 Я ей одной навек остался верен
 Всею силою единственной любви.

Опять вдали залив барашки пенит,
 И снова начинается прибой.
 Уйдет любовь, и женщина изменит,
 И слава распрощается с тобой,
 И друг предаст, и недруг станет другом.
 Оглянешься — нет никого кругом.
 И жизнь твоя замкнется этим кругом
 И повторится с кем-нибудь в другом.
 Она одна не подведет. Одна
 В огонь неслышно подливает масла.
 И никому на свете не видна,
 Мне одному и зрима, и подвластна.

Я не поклонник истин прописных
 И пресных слов. Пусть слово к слову лепит
 Всю жизнь мою, всю явь мою и сны,
 Ее почти неуловимый лепет.
 Я никогда не буду одинок,
 Тасуя дни, события и числа.
 Мне каждый взгляд ее, полунамек
 Всегда полны таинственного смысла:
 В ее руках и счастье, и напасть, —
 Моей судьбы тревожные начала.
 Ее непререкаемая власть

Меня всегда от смерти выручала.
Так выручай опять. Не подведи!

Невпроворот работы впереди!
Настало время. В суматохе дней,
Где все смешалось — лица и границы,
Сказать о том, что было мне видней.
Пусть ощутимо ляжет на страницы
Все, что в душе спаленной проросло.

Пусть каторжное наше ремесло
Потом разложат, в выраженьях гибки,
До запятой словесные спецы.
Я ничего не мыслю без ошибки,
Не верую в счастливые концы,
Не представляю жизни без тревоги,
Без гибели, без жажды, без борьбы!
И только бесконечные дороги,
И только телеграфные столбы,
И только скорость! Только ветер в уши!
На перепутье вспыхнувший костер,
Когда тебя, как бомбой, оглушит
По-новому распахнутый простор.

Вот так лететь! На ощупь брать пространство,
Со всем живым вступая в жадный спор.

Я оставляю сидням постоянство,
Беру себе — движенье и напор!

3

И вот пришла последняя минута.
К востоку повернули корабли.
В последних вспышках берега Гангута
Растаяли и скрылися вдали.

И сразу ночь. И сразу шторм. И прорва
Воды и мрака. Черный произвол.
Какой-то силой дьявольской разорван
Был этот мир и брошен в перемол.

Поет. Гудит. И ахает, и косит
С борта на борт. По переборкам визг.
Накренит. Раскачает и подбросит.
Перевернет и грохнет сверху вниз.

И ни воды. Ни воздуха. Ни мели.
В глазах от качки красные шары.
На палубах травили и немели.
В каютах задыхались от жары.

Нас эта ночь опутала, как тина.
Еще удар — совсем сведет с ума.
И столб огня. И чей-то выкрик: «Мина!»
И снова столб. И снова вспышка. Тьма.

Сползаем вниз, как сани по ухабу.
Мы влопались в последнюю беду.
И кто-то молит: «Бабу дайте, бабу!»
И сквернословит раненый в бреду.

Гуляет смерть вдоль леденистых палуб.
И кровь из перекошенного рта.
И ни черта! И ни надежд, ни жалоб.
Бушлаты с плеч — и рыбой за борта.

С кормы и с носа, с мостиков и сходен.
Игра с судьбой, где выигрыша нет.
Весь тарарам с кровавым бредом сходен,
И мысль быстра, как молния, как свет,

Неужто плавать в тинистом растворе
На глубине, в зеленоватой мгле?
Да! Я люблю отчаянное море,
А умирать желаю на земле.

И где она, соломинка на случай,
И где она, причина из причин,
Которая, вконец тебя замучив,
Выносит напоследок из пучин?

И вынесла. На Гогланде в землянке,
Среди сырых, обледенелых скал,
Мы собрались, и стукнули по банке,
И, словно плахи, на пол, наповал.

4

Над морем синие туманы,
И ночь бела.

И петергофские фонтаны,
И ты была

Не девушка, и не подросток,
И не как все, —
Как тонконогая березка
В седой росе.

И ветер брал тебя за плечи,
За рукава.
И травы шли тебе навстречу,
И дерева.

И столько трепета и звона
Несли они.
И врассыпную сверху склона —
Огни, огни.

А ты смотрела, вскинув косы,
Из-под руки
На темно-бурые откосы,
На светляки.

Потом пошла туда, где пена
С откосов — вниз.
И я кричал тебе: «Елена,
Остановись!

Не торопись! Не надо! Слышишь?
Постой! Куда?»

А волны поднимались выше.
До плеч вода.

И я тогда махнул руками:
Не все ль одно?
Последний взмах. И, словно камень,
Пошел на дно.

Там звезды красные блистали
Средь черных глыб.
И надо мной мелькали стаи
Зеленых рыб.

Густые водоросли стыли.
Средь них скользят,
Со всех сторон, качаясь, плыли
Мои друзья.

Тельняшек рваных и бушлатов
Протек поток.
И снова в мраке синеватом
Зардел восток.

И снова розовая пена
И пузыри.
И ты опять пришла, Елена,
В лучах зари.

Пришла, как суд и как расправа.
Но только, нет,
Ты не имеешь даже права
Входить в мой бред.

Раз ты ушла, другим томима,
Так пусть другой
И назовет тебя любимой
И дорогой.

И в сновиденья и в тревоги
Иди к нему.
А наши кончились дороги,
И всё в дыму.

В дыму и завтра, и сегодня,
В огне — вчера.
На пристань сбрасывают сходни!
Вставай! Пора!

И цепи брякают о блоки,
Гремят тюки.
Уходят тральщики к востоку,
Как утюги.

И льды до самого Кронштадта —
Не протолочь.
Чернее черного бушлата
Ложится ночь.

5

По самые плечи заносы.
Снега. И ни троп, ни дорог.

С Кронштадта до Лисьего Носа
Я ноги едва доволок.

Ни крика. Ни стопа. Ни лая.
Ни дыма в доме, ни огня.
Лишь ветер крепчал, завывая,
До самых костей леденя.

Все кругом. Хоть падай на спину.
Густа безучастная тьма.
И, заячьи шапки надвинув,
Угрюмо смотрели дома.

Что нужно солдату? Довольно
Скупого тепла в шалаше.
Мертво. И так горько, так больно
И так одиноко душе.

Куражит проклятая заметь.
Ничем не удержишь ее.
Перстом указательным память
Листает мое бытие.

Мелькают события. И лица
Встают из пустой темноты.
И самой заглавной страницей
В той книге начертана ты.

Так ясно я вижу. Сначала,
Смеясь, балагурия, маня,
Зачем ты любить обещала —
И не полюбила меня.

Чтоб видеть тебя и услышать,
Из грома, воды и огня
Я выдрался, выжил и вышел, —
Но ты не любила меня.

Я знал, что такое измена
И верность. И снова, кляня,
Я жду тебя — слышишь, Елена, —
Но ты не полюбишь меня.

Пусть ночь залегла, закрывая
На этом пути маяки.
Неси меня снова, кривая,
Сквозь все и всему вопреки.

Неси меня в белое пламя,
В поющий и пляшущий снег.
...И вдруг пред моими глазами
Из снега возник человек.

Возник из широкой метели,
Из чертовой прорвы возник.
Усы его зашнуровали,
В морозном дыму воротник.

Склоняется к самому уху,
Кричит через бешеный вой,
С надрывом, по-старчески глухо:
«Живой или мертвый?» — «Живой!»

«Живой, так идем, отогрейся,
Да только не больно спеши».
...На случай всегда не надейся,
Но мир не без доброй души.

В зеленом дыму от махорки
Мигает и гаснет свеча.
Я как-то оттаял в каморке,
В тепле у Кузьмы Ильича.

Домашним теплом разогретый,
Он был собеседнику рад.
Служил он на станции этой,
Наверно, лет сорок подряд.

Хорошая жизнь. Да под старость
Все прахом пустила война.
И вот ничего не осталось
На черный денек, старина.

Один ты. Сынку-командиру,
Знать, некогда письма писать.
Последнюю нынче квартиру
Старухе пришлось подыскать.

Так мы до утра просидели
Над мертвой хозяйкой вдвоем.
И скорбные мысли кипели
В бессонном сознании моем.

Потом на высокие санки
Фанерный поставили гроб.
И бранные эти останки
С сугроба везли на сугроб.

Обратной дорогою еле
Довел я домой старика.
Над белым заливом седели
Во весь горизонт облака.

И вспышки на всем горизонте.
«Прощай, мне пора, ухожу!» —
«Сынка, может, встретишь
на фронте,
Пусть пишет почаще...» — «Скажу».

6

У мертвого Летнего сада,
Покой охраняя пустой,
Чугунная стыла ограда,
Равняя незыблемый строй.

И старые липы, как тени,
Одетые в зимний наряд,
В сугробы вросли по колепи
И с места сойти не хотят,

Невы белоснежное поле,
В дневной погруженное сон,
И два корабля на приколе,
И контур Ростральных колонн.

7

И в самом деле, можно не поверить,
Что, сбросив тяжесть гробовой доски,
Жизнь на мороз распахивала двери
И сохраняла в холоде ростки,
Как вымысел о сфинксе и кентавре,
Как серный запах Дантова огня.

Я шел по Александрo-Невской лавре,
И звезды осыпались на меня.

И звезды жгли. И возникали звуки,
И падали на пухлые кусты.
Со всех сторон вытягивая руки,
Сбегались одноногие кресты.

Мир призрачен. Вернее, он прозрачен,
Он непонятен. Он донельзя прост.
Какой-то новой мыслью озадачен,
Он онемел. Он превращен в погост.
И я, как крест на собственной могиле,
В крутой сугроб по самый пояс врос.
Еще моих грехов не замолили
И надо мной не проливали слез.
И не прольют. К чему скупые слезы.
Закроется могильная дыра.

Раздумье оборвали на морозе
Упругие удары топора.
Старуха крючковатыми руками,
Полусогнувшись, из последних сил
Под самый корень подрубала память
О бывшем человеке. Я спросил.

Я упрекнул. Она в ответ: «Как хочешь,
Я не чужой, а мужнин, видит бог.
А ты чего впустую лясы точишь?
Ты посильнее, взял бы да помог».

И я помог. Я вез вязанку щепок
До самого Гостиного двора.
Был воздух сух. Мороз ядрен и щепок.
Тревожная полночная пора.
И город тих, присыпанный порошей,
В мерцающей светящейся пыли.
Подскакивая, хлопали в ладоши
На мертвых перекрестках патрули.

И я помог. Угрюм и безотказен,
Я шел за ней за двери, за порог,
Где скудный свет горел мышинным глазом
И оседал тяжелый потолок.
«Усни, сынок». Я примостился с краю
Под полушубок на пустой диван.
«Невеста есть?» — «Невеста? Нет. Не знаю». —
«Найдем невесту!» И поплыл туман.

Метелица. Белая пена.
 Сугробы. Наметы. Снега.
 Опять ты приходишь, Елена,
 Как прежде, чиста и строга.

Опять ты приходишь из давней,
 Почти позабытой мечты,
 Из той отгоревшей, когда мне
 Впервые увиделась ты.

Когда сумасшедшая вьюга
 До крыш пеленала дома
 И в шубе, затянутой туго,
 Плясала и пела зима.

И снова из той неповторной
 Метелицы, бьющей на нас,
 Опять разгорается черный
 Огонь немигающих глаз.

И снова лохматая пена,
 Почти позабытая ложь.
 Опять ты приходишь, Елена,
 И около сердца встаешь.

И ветер опять замедляет.
 И пляшет зима, и поет.
 Дай руку. На сердце растает,
 По капле растопится лед.

Чтоб в полной красе перед нами
 На миг расступилась сама,
 Тряхнув голубыми снегами
 В серебряных искрах, зима.

И что там разлука, измена!
 Сегодня они не для нас.
 Я, кажется, слепну, Елена,
 В огне немигающих глаз.

Зима.

Дремотного инея бахрома.

Дома в снегу. И люди как пророки.

О, как они сегодня одиноки.

О, как они беспомощны сейчас.

О, как они безропотны и строги.

Голодной вереницей без дороги

Бредут весь день, не поднимая глаз.

Глаза запали, скорбны и глубоки.

Зеленые ввалившиеся щеки.

Обтянутые острые носы.

И всё в снегу. Всё в инее. Деревья —

Как витязи из древнего поверья.

Ветвей тяжелых мраморные перья

Неповторимо сказочной красы.

И всё в снегу. Всё в инее. Решеток

Прямые копыя. Белый парапет.

Лиловый и голубоватый свет.

И каждый взгляд, и каждый шаг нечеток.

Все зыблется. Все пляшет и течет,

Как в полусне и как в полутумане.

Сейчас весь город распадется. Канет.

И смерть придет и потеряет счет.

Давным-давно потеряя счет потерям.

А ты идешь. И ты еще уверен,

Полуживой голодный человек.

Вокруг зима. Нет ни тепла, ни кровель.

Быть может, ты не видишь? Так бескровен

Стекланный взгляд из-под свинцовых век.

И я иду.

И я не упаду.

Куда меня уносит, окружая,

Чужая радость и беда чужая?

Какая радость! Не кощунствуй! Стой!

Есть только горе. Горечи настой

Питает сердце, и руками движет,

И мысль на мысль в бессонном бденье вижет.

Гляди; поэт!

Ты не свидетель, нет!
Здесь жизнь твоя, здесь смерть твоя и слава.
Тебе дано единственное право
Понять народ, свою тоску поправ,
Ты часовой кровавых переправ
В грядущее...

10

Бывают удивительные люди.
Их ничего на свете не принудит
И никакая не согнет беда.
Такой была и бабушка. Когда
Все подчистую вымерли в квартире
И темный ужас поселился в ней,
Она как будто раскрывалась шире
Великой неподкупностью своей.

И для меня она была как чудо.
Я до сих пор не ведаю, откуда
Бралась в ней сила и тепло души.
По-разному бывают хороши
Простые люди. Право, иногда мне
Вся жизнь моя покажется пустой,
И мысль — тупой, и сердце — черствым

камнем

Пред этой откровенностью простой.

Я свой рассказ неспешно поведу.
Вся жизнь ее открыта, на виду,
Поэтому чиста и незаметна.
Она жила одна. Была бездетна.
Привыкнув к положенью своему,
На черный день не берегла излишек.
И шила от артели на дому
Приданое для малых ребятшек.

А как пошла военная метель,
Куда-то в Буй уехала артель,
Заказ оставив с грудой полотна.
И бабушка осталась одна.
Я заходил к ней часто ночевать
И подружился не на шутку вскоре.
Проснешься утром. Чуть светло. Опять
Машинка у окошка тараторит.

Какой она надеждою жила,
Какая в ней уверенность была,
Какая удивительная сила,
Что даже смерть ее не подкосила.
Знать, жизнь ее не баловала счастьем,
Но все-таки, довольная собой,
С каким всеподкупающим участием
Она чужой тревожилась судьбой.

И в этом, может быть, — наверно, в этом —
Ее судьба и счастье. Как-то летом
Я к ней зашел. Усталый. По колена
В густой грязи. С хозяйкой перемена.
Накрыла стол. Прибавила огня.
Все суетится. Не находит места.
И вдруг решила: «Знаешь, у меня
Есть для тебя хорошая невеста».

Ну что с тобой поделаешь, старуха.
Я слушал эти разговоры сухо.
Но все-таки, с каких не знаю пор,
Мне стал приятен этот разговор.
Я знал, что есть у бабушки соседка,
Красивая солдатская вдова.
А как мы повстречались? Нередко
Мы забываем первые слова.

11

Не знаю, кем я стал в твоей судьбе.
Тревогой и усталостью измучен,
Я с темных улиц приходил к тебе,
Как случай.

12

Как оживает дерево в ночи,
Зеленою листвою обрастая,
Об этом зная, на ветвях кричит
Всю ночь грачей косноязычных стая.

Выходят из коробки вырезной
Прозрачный лист и клейкие волокна.
Под утро глянешь: в зелени сквозной
Прохладный воздух растревожил окна.

И робко к окнам подступает сад,
Как девочка, по-детски он опрятен.
И солнце начинает наугад
По всем дорожкам перебежку пятен.

И первый вздох свободен и глубок.
Вздыхнешь и убеждаешься воочью —
Клубок недоумений и тревог
Был до конца размотан этой ночью.

Здесь ничего о прошлом не скорбит.
Здесь новый мир с тобою соразмерен.
И кажется, что груз твоих обид
Совсем забыт иль навсегда потерян.

13

Валентина, — сказал я, — зачем ты грустишь, Валентина?
Посмотри, как туман на вечернюю хлынул зарю,
Как легка и тонка на седых тополях паутина.
Валентина, постой! Я совсем не о том говорю.
Валентина, — сказал я, — смотри, поднимается, вот он,
Этот город трагедий, он дымкой, как сказкой, обвит.
Он из воздуха, что ли, из белых туманов сработан.
От колонн и порталов, от шпилей до каменных плит.
Я люблю этот город, где сказка и явь воедино
Неразрывно сплелись, в холодеющем свете лучась.
Мне легко и свободно. Мне грустно сейчас, Валентина.
Мне светло и тревожно. Я все позабуду сейчас.
Видишь, мир изменился. Я все позабыл, Валентина.
Как гигантские ландыши, встали из трав фонари.
Нет, не Марсово поле, не Летний, а это долина.
Не дома — это скалы в малиновом свете зари.
И не горький бензин. Это запах росы и жасмина.
Это темные тропы, известные только судьбе.
Это руки твои. Это сердце твое, Валентина.
Это тот перекресток, где мы не подвластны себе.

14

Под окнами лиловую сирень
Ультрамарином ливень перекрасил.

Ты в первый раз смеялась в этот день,
Как ласточка летая по террасе.

На теплые поемные луга
Струился полдень полосами света.
Огнем переливаясь, жемчуга
В ладони листьев облетели с веток.

А сад дышал испариной в дыму.
Он изнемог. Он был дождем заласкан.
Он протянулся к сердцу твоему
Шптовником, заколотым за лацкан.

15

И только губы. Только руки. Только
Твои глаза и шире, и темней.
И музыка. За вальсом вальс. И полька.
Слепящее мелькание огней.

И сад в росе. И снова трубы, трубы.
И тонкие, как иволги, смычки.
Горячие закушенные губы.
И в темноте горящие зрачки.

И сад в росе. Он говорлив и клеек.
И свет и тьма. И снова свет и тень.
И пеною над спинками скамеек
Кипит и осыпается сирень.

И сад в росе. Росой и пеной дышит.
Отчаивайся. Радуйся. Грусти.
За кругом круг. Не торопись. Поттише.
Остановись, чтоб дух перевести.

И сад в росе. Ни трепета. Ни щелка.
Нисходит ночь. Мы у нее в плену.
И мы одни. И музыка умолкла.
И облака завесили луну.

16

Открылось небо цвета стали,
Холодной, мертвой синевы.

Лучи отвесные упали
На оба берега Невы.

Застыл, недвижим, неколышим,
Обритый пулями сосняк.
Из блиндажа в траншею вышел
И дал команду Симоняк.

И сразу обдало из щелбня
Огнем тропической жары.
И танки ринулися с гребня
По склону Пулковской горы.

И вот пошли «катюши» жгахать.
Сама земля сошла с ума,
Как будто грянули с размаха
Все раскаленные грома.

И вот пошла неразбериха,
Оглух и раскололся мир.
И все горит. И только выход
Спокойный видит командир.

Казалось, мир на тонком перве
Дрожит и держится пока.
...Я встретил Громова в резерве
Триста четвертого полка.

О нем уже ходила слава
И долетала даже к нам,
Как он налево и направо
Два года лазил по тылам.

И я обрадовался. Боле,
Был поражен и удивлен,
Когда узнал, что это Коля,
Твой сын, Кузьма Ильич. А оп...

О, если б ты его увидел,
Поговорил бы только сам, —
Наверно, не был бы в обиде,
Что он письма не написал.

Да, он бывал в таких походах,
В таких местах, как говорят,
Откуда письма не доходят
И даже галки не летят.

Пел телефон на тонкой ноте,
И плакал провод на ветру.
Пришел приказ резервной роте,
И мы простились. Поутру

Мне передали в медсанбате,
Что он убит. Крутился снег.
Был снег подобен грязной вате,
Деревья плыли, как во сне,

Скрипели черные березы,
И рвы окутывала тень.
Однообразные обозы
Уже тянулись за Кипень.

17

Поет метель. В дубленые тулупы
Сама зима окутывает трупы.

Последний сон. Последняя постель.
Отголосит отходную метель.

Ни холода не надо, ни тепла.
И только память о друзьях светла.

Исходит кровью рваная заря.
И от смертей тупеют писаря.

18

Я десять дней не видел Валентину.
Двум вечностям равнялись десять дней.
И я летел — и десять ветров в спину,
А может, сто, подталкивали к ней.

И я летел, медлительность кляня.
Еще квартал. Еще два дома. Близко.
Но в это утро встретила меня
Написанная наскоро записка.

«Он жив. Я оказалась в стороне
От вас обоих. Не ищи. Не надо.
Теперь прощай». И стало душно мне
Под белыми ночами Ленинграда.

Был этот день торжественен и ярок,
И синева густа и глубока.
Литые кони триумфальных арок
Копытами взбивали облака.

Как будто солнце было заказное
На этот день. И музыка плыла.
Весь город цвел. Пылал в звенящем зное,
До облаков вздымая купола.

Он весь в цветах. Он весь в знаменах. В громе
Военных маршей. Гулок и глазасть.
Он ничего сейчас не знает, кроме
Той радости, которой не отдаст.

Гремели танки мостовой торцовой,
В движении стремительно легки.
Во всю длину на площади Дворцовой
Равняли строй гвардейские полки.

Так вот оно, прошедшее все беды,
Ни перед чем не падавшее ниц,
Суровое величие Победы.
Мельканье касок, загорелых лиц.

И потных плеч. Тяжелых плеч солдата.
Колонна за колонной. Без конца.
И ни души знакомой. А когда-то
Я здесь служил. Знал каждого бойца.

Но не ищи. Их сколько б ни искал,
Здесь не найдешь. Напрасная работа.
Друзья остались у гангутских скал.
Под Марьином. В синявинских болотах.

Под Красным Бором спят друзья мои.
Под Нарвою. Под Выборгом. И в пущах
Курляндии. Окончены бои.
И мертвые спокойны за живущих.

И грустно мне. Но мысль моя чиста.
Как будто вповсь я шел от боя к бою.

Превосходная живопись. Мало мы в ней понимаем,
Если в наши мозги не вошел ослепительный хмель.
Трезвый видит обычно. Сюда мы зашли с Николаем.
Не печалься, приятель, плыви, и крутись, карусель.

Что ж такого? Ведь если раздумать, так все мы
Не любители выпить, когда на печенках серо.
Тут почтеннейший критик увидит начало богемы
И, уж ясно как день, наострит на поэта перо.

Сразу тошно желудку. Но все-таки бодро и стойко
Отпаривую этот почти смертоносный удар.
Знаешь, милый приятель, иди по-хорошему к стойке,
Так и быть, угощу. У тебя небольшой гонорар.

Только стой и смотри. Если надо, приду на подмогу.
Вот хотя бы хозяин: в нем сила и сметка видна,
Он с почтеньем волочит свою деревянную ногу.
Он нашивки спорол и в комод положил ордена.

Славный малый и честный, ей-богу, на диво.
Прямо в самую точку потрафит внимательно вам.
Я ручаюсь, что он не разбавит ни водки, ни пива,
Даже в долг, если хочешь, поверит — не больше ста
грамм.

Только стой и смотри. Здесь бывают такие утробы,
Просто диву даешься, откуда в них сила и прыть,
Представляете: входит и просит пол-литра для пробы,
Опрокинет за ворот — и ну до закрытия пить.

И куда только лезет! Кряхтит, отдуваясь, детина.
Вот с блуждающим взглядом неслышно вошел спекулянт.
Он сто сорок костюмов недавно привез из Берлина.
Это сволочь большая, но все-таки тоже талант.

Легендарная личность о двух костылях у окошка
Подгулявшим студентам о разных сражениях врет.
Ободралась шинель, и лицо закоптело, как плошка.
Он вторую неделю с утра и до вечера пьет.

Вот безглазый матрос восседает, как идол, на бочке.
Обнимает гармонь, безысходной тоской обуян.
Эй, братишка, довольно! Не надо о синем платочке.
Спой, чтоб сердце в осколки! И тонко заплакал баян.

Я все расскажу, ни о чем не смолчу,
Пусть горечь вскипает, как брага.
Пришло извещение Кузьме Ильичу,
С казенной печатью бумага,

Что сын его пал на Вороньей горе,
Что он как герой похоронен.
И дрогнули брови в густом серебре.
И камень на сердце обронен.

И вот мой старик завязал в узелок
Селедку с краюхою хлеба.
Взял крепкую палку, ступил за порог
И перекрестился на небо.

И вправду, дорога была далека,
Добраться здоровому впору.
Пошел он проведать могилу сынка
На эту проклятую гору.

Он шел, задыхаясь, по майской жаре,
Не ел, не курил самокрутки.
И, словно к спасенью, к Вороньей горе
Под утро пришел через сутки.

Он сел отдохнуть. Зеленела трава.
Прохладой несло от долины.
Склонилась седая его голова,
И ветер погладил седины.

Сплошные воронки. Глухой бурелом.
Да желтеньких бабочек стая.
Да темные ели шумели кругом,
До самых небес вырастая.

Земля как обломки чудовищных скал,
В железе, в разбитом бетоне.
До самого полдня старик проискал
Могилу на северном склоне.

Ходил от могилы к могиле и гнул
Худую, сутулую спину.
И кто его, право, не знаю, толкнул
Ступить на забытую мину.

И солнце померкло в горючей пыли,
И ахнуло эхо от злости.
Полынью и мятой теперь заросли
Его одинокие когти.

Не горюй, Николай! Для живых безысходного
нету.
Встало солнце над миром. Врывается в окна
рассвет.
Вот поэт выступает под мухой, как надо поэту.
Эй, соседи, потише! Пускай повествует поэт.

Полжизни прожито. И ни семьи, ни дома.
Ты отдал все. И лишь себе сберег
Пожар в глазах, далекий рокот грома
И медленные полосы дорог.

И девушку. То чуждое изменам
Воспоминанье легкое, как свет,
Как перебежка зайчиков по стенам,
Как все, чему определенья нет.

Нет, ты ее не выдумал, не выдал
И травам, и воде, и небесам.
Четыре года ты ее не видел,
Четыре года писем не писал.

Мы не делили женщин, как трофеи.
Нам некогда глазеть по сторонам.
Двенадцатикопеечные феи
Боялись даже подступиться к нам.

Четыре года яростной горячки,
Где только ветер носится трубя.
Эстонки, черногорки и полячки
Завистливо смотрели на тебя.

Все мимо шло. Все мимо, мимо, мимо,
В огне, в железе, в громе и в дыму.
И некогда раздумать. Нелюдимо.
И страшно одиноко одному.

Чего ж ты встал, как будто в землю вкопан,
Опустошенный горькой правдой всей.
Давно твоя сбежала Пенелопа.
Напрасно ты вернулся, Одиссей!

Только кружки гремят, как удары раскатистых пушек.
Только дым синеватый качается, как водоем.
На оранжевой кочке пьют пиво двенадцать лягушек.
На сегодня достаточно! Хватит по горло! Идем!

21

В неизгладимой памяти грохочет
Уже неповторимое вчера.
Заснуть нельзя! — такие нынче ночи.
Забуть нельзя! — такие вечера.

Такой туман. Такой прозрачный трепет.
Скороговорка листьев и воды.
Открой глаза! Не бойся! Не ослепит
Рассвет в росе, идущий на сады.

Как небосвод прямой иглой проколот.
И, плечи расправляя не спеша,
В сиянье света оживает город,
Крылатая и легкая душа.

Ему бы парус да попутный ветер,
И, хрусталами тонкими горя,
Он, как корабль, рванулся б на рассвете,
С размаху обрывая якоря.

И в океан. И только ночь в рассеве
Горячих звезд. В кипенье белых пеп.
Волна к волне. И с югом смешан север.
И ни тревоги нету, ни измен.

И только песня на седом просторе.
И только ветер. На таком ветру
Я все земное позабуду горе
И от последней радости умру.

И нет конца. И далеко развязка.
Суровое величие твое
Забуть нельзя. Заснуть нельзя! И сказка
В тревожное приходит бытие.

Каналов голубые рукава
 И легкий холодок из подворотен.
 Прозрачная и теплая Нева.
 Деревья тихи. Свежий воздух плотен.

О, час рассвета! Самый ясный час.
 Наверно, он и нам на помощь выслан.
 Наверно, он и проясняет нас
 И наполняет простотой и смыслом.

Нет, незачем вину искать в вине!
 Нас встреча и разлука укачала.
 Мы шли, как стебли, в желтой глубине,
 По набережной Крюкова канала.

Ленивая пятнистая вода
 Текла под нависающие своды.
 Неистово кричали поезда,
 И весело трубили пароходы.

Будь трижды проклят этот день.
 Он на судьбе моей как тень.

Будь трижды проклят этот час,
 Когда судьба столкнула нас.

Пусть сила ветра и воды
 Навек сотрут твои следы.

Пусть время вырвет до корней
 Тебя из памяти моей.

Но, сердце, что с тобой? Постой!
 Все это только звук пустой.

Все это ложь! Случайный бред.
 Елена? Видишь синий свет?

В росе луга, и в звездах высь.
 Хоть смутным словом отзовись.

Я век назад сошел с ума.
 Ты знаешь обо всем сама.

Покуда снег не выпадет. Покуда
 Деревья листья на рассвете жгут,
 Я жду тебя, как ждут суда, как чуда,
 Как смерти и помилованья ждут.

Белые хлопья и черные копыа оград.
 В сумерки канула. В синих огнях отмелькала
 Первая встреча. Обратю. Назад. Наугад.
 Тихо бреду вдоль пушистых решеток канала.

Вот этот сад. Он чугунной оградой пленен.
 Глупая память тебя еще держит на свете.
 Мир, словно камень, бесстрастен сегодня.
 Сквозь сон
 Свет догорающий призрачный след не осветит.

Что ты сберег от дорог, от тревог? И к чему
 Ищешь и ждешь, словно первого взгляда вначале?
 Все отошло. Потонуло в далеком дыму.
 Ветер золу разметал на последнем привале.

Что за привычка сквозь сумрак брести наугад,
 Плечи сутуля под этою вечною ношей.
 Белые хлопья и черные копыа оград.
 Где ты, Елена? Дороги покрыты порошей.

По горизонту черные туманы.
 Земля в золе, и в пепле города.
 Мы из мальчишек вышли в ветераны
 И сами не заметили когда.

Азарт горяч. И голос ветра громок.
 Не жизнь — бивак. Но я ее люблю.
 Тебя правоченьями, потомок,
 Я, упаси господь, не оскорблю.

Ты сам поймешь. Ты не посмотришь косо
 На жизнь мою, на угловатый стих.

Я не картину — черновой набросок
Тебе оставил о делах своих.

Уж слишком несбужденным и быстрым
Был наш тяжелый, раскаленный век.
Размашисто, безжалостно, как выстрел,
Горел и рассыпался человек.

О, как мы жили! Горько и жестоко!
Ты глубже вникни в страсти наших дней.
Тебе, мой друг, наверно, издалека
Все будет по-особому видней.

Мы лишь костями выстлали дорогу,
А сами не добрались до вершин.
Но ты клянись торжественно и строго
Все довершить, что я не довершил.

Припомни о распластанных солдатах
На переправах, на разбитом льду.
И сделай жизнь, которой в медсанбатах
Они в последнем грезили бреду.

Их подвиг был упрям и необыден.
И молчалив. И не пошел им впрок.
Так пусть тебе и будет не обиден
Их зависти заслуженный упрек.

Истории трагедия и драма
Без слова роли раздавала нам.
Спектакль окончен. Слишком много хлама,
Валяясь, догнивает по углам.

И нам, конечно, этот вид не сладок
Просторных стен, заложенных в дыму.
Мы не успели навести порядок
В построенном для будущих дому.

Ты двадцать раз разрушишь это зданье
И сорок раз перечеркнешь чертеж.
Но все-таки уменьем и стараньем
Все до конца, как надо, доведешь.

Так я хочу! Чтоб голубые своды
До звезд воздвиг. Чтобы душою вник

Ты в мировые таинства природы,
В ее неумирающий язык.

Чтоб лето в росах пахло земляникой,
Цвела земля лазоревым огнем,
Чтоб этот мир был хоть немного диким,
Чтоб можно было заплутаться в нем.

Чтоб мир земной во всем многообразье
Перед тобой раскрылся до конца.
Чтоб нам в огне увидевшийся праздник
Не отходил от твоего крыльца.

Чтоб ты был смел и храбр.

И телом крепок.

Со всеми прям и ненавидел ложь.
Чтоб ты своим характером на слепок
Моих друзей был чуточку похож.

Чтоб ты прошел, со всем на свете споря,
Уверенною, твердою стопой.
А нам навек по горло хватит горя
И радости нечаянно скупой.

27

За прошлым днем вдогонку ветер послан.
Четвертый день бесчинствует пурга.
Меня вплотную обступили сосны,
Мохнатые февральские снега.

Четвертый день поземка землю шарит
Воронками косматой кутерьмы.
И вдруг всего тебя, как спирт, ошпарит
Воспоминанье, вставшее из тьмы.

Протяжный звук охотничьего рога
Сигнал тревоги запоет в трубе.
И снова позабытая дорога,
Страхнув сугробы, кинется к тебе.

Из сумрака, движенье соразмерив,
Она в дверной бросается пролет.
И муза настезь раскрывает двери,
И за окном метелица поет.

Стареют ясные слова
От комнатного климата.
А я люблю, когда трава
Дождем весенним вымыта.

А я люблю хрустящий наст,
Когда он лыжей взрежется,
Когда всего тебя обдаст
Невыдуманной свежестью.

А я люблю, как милых рук,
Ветров прикосновение,
Когда войдет тоска разлук
Огнем в стихотворение.

А я люблю, когда пути
Курятся в снежной замети.
А я один люблю брести
По темным тропам памяти

За тем, что выдумать не мог,
О чем душа не грезила.
И если есть на свете бог,
Так это ты — Поэзия.

1946

И. Т.

В моей беспокойной и трудной судьбе
Останешься ты навсегда.
Меня поезда привозили к тебе,
И я полюбил поезда.

Петляли дороги, и ветер трубил
В разливе сигнальных огней.
Я милую землю навек полюбил
За то, что ты ходишь по ней.

Была ты со мной в непроглядном дыму,
Надежда моя и броня,
Я, может, себя полюбил потому,
Что ты полюбила меня.

1947.

Тебя не ждет
Оконченное дело.
Одним воспоминаньем жить нельзя.
А новый день трубит нам миром смело,
Большой зарей по корпусам скользя.
Он праздничен.
Он грозен и обыден,
Со всех концов земного шара виден.

Вглядись в него.
Входи, как в водоем,
Вчитайся в ненаписанную книгу.
Мы незаметно душу выдаем
Вот этому
Струящемуся мигу.
Лови его.
Бери на карандаш.
Влюбись в него
И не тай обиду,
Не то, запомни,
Прошлое отдашь —
И будущее скроется из виду.

1947.

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

Поэма

1

Ижора. Колпинский завод.
Передний край. Война.
И снова воеет и ревет
Смертельная волна.
Чугунный хлам. Железный лом.
В полкорпуса — обвал.
Стоит стена. В стене пролом.
Снаряд поджег подвал.
Огонь бежит на желоба —
В цистернах хлещет течь.
Разрыв! И падает труба
В мартеновскую печь.
Земля оглохла от пальбы,
И, небо заслоня,
Встают тяжелые столбы
Железа и огня.
Осколки, цементом пыля,
Звенят у черных плит.
Кипит вода. Горит земля,
А человек стоит!

2

Стоит у входа часовой,
А в блиндаже темно.
Одна луна глядит совой
Сквозь мерзлое окно.
Течет песок через накат.
Седой мороз скрипит.
Четвертый день подряд
Комбат
Майор Петров не спит.
Отбил двенадцать раз подряд
Атаки батальон.
Ракеты синие горят,
Как звезды, с трех сторон.

Патронов нет. И хлеба нет.
И писем нет давно.
Прошитый пулями рассвет
Опять стучит в окно.
Опять от Пушкина, от гор
До этих пустырей,
Беспрекословный разговор
Тяжелых батарей.
Поземка роется в золе,
В развалинах свистит.
Все перетерто на земле.
А человек стоит!

3

Стоит в резерве батальон
У Пулковских высот.
Горячий ветер под уклон
Летучий прах несет.
И вот на доты и бугры,
Как полая река,
Пошли от Пулковской горы
Войска Симоняка.
Тяжелым грохотом гранат
Разорван мутный день.
Ведет майор Петров солдат
Обходом на Кипень.
Скрипит мороз. Трещит мороз.
Морозен скрип подков.
Растягивается обоз
От Пулкова на Псков.
Дороги развезла весна
И обновила свет.
И вновь ни отдыха, ни сна,
Ни передышки нет.
Опять приказ. Растет напор.
Есть только путь — вперед.
И задыхается мотор,
А человек идет!

4

Идет гвардейский батальон
Среди чужих равнин.

И ветер стелется вдогон
С Варшавы на Берлин.
Развертывайся! Поспевай!
Заботы полон рот.
Через мосты. Через Дунай
И через Одер вброд.
В дыму, в пыли, в разрывах мин,
От копоты свинцов,
Четвертый день горит Берлин,
Чадит со всех концов.
Горит над самой головой
Закат, в крови багров.
Последний день. Последний бой.
И падает Петров.
И обволакивает тишь,
И жадный взгляд горяч.
Зачем колдуешь и молчишь
Над ним, военный врач?
Скажи, быть может, он навек
Земной окончил пир?
Но оживает человек
И оживляет мир!

5

Мир снова в солнечной пыли
Прекрасен и здоров.
Впервые бросил костыли
Свой прораб Петров.
Чугунный хлам. Железный лом.
В полкорпуса — обвал.
Заделан заново пролом,
И вычищен подвал.
Труба грозитя небесам,
В дыму седом до плеч.
И лезут люди по лесам
В маргеновскую печь.
И снова полон рот забот
От этих перемен,
И, как гвардейский миномет,
Сверкает автоген.
От переплетов бродит тень
По каменной стене.

Встает из праха новый день
В железе и огне.
Клокочет, плавится, поет
Тяжелая руда.
Ижора. Колпинский завод.
Передний край труда.

1947.

Шумит апрель. От середины
Широко хлынувшей реки
Проходят ладожские льдины,
Раскалываясь о быки.

Опять — в который раз, в который —
Слежу задумчиво один
И свежий ветер, и заторы,
Мельканье волн, кружение льдин,

И шапки пены у пролетов,
И опрокинутый в Неве,
След реактивных самолетов
Лебязьим пухом в синеве.

Здесь жили мы. Живем, и любим,
И не хотим судьбы иной —
Всей глубиной душевной глуби,
Всей сердца светлой глубиной.

Здесь все: и первая отрада
Признаний первых и тревог,
И кровью смытая блокада,
И зарева даль дорог.

То чувство милого простора,
Что нет дороже и родней, —
Земля, открытая для взора,
И солнце ясное над ней.

И в искрах солнечного света
Мельканье льдин переплелось.
Как жизнь сама, у паранета
Проходит с девушкой матрос.

Какое легкое движенье
Ресниц, понятное ему!
А в городе весна в броженье,
В тумане легком и в дыму.

Она всех снов не рассказала.
А над весеннею Невой
У стен Финляндского вокзала
Ильич — на башне броневой.

И в старом Летнем липы пахнут,
В волне дробятся облака.
И мир для радости распахнут
Его рукой с броневика.

НА ПОВЕРКЕ

Военную русскую славу
Сегодня хранит тишина.
Но снова: «Равненье направо!» —
Команду дает старшина.

И снова: повзводно, поротно
И побатальонно замолк
Квадратами сомкнутый плотно
Под знаменем гвардии полк.

Заката багровое пламя
Играет на лицах бойцов.
Опять под гвардейское знамя
Димитрий встает Молодцов.

И снова качаются сосны.
Металл, свирепея, поет.
Тяжелый, навесный, несносный,
Тридцатый бушует налет.

И вновь огрызаются дзоты
На гребне разрытой гряды.
Застыли гвардейской пехоты
В снегу опаленном ряды.

Пошли в контратаку. И новый
Огонь перекрестный с концов.
На бруствере правофланговый
Поднялся тогда Молодцов.

Он ринулся ярый и хмурый,
Как птица, рванулся в полет.
Он кинулся на амбразуру
И грудью накрыл пулемет.

...Что ж, больше его не подкосит,
Не срежет поток огневой.
Но имя его произносит
Сегодня другой рядовой.

Он прямо стоит перед строем,
Погоном касаясь дrevка.
Равняется по героям
Грядущая слава полка.

Отечество славное строя,
Сыны заменяют отцов.
Бессмертную славу героя
Хранит рядовой Молодцов.

Ракета сигнальная меркнет,
По синему небу скользя.
Опять на вечерней поверке
Сошлись боевые друзья.

Герои бывалых походов,
И каждый из них знаменит.
...Покой и свободу народов
Солдатское братство хранит.

СТИХИ О ПРОРЫВЕ

Ракеты стремительный росчерк
На миг осветил берега.
И копот у Марьиной рощи
Покрыла седые снега.

Сто залпов!
Сто тысяч орудий!
И вновь за налетом налет.
Снаряд за снарядом нагрудил
Зелеными глыбами лед.

Поет огневая стихия.
Минута к минуте.
Пора!
И словно не мы,
А Россия
До звезд раскатила «ура!».

Ура!
И, подобно обвалу,
Упавшему на берега,
На смерть
И бессмертную славу
Пехота пошла на врага.

Да где там пошла —
Полетела!
С обрыва скатилась на лед.
Душа вылетала из тела,
А тело
Летело вперед.

Мне каждый здесь друг
И товарищ,
На веки веков побратим.

Такого не сломишь,
Не свалишь.
Он грозен и неотвратим.

Дана ему в жизни награда
Превыше высоких наград:
Живая душа
Ленинграда
И сила твоя, Ленинград.

Пускай мы с тобой по неделям
Не ели
И мерзли живьем.
Мы счастье и горе не делим —
Сейчас мы грядущим живем.

И немцев
В окопах
 с налета
Стальные срезают стрижи.
Метет в рукопашной пехота
Гранатным огнем блиндажи.

Застрял под лопаткой осколок,
Царапнула пуля висок,
Еще за последний поселок
В последний готовься бросок.

И я не запомнил,
Не знаю,
Как после громов, неслышна,
Прошла по переднему краю
Усталой сестрой тишина.

И первой победы отрада
Сияла на лицах бойцов.
Мы поняли:
 у Ленинграда
Разорвано нами кольцо.

Что больше не будет, не будет
Железной стены баррикад,
В торжественном, праздничном гуде
В тот день потонул Ленинград.

Был берег разрыт и развален —
Здесь корпус провел Симоняк.
И снова над пеплом развалин
Шумит низкорослый сосняк.

Воронки от артподготовки.
Глубины спокойных небес.
И снова у Невской Дубровки
Бесшумно работает ГЭС.

Сегодня орудья обрушат
На город налет огневой.
Живые и мертвые души
Услышат салют над Невой.

Раздвинется небо над нами
В горячем кипенье ракет.
На верность гвардейское знамя
Армейский целует поэт.

Поныне на полях Европы
На пещле вздыбленной земли
Еще воронки и окопы
Не все травой позаросли.

Седые матери в тревоге,
В печальной участи своей
Оплакать не успели многих
Своих погибших сыновей.

Еще вчерашний день дымится
Тяжелым заревом в крови
И не успели объясниться
Живые юноши в любви.

Еще мне снятся ночью звездной
Мои погибшие друзья.
...Жалеть уже о павших поздно,
Но забывать о них нельзя.

На страже счастья и свободы
Во имя самых светлых прав —
Миролюбивые народы
Демократических держав.

Стоим упорно и упрямо
И не свернем вовек назад.
Я говорю об этом прямо,
Как гражданин и как солдат,

Который просто, без бумаги,
Без государственных чернил,
Штыком граненым на рейхстаге
Мир в мире подписью скрепил.

АГРОНОМ

Опять перелетные птицы
Вернулись в село Домовицы.

Светило еще не простерло
В тумане косые лучи.
Малиновки пробуют горло,
Галдеж поднимают грачи.
Ручьи, выбиваясь из снега,
Дорогу штурмуют с разбега.
В чащобе, ни свет ни заря, —
Тревожная песнь глухаря.
Сорока на прясле стрекочет,
И хлопает крыльями кочет
И, вытянув медный кадык,
Пускает торжественный крик.
И следом пошло —
Загалдели,
Трубят, соревнуясь, кругом.

Ворочался в жесткой постели
Всю ночь напролет агроном.
То ль ветром его прознобило,
То ль ночь непогожей была,
То ль рана немецкая ныла,
То ль просто забота брала.
Тумана седые волокна
Окутали светлые окна.
Он встал,
Разминая бока,
Он выпил стакан молока.
Костями хрустя, потянулся,
Присел на высокий порог.
В телячьи бахилы обулся —
Пуд с четвертью каждый сапог.
Он вышел.
Истомой и прелью

Пахнуло в лицо у крыльца.
Малиновки тонкой свирелью,
Калиновой дудкой скворца
Был воздух пропит.

У овина
Он стал.
Оживали поля.
Дымилась размытая глина,
Отрадой дышала земля.

Он брал ее в руки.
Он гладил
Корней набухающих пряди, —
Так матери гладят детей.

А сколько здесь было тревоги:
Снега задержались в дороге,
Морозы — не сыщешь лютей.
Земля коченела.
Метели
В конце февраля прилетели.
Да что там —
Все люди колхоза
Спасали ее от мороза.
И вот посмотри:
По ополью,
В награду за эти труды,
Гуляет сейчас водополье
Наплывами талой воды,
Мохнатым туманом клубится,
День будет на славу, —
Хорош!

Встает молодая пшеница.
Настойчиво тянется рожь.

Светила лучи огневые
Скользнули над бурым бугром.
И дальше, в поля яровые,
Готовые к вспашке,
Парные,
Неспешно идет агроном.

Идет:
За участком участок.
Идет:
К полосе полоса.
Здесь клевер поднимется частый,
Здесь будет раздолье овса.
Идет он,
Настойчив, размерен,
Во всем его сметка видна.
Я, может, в себе не уверен —
Ему доверяю сполна.

Светило, весну приближая,
Вздывается в огненной мгле,
Упрямый творец урожая
Идет по весенней земле.
Читает мудреные знаки
Набухшей земли
По складам.
И тянутся травы и злаки
К его огрубевшим рукам.

На север веселые птицы
Летят над селом Домовицы.

**СТИХИ О ГЕНЕРАЛЕ
Н. П. СИМОНЯКЕ,
ГЕРОЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА**

Его уже нет. Вспоминаю
Осколками сбритый сосняк.
Идет по переднему краю
Седой генерал Симоняк.

Кустарник на бруствере тощий
Огнем пулеметным сметен.
Весь корпус под Марьиной рощей
К последнему штурму сведен.

Ракета взлетит спозаранку
Сигналом к началу атак.
Заходит в штабную землянку
Герой генерал Симоняк.

Он выслушал все донесенья,
От всех командиров подряд.
«Что ж! Немцам не будет спасенья!»
«Не будет!» — ему говорят.

Над Ладогой мало-помалу
Рассвет занимался сквозной.
Под утро вошел к генералу
Три ночи не спавший связной.

Застыл он, и дальше ни шагу,
Как будто провал впереди.
И тихо медаль «За отвагу»
Дрожит у него на груди.

«Ты что засыпаешь на месте,
Ногами к порогу прирос,
Какие там новые вести,
Выкладывай все, что принес».

«У вас, — и слеза у солдата, —
У вас, — и не скажешь никак, —
Погибли жена и ребята!..»
Крепись, генерал Симоняк!

Он, в грохоте яростных вспышек
Совсем позабыв тишину,
Два года не видел детишек,
Два года не видел жену.

Вчера еще «дуглас» с рассвета
За ними отправлен в полет.
Но, сбитый под Тихвином где-то,
В лесу догорел самолет.

Заря растекается слабо
На узком, на тусклом окне.
«Зови мне начальника штаба!
Начальника связи ко мне!»

И вот понесли телефоны
Суровое слово «пора!»,
На синие невские склоны
Обвалом скатилось «ура!».

Ракеты стремительный росчерк
На миг ослепил небеса.
Бушует за Марьиной рощей
Четвертые сутки гроза.

А берег с крутым поворотом
От черных воронок размяк.
Идет, проверяя по ротам
Бойцов, генерал Симоняк.

Идет в недоступную взгляду,
Прошитую пулями тьму.
«Прорубим, герои, блокаду?!»
«Пробьем!» — отвечают ему.

Железные собраны нервы,
И сказано слово «вперед!».
Он в бой посылает резервы,
Он танки пускает в обход.

И снова запели осколки,
В дыму потонул горизонт.
И с нашими в пятом поселке
Встречается Волховский фронт.

Горели костры на привале.
Недолог был этот привал.
С победой бойцы пировали.
С бойцами сидел генерал.

Следил он в кругу до рассвета
Попутчицы-песни полет.

А сбитый под Тихвином где-то
В лесу догорел самолет.

Потухли костры. На восходе,
Сурова, прекрасна, груба,
О новом далеком походе
Военная пела труба.

1947.

Конечно, не забавы ради,
Не ради отдыха в бою
Я заносил в свои тетради
Живую летопись твою.

Те дни неспешно время кроет
Своим забвением уже.
Но вот из слов встают герои
На том смертельном рубеже.

В тишайшем шорохе рассвета
Опять по-своему нова,
В судьбу солдата и поэта
Идет военная Нева.

Вокруг крутых воронок ивы
Да сосны низкие растут.
Друзья! Они остались живы
И вечно будут в сердце, тут,

Своей мечтой, улыбкой строгой,
Чей след в душе неповторим,
Моей судьбой, моей тревогой,
Высоким будущим твоим.

1947.

Зачем лукавить, — ты красива:
И взлет бровей, и тонкий нос,
И чуть подкрашенная грива
Густых каштановых волос.

И взгляд, исполненный тревоги,
И рук заученный полет,
И эта грудь, и эти ноги —
Любая линия поет.

Смотрю, дивлюсь, прикован взглядом,
Желаньем смутным унесен,
Но возникает где-то рядом
Наплывом, чистая, как сон,

Иная жизнь, иные вспышки
Иного, яркого огня.
...В деревню Новые Тырышки
Судьба забросила меня.

Весна. Над Кулундинской степью
В тот год разбуженной земли
Тянулись треугольной цепью
На дальний север журавли.

Я поселился в обветшалой,
Но чисто прибранной избе,
У той солдатки, что, пожалуй,
Была ровесницей тебе.

Иной судьбы иное бремя
Нести ей надо до конца.
...Сурово прописало время
Черты открытого лица.

На лбу глубокие морщины,
И в черных косах седина.
Трех ребятишек, без мужчины,
Попробуй выпестуй одна.

На скотный двор, в бригаду, в поле —
Весь день в работе, целый день.
И одиночества, и боли
В глазах томительная тень.

В них ожидание и жажда
Той человеческой правоты,
Которой в жизни ищет каждый,
Но не всегда берет.

А ты

Сидишь, сама себе внимая.
Затянутая в тонкий реп,
Небрежно пальцами ломая
Солдаткой выращенный хлеб.

1947

Судьбою твоею и властью
Дышу я, живу и горю.
«Любимая родина, здравствуй», —
Всем сердцем тебе говорю.

И вот до родного порога
Полями родного села
Сквозь громкие годы дорога
Обратно меня привела.

И мне одинаково милы
Раздолье твое и краса,
Друзей невозвратных могилы
И новых друзей голоса.

Все было: любовь и тревоги.
Во имя сыновней любви,
Опять на пути, на дороги,
Как мать, меня благослови.

Я знаю: под солнцем высоким,
Покуда хватает огня,
Не быть мне нигде одиноким:
Ты в сердце всегда у меня.

1947

РОДНИК

Шумят ак-манайские¹ вязаы,
Камням и корням лозняка
Плетет потихоньку рассказы
Живая струя родника.

Меж листьев от солнца обронен
На дно родника золотой.
Здесь, кажется, был похоронен
Когда-то какой-то святой.

Давно меж людьми позабыто
Прозванье его и труды.
А сколько здесь было испито
Прозрачной холодной воды!

И сколько здесь было от веку
И скрылось людей вдалеке —
Не может сказать человеку
Родник на своем языке.

Я в тонком, прозрачном скольженье
Воды между мелких камней
Чужое искал отраженье,
Свое оставляя на ней.

Звенела над клевером пчелка,
От облака тень проплыла.
К воде подошла перепелка
И долго по капле пила.

Потом оглянулась с опаской
И скрылась в траве вырезной.
Я ждал, что появится сказка,
Пройдет по тропинке лесной.

¹ Ак-Манай — озеро в Башкирии.

Но сказка не вышла. А вышел,
Кусты раздвигая, плечист,
Седого ольшаника выше,
Чумазый, как черт, тракторист.

До пояса голое тело
Загаром цвело горячо.
Полдневное солнце присело,
Как беркут, к нему на плечо.

Он пил, умывался.
Был вкраплен
В струю ледяную на дне.
И плавилась крупные капли
На смуглой широкой спине.

Травинкой любой узнаваем,
Довольный своею судьбой,
Ушел он, веселый хозяин,
И сказку увел за собой.

МЕД

Над светлой водой Ак-Маная,
Над самой тишайшей водой,
Туман в камышах подминая,
Рассвет занялся молодой.

Туда меня ласточки манят,
Крылами звеня на лету.
Мне душу пьянят и дурманят
Июньские липы в цвету.

Предутренный воздух настоян,
Замешан на терпком меду.
И мир этот, тих и просторен,
Застыл у меня на виду.

Пропитанный липовым цветом
В спокойном гудении пчел...
Но только об этом, об этом
Я в книгах еще не прочел.

Я видел тишайшие воды,
Сиянье степного огня.
Разведчики и полеводы
К столу приглашали меня.

Я помню, как девушка пела,
И песня была хороша.
От меда и песни хмелела
На этом просторе душа.

О, если бы мне от народа,
Как светлой любви благодать,
По капле янтарного меда
В застольную песню собрать!

ТАБУН

Орел, острокрылая гордая птица,
Садится на черный валун.
Тревожно заржала в степи кобылица,
Тревожно ответил табун.

Полдневная степь изнывает в дрожанье,
И тают, как мед, облака.
И снова доносится топот и ржанье
Летящего вскачь вожака.

«По коням! По коням!» И глухнет атака
В огне и крови пополам;
И черные ноздри, и хвост аргамака...
Летим по немецким тылам.

И снова поют под Полтавою трубы.
И тонут в раскатах огня
И рыжая грива, и белые зубы,
И милая морда коня.

Ну что же, припомним, скакун легконогий,
Костров полевых времена.
Еще не окончены наши дороги,
И рано бросать стремяна.

1948

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК

А. Прокофьеву

Отпели моторы,
Ночные потухли костры.
Прошли разминеры
По берегу звонкой Сестры.

Опять хорошея,
Подбитая встала сосна.
На весь перешеек
Цветы разбросала весна.

Под светлой зарницей
Дымится на травах роса,
Цветет медуницей
«Нейтральной» земли полоса.

Кукует кукушка
В высокой сосновой гряде.
Лесная опушка
Подходит к прозрачной воде.

Сбегает к обрыву,
Глядит на себя с вышины,
Зеленую гриву
Роня на дно тишины.

1948

«СЧИТАЙТЕ МЕНЯ КОММУНИСТОМ!»

Январский мороз разгорался лютей.
Стекались бессчетные толпы людей.
Всю ночь до рассвета, тревожно-остры,
На площади Красной горели костры.
Над ленинским гробом под медленный гул
Рабочий с винтовкой вставал в караул.
И твердо стоял. И летели к нему
Слова, согревавшие колкую тьму:
«Считайте

меня
коммунистом!»

В неравном бою у Валдайских высот,
Смертельно подбитый, дымил самолет.
Под ним каруселью крутилась земля.
Вцепился в штурвал командир корабля.
Машину, подвластную крепкой руке,
Он бросил на танки фашистов в пику.
В дыму задыхаясь, кричал командир
В оглохший от гулких разрывов эфир:
«Считайте

меня
коммунистом!»

Хозяин земли, трудовой человек —
Французский горняк, героический грек,
И негр из Техаса, и рурский шахтер,
За правду смертельный ведущие спор,
Все чаще и чаще врагам говорят —
Слова эти громче разрывов гремят,
Сквозь дробь пулеметов и пенье свинца,
К великой борьбе окрыляя сердца:
«Считайте

меня
коммунистом!»

Мне в жизни даны золотые права
На самые светлые в мире слова.
Я песней обязан народу служить!
Веселые песни о счастье сложить!
Я лучшие чувства словам передам,
Чтоб птицей летели слова по рядам,
Чтоб в сердце входила, чиста и строга,
На радость друзей, боевая строка,

Чтоб честные люди на светлой земле
Считали

меня

коммунистом!

1949

Черемуха в окна. И ветер.
И свежее солнце в стекло.
И зайчики на парашете.
И яхты тугое крыло.

И зелени яркие перья.
Я утреннюю росу
С веселых и тонких деревьев
В ладонях тебе принесу.

Мы с бурей поспорить умели.
О нашей судьбе, о любви
Всю ночь рокотали и пели
И снова поют соловьи.

Проснись, моя радость. Недаром
В нас чистое пламя горит.
Загаром, загаром, загаром
Нас щедрое солнце дарит.

Деревьев зеленые пущи.
И море в лазоревой мгле.
Пройдем по росе по цветущей,
По всей соловьиной земле.

1949

ГОРЫ

В сверканье льдов заоблачные горы
Стоят, как вековечные дозоры.

По каменным ущельям и карнизам
Скользят туманы в оперенье сизом.

Но устают и эти горы даже
Стоять века у вечности на страже.

И до земли медлительное время
Склоняет гор серебряное темя.

Они ложатся головой к востоку,
К морской волне, к веселому истоку,

Чтоб отдохнуть на малое мгновенье
Под гулких волн торжественное пенье.

Я человек, поэтому мне впору
Взобратся на заоблачную гору.

Я не стоял. Карабкался по скалам.
Я прорывал ущелья аммоналом.

Я не устал. Но мне необходимо,
Чтоб ты, любовь, не проходила мимо.

Дай мне склониться головой на грудь.
Но не забыться, слышишь, не заснуть.

Позволь мне только на одно мгновенье
Услышать сердца трепетное пенье,

А завтра мы взойдем на перевал,
Где и орел ни разу не бывал.

1950

НА ПЛОЩАДИ ПАВШИХ БОРЦОВ

К могильному камню в железной ограде
На площади Павших борцов в Сталинграде

Приходят однажды в году на рассвете
Из детских домов приумолкшие дети.

Цветы полевые к могилам приносят
И клятву над прахом отцов произносят.

Мерцает надгробья гранитного глянец...
Здесь русский схоронен, узбек и испанец.

Испанское небо чистейшей лазури
Тебе не приснится, Рубен Ибаррури.

Равняясь направо, вполоборота,
Не встанет твоя пулеметная рота.

Печально к могиле твоей на рассвете
Подходят самой Революции дети.

Они не бывали в горах Гвадаррамы,
Но знают, что братья испанцы упрямы;

Воспрянет Испания, счастья добьется,
И огненный стяг над Мадридом взвоется.

1951

ТАК ДОБЫВАЕТСЯ ВЛАГА

Ни ястреба. Ни суслика. Жара.
Ни облака. И воздух словно вата,
Песка и глины красная гора,
Которую нагрудил экскаватор.

А пыль такая, что не продохнуть.
Она, как порох, разъедает тело,
Она, как войлок, обложила грудь,
Она свинцом на легкие осела.

Здесь дикий мир меняется навек,
И впрямь позабывается усталость,
Когда в мечту поверил человек
И человеком овладела ярость.

Гуляет «астраханец»¹, но вперед
Летит, летит шофер, воображая,
Как здесь заколосится через год
Зеленая долина урожая,

Как радуга опустится к реке,
Как яблони сбегут по крутояру
И соловьи засвищут в лозняке,
А суслики подвинутся в Сахару.

Все будет так: и солнце, и роса,
Сады в цвету и горлинки в сирени.
...Клубится пыли красной полоса.
Жарынь-жара. Ни облака. Ни тени.

Портальный кран качается во мгле.
Грохочет скрепер. Громыкает драга.
...Так чудеса творятся на земле.
Такой ценой нам достается влага.
1950

¹ «Астраханец» — суховей.

ГРОЗА НАД КУРОМОЧЕМ¹

Сейчас волна песок намылит,
По листьям оторопь пройдет,
Косая молния навывлет
Седое облако пробьет.

Вода густа, и воздух душеч.
Огни мигают над волной.
И сразу изо всех отдушин
Ударил ливень проливной.

Земле и небу стало жарко.
Змеились молнии петлей,
Как будто шла электросварка
Меж синей тучей и землей.

В тот миг далеко мыслью рея,
Я видел не Царев курган,
А обожженную Корею,
В дыму и пламени Пхеньян.

Изрытый берег цвета хаки,
Бегущий провод к блиндажу.
Я в ожидании атаки
За желтым бруствером лежу.

Сейчас в пороховом угаре
Прямой наводкою внахлест
Артиллерийский полк ударит,
Солдаты встанут в полный рост.

И командира голос звонкий
Хлестнет, как сабля, по врагу.
И от воронки до воронки
Лететь, стреляя на бегу.

¹ Куромоч — пристань под Куйбышевем.

Но вот зари румяной перья
Насквозь пронизывают ночь.
Перебираясь по деревьям,
Рассвет приходит в Куромоч.

И на левобережье птицы
Приветствуют умытый мир.
И, зарывая в воду плицы,
Идет на Ставрополь буксир.

Я, засыпая, вижу снова
Грозу в ночи, рассвет в росе.
Мне снится профиль часового
На пограничной полосе.

1951

ВОТ КИНЕШМА, ЗДЕСЬ РОДИНА МОЯ

Кинешма! Детство мое быстроногое,
Здесь ты прошло по откосам крутым.
Все оглядело и все перетрогало.
Было ли ты золотым? Золотым!

Вижу сегодня знакомые флаги я,
Берег высокий, зеленый простор.
И на площадке веселого лагеря
Снова горит пионерский костер.

Снова дорожка от берега лунная
Тихо бежит по упругой волне.
Песенка старая, песенка юная
Сердце чего-то встревожила мне.

Снова от пристани, с берега медного,
В тихий туман соловьиных ночей
Девушек с фабрики имени Бедного
Звезды ведут до Студеных Ключей.

Кинешма! Юность моя не окончена.
Здравствуй! Ты снова сегодня со мной.
Ветер, и Волга, и звезды. И нонче нам
Можно поспорить с высокой волной.

Разве забудешь, из памяти вынешь ли:
Каждый по-своему дорог и мил;
Добрые русые парни из Кинешмы,
Им не подняться из братских могил.

Вьюги отпели, и ветры отплакали,
И поседели невесты у них.
Разве забудешь, и хватит, однако ли,
Славе бессмертных — дерзанья живых!

Молодость, здесь ты росла, колебродила,
Радости ясной в сердцах не тая.
Родина! Милая, милая родина!
Сила, и слава, и совесть моя.

1952

ФОТОГРАФИЯ БАЗАРА В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ

Везде — на солнце и в тени —
Жара была в Ростове.
Лишь только воздуха втяни —
Замрешь на полуслове.

И сразу высунешь язык
И задохнешься жаром.
Но я сдаваться не привык —
Пошел гулять базаром.

Все, чем пожаловал июль,
Лежало здесь в порядке.
Картошки горы — куль на куль —
И солонины кадки.

Сыры сочились от жары
Прозрачную слезою.
И помидоры, как шары,
Краснели предо мною.

Казалось, только пальцем тронь —
Раскалены до точки —
И красный вылетит огонь
Из тонкой оболочки.

Морковь в узорах бахромы,
И яблоки — как маки.
Пятипудовые сомы,
По килограмму раки.

Ростовский вяленый рыбец
В своем жиру, как в масле.
И на полпуда огурец —
Не из крыловской басни,

А из колхоза «Новый мир» —
Упругий, хрусткий, сладкий.
Сметана, масло и кефир,
Сезрюга и стерлядки.

Капуста — к кочану кочан —
Какого хочешь сорта.
Нет! Я в музее не встречал
Такого натюрморта.

Была полдневная пора,
И солнце крыш касалось.
Не так-то уж страшна жара,
Как сразу показалось.

1952

ВО ВРЕМЯ НОЧНОГО ШТОРМА НА ЦИМЛЯНСКОМ МОРЕ

Цимлянское море — ребенок,
Но ветер прошел стороной,
И снова нагнало воронок
Крутой шестибалльной волной.

Она по бортам закипает,
Заводит впотьмах кутерьму
И белую пену кидает,
От носа несет на корму.

Смотрю, за брезентом покатым,
Как двое в ночной полутьме
В обнимку сидят на канатах,
Над самой волной на корме.

Сидят. Загляни, если хочешь,
Но зависть в себе побори.
Послушай: хохочут? Хохохот!
Целуются, черт побори!

Целуются. Отсветы молний
Буруны веселые мнут.
...А я почему-то припомнил
Седой полуостров Гангут.

Нет, память моя не слабее —
В сознание встает из глубин:
На нашей служил батарее
Разведчиком Витя Чухнин.

Парнишка с насмешливым глазом,
Он тоже стихи сочинял.
Он в милые очи ни разу
Любимую не целовал.

И не поцелует. Далеки
Раскаты военной грозы...
И тихо сползают на щеки
Соленые струйки слезы.

И ветер на палубе воеет,
И волны бушуют во тьме.
Играет штормяга. А двое
Целуются там, на корме.

Что ж! Парень в веселом ударе
Доверит ей жизнь и мечту:
Сегодня он море подарит,
А завтра — всю землю в цвету.

Все правильно! Честное слово,
Мы этого тоже хотим.
Цимлянской плотины подкова
На счастье вручается им.

1952

МЫ СНОВА ВОЗВРАЩАЕМСЯ В СТОЛИЦУ

В скупых огнях аэродром,
А ночь густая, синяя.
Не самолет стоял, а гром,
Посеребренный ищем.

Он отряхнулся от росы
И под ногами нашими
Пошел, пошел крылом косым
Огни Ростова скашивать.

Наверх взгляни и вниз взгляни,
Сквозь облаков проплешины,
И растеряешься: огни
Земли и неба смешаны.

А самолет летел, летел,
Соединив на практике
Огни бессонных наших дел
Со звездами Галактики.

1952

ДИОНЫ

СТАРЫЙ ФОРТ

Сбегают можжевельник под откос,
Колонны сосен лиловато-буры.
Бетонный форт малинником зарос,
Зеленый хмель вползает в амбразуры.

На рыжих скатах жухлая трава.
Свою усталость побороть не в силе,
Бетонный форт заснул, как голова
Из сказки о Руслане и Людмиле.

Присядем здесь и дождик переждем.
Вода журчит вдоль каменного среза.
В пробойнах ржавеет под дождем
Сплетенье арматурного железа.

Вся в клочьях красных перебитых жил
Торчит стена, осевшая, кривая.
Бетонный форт. Он честно послужил,
В суровый час отчизну прикрывая.

Гремел тротил. И едкий стался дым,
Волна огня металась, языкаста.
...Угрюмый ворон каркает над нпм
И улетает в сторону заката.

* * *

Свет звезды в воде струится,
ТаеТ вдалеке.
Милая моя спица,
Что тебе сегодня снится,
Как тебе сегодня спится
На моей руке?

Соп вдет тропю росной
По земле.

Дремлет клевер медоносный,
Ключ студеный, луг покосный,
Засыпают стоя сосны
На холме.

Море в пене в берег биться
Тоже подождет.
Спи. Не бойся, что синица
Море подождет.

* * *

Что письма? Хуже вымысла.
Один разлад души.
Ты обо всем, что вынесла,
Мне сердцем расскажи.

И я немало странствовал
Дорогою земной.
Но всей земли пространствами
Ты рядом шла со мной.

Я мог любой удар снести
И отразить любой.
Нет больше благодарности,
Чем встретиться с тобой.

НА БЕРЕГУ

Здесь чайки в белые буруны
Роняют крик.
И продолженьем волн уходят дюны
На материк.

И ты бежишь воде навстречу,
Во всем вольна.
И вновь тебе окатывает плечи
Ее волна.

Что хочешь делай. Чем угодно жалуй.
Хоть плачь, хоть пой.
Весь мир сейчас без горьких слез и жалоб
Перед тобой.

Он пред тобой, и для тебя назначен:
Бери, дари.
Он весь промыт, он светел и прозрачен,
Как янтари.

Он пред тобой, и радостный, и громкий,
Во весь простор.
...У горизонта на дрожащей кромке
Стоит линкор.

* * *

Кустарник. Горбатые дюны.
И синего моря кусок.
Как тихие медные струны,
Пшет под ногами песок.

Тень белого облака косо
Скользит по песчаной гряде.
Девчонка бежит по откосу
Навстречу веселой воде.

Туда, где в играющей пене
С бурунами небо свилось.
Ей солнце ласкает колени
И рыжую шапку волос.

И тонкие руки, и плечи,
И белые зубы, и грудь.
И мечет по ветру, и мечет
Морскую соленую ртуть.

Довольно! Мне некуда деться, —
Все чувства схлестнулись в одно.
Мне в юность свою заглядеться,
Как в синее море, дано.

Что ж, сердце, раскройся и крепни
Сиянием этого дня.
...А море работает, гребни
В белесые дюны гоня.

* * *

Томят жара. Под солнцем жгучим
Кипят барашков табуны.
Гроза выкатывает тучи,
Тяжелые, как валуны.

Скрипит под ветром корпус шхуны,
Пески дымятся и пуршат.
Пустеет пляж. Темнеют дюны.
На дачи модницы спешат.

Наедине с самим собою
Смотрю, как чертят виражи,
Грозу встречая над волною,
Над желтым берегом, стрижи.

То обгоняя ветер свежий,
То громко крикнув на лету,
Крылом, как бритвой, пену режут
И набирают высоту.

Взмывают от бугров бурунных
В простор заоблачных дорог.
Но где-то, выше туч чугунных
И выше всех моих тревог,

Покорный чутко воле дивной,
Поет, и воет, и ревет,
И рвет пространство реактивный,
В грозе и в буре, самолет.

* * *

Посмотри, как тихо позолоту
Август рассыпает на полях.
Аисты готовятся к отлету.
Ласточки сидят на проводах.

Созреванья легкая усталость
У самой природы — погляди.
Милая, нам многое досталось,
Многое осталось впереди.

Небо выше и просторы — шире.
Наше поле в скирдах золотых.
Самая большая радость в мире —
Это делать счастье для других.

От всего, что в этом мире скрыто,
Против нас готовится в тиши,
Самая надежная защита —
Ясное спокойствие души.

Я тебя за тыщу верст услышу,
Звонкой песней отзовусь в ответ.
Ласточки ворочаются под крышу,
Аистов придумает поэт.

* * *

Бывает так, что вдруг душа
Потянется к полузабытым встречам.
И я пошел назад. Я вспомнил
Глаза твои, и волосы, и руки,
И улицу, и занесенный сад,
И новогодний вечер в ресторане,
И музыку, и легкое вино,
Пожалуй, не вино, а опьяненье
От глаз твоих, от губ и от волос.

От памяти нам никуда не деться,
Как от того, что завтра предстоит.

Мы часто здесь ходили вечерами,
Сидели на заснеженной скамейке,
Под вой сирен в полуразбитом сквере
Так сладко целовались до утра.

Бывает так: я шел, совсем не зная,
Зачем иду, но я не мог иначе.
Так сердце билось трепетно, как будто
Я шел сейчас на первое свиданье,
Не замечая ничего вокруг.

Бывает так: сквозь сотни тысяч окон
Я только видел прошлыми глазами
Твое окно на третьем этаже.

Я не ослеп от ревности, когда мне
Две тени, промелькнувшие по стеклам,
Холодной сталью сердце обожгли.
Я не заплакал, не ослеп. Я понял,
Что просто в мире десять лет прошло.

Бывает так. И тихой грусти бремя
Мне было сладко уносить с собой.

Мне ничего не надо. Но, быть может,
Когда-нибудь среди друзей веселых
И у тебя вдруг захолонет сердце
И непонятной, беспричинной грустью
Наполнятся широкие глаза.
Наполнятся, застынут, но никто
Не будет знать причины этой грусти.

Об этом догадаюсь только я,
Хотя и буду от тебя далеко,
За десять лет и сорок перегонов,
За сто разлук от сердца твоего.

ЯНТАРЬ

Кусок промытый янтаря,
Веселый, как заря,
Вчерашний выбросил прибой
В подарок нам с тобой.

Прозрачный, как цветочный мед,
Он весь сквозит на свет.
Он к нам дошел, к другим дойдет
Сквозь сотни тысяч лет.

Он выплыл к нам с морского дна,
Где тоже жизнь цвела,
А в глубине его видна
Застывшая пчела.

И я сквозь тысячи годов
За ней готов в полет:
Узнать — с каких она цветов
Свой собирала мед.

Я жизнь люблю. Она рассказ
Развертывает свой.
И как мы счастливы сейчас,
Лишь знаем мы с тобой.

Теперь уже не наугад,
Наш опыт разберет —
И что такое в жизни яд
И что такое мед.

Любовь. Ее не взять годам
И силой не сломать.
Я сам, я сам ее раздам,
Чтобы опять, опять

Она на радость молодым
В прожилках янтара
Сквозь сотни лет пришла к другим,
Живым огнем горя.

1953

Я знаю женщину одну;
Она, мелькнув веселой тенью,
Не то чтобы пошла ко дну,
Скорей — пустилась по течению.

Ей скоро сорок. Ни детей,
Ни милого тепла, ни друга,
Заметно сердце гложет ей
Тоска угрюмого недуга.

Легко сказать: люби, спеши,
Будь каждой встрече благодарна.
Но золотой запас души
Раздарен глупо и бездарно.

И не прикроешься судьбой.
И солнце юности — закатно.
Волна отхлынула. Прибой
Не возвращается обратно.

1954

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Путь далек у нас с тобою,
Веселей, солдат, гляди!
Вьется знамя полковое,
Командиры впереди.

Солдаты, в путь, в путь, в путь!

А для тебя, родная,
Есть почта полевая.
Прощай! Труба зовет,
Солдаты — в поход!

Каждый воин, парень бравый,
Смотрит соколом в строю.
Породнились мы со славой,
Славу добыли в бою.

Солдаты, в путь, в путь, в путь!

А для тебя, родная,
Есть почта полевая.
Прощай! Труба зовет,
Солдаты — в поход!

Пусть враги запомнят это:
Не грозим, а говорим.
Мы прошли с тобой полсвета,
Если надо — повторим.

Солдаты, в путь, в путь, в путь!

А для тебя, родная,
Есть почта полевая.
Прощай! Труба зовет,
Солдаты — в поход!

1954

УЧИТЕЛЬ

Поэма

1

Не то чтоб в исполнение долга,
А ради памяти скорей
Недавно побыл я на Волге,
На месте юности своей.
Меня мечта неодолимо
В родной, заветный край влекла.
Стоял июнь.

Клубами дыма

Шли облака.

Светлей стекла

Волна катилась под колеса
И отбегала под откос.
Над синей-синей гладью плеса
Встал предо мной зеленый Плес.
А дальше — нигде не деться,
Так встреча новая остра, —
Пахнуло милым дымом детства
От пионерского костра.
В старинных придорожных кленах,
В сирени белой, как в снегу,
Играли в «синих» и «зеленых»
Мы здесь, на этом берегу.
Сюда тащили из селенья
Ведро картошки на привал.
И — «тот не знает наслажденья,
Кто той картошки не едал».
Потом бежали вперегонки
К реке купаться на плоты.
Где вы, мальчишки и девчонки,
Родные сверстники? И ты,
Русоволосая, с глазами
Как Волги тихая вода?
Зачем тогда мы не сказали
То, что не скажем никогда?..
А впрочем, может, так и нужно.
Врозь разошлись дороги в мир.

...Уже смеркается. Натужно
Гудит у бакена буксир.
Пастух отбой играет стаду
Над лугом в тонкую свирель.
И режет сонную прохладу
Надрывным криком коростель.
Тумана легкая завеса
Ложится тихо на волну.
И ночь выводит из-за леса
Навстречу облаку луну.
И песня, вспыхнув из тумана,
Над темным берегом, в ночи,
Под четкий выговор баяна
Плывет в Студеные Ключи.
Летит за Кинешму и Решму.
Ей робко вторит соловей.
Я снова здесь, я снова здешний,
В гостях у юности своей.
Я здесь. Мне никого не надо.
Мы будем с памятью одни.
Неизъяснимая отрада
В тишайшем воздухе.

Огни

Качают волны.
Звезды — в тучах.
В траве росистой — светляки.
Родной, таинственный, певучий
Мир детства.

Берегом реки
Среди кустов проходят двое
Вполуобнимку, не спеша.
И снова счастье молодое
Тебя томит, моя душа.

Он пиджаком укутал плечи
Своей подружке. И она
Заслушалась, молчит.

Лепечет

В песке ленивая волна.
Ночь коротка в разгаре лета,
Как сон, как музыка стихов.
Они пробродят до рассвета,
До первой песни петухов.

И тихо, тихо. Нежно, нежно
Мелькнет в ресницах огонек.
Она сорвет рукой небрежно,
Потом прикусит стебелек,
Потом оглянется сторожно,
Застынет и потупит взгляд.

На той же узенькой дорожке,
Где двадцать лет тому назад —
Навстречу сердцем сердцу, — разом,
Не закрывая ясных глаз,
Мы под густым зеленым вязом
Поцеловались в первый раз.

Они идут за холм покатый,
Где берег выгнул полукруг.
Нет, я не праздный соглядатай,
Я ваш товарищ, старший друг.
Да, мы не раз бывали в деле.
Ходили в жаркие бои,
Чтобы для вас сегодня пели
В прибрежных рощах соловьи.
Чтоб жизнь вовек была свободной,
Чтоб продолжалась без конца,
Чтоб никакою водородной
Не расщепить у нас сердца.
Так мы хотим!

И это будет.

Огонь упрямый не потух.
Гудок далекий утро будит,
Крылом о шпору бьет петух.
Луг развернулся перед взглядом,
Туман ползет по склону вниз.
И первый жаворонок рядом
Под белым облаком повис.
Роса. Порхающие блики.
В росе и в солнце свежий хмель.
И в колокольчик повилки
Садится неуклюжий шмель.
День красочен и многозвучен,
Идет, спешит, берет разбег
Под звон бидонов, всхлип уключин,
Под шум машин и скрип телег.
И открывается с откоса,

Сбегая к Волге под откос
Над спней-синей гладью плеса,
В густой росе зеленый Плес.

2

Я не привык сидеть на месте.
Жизнь без движения — пуста.
И новых тысячи известий
Сулят мне старые места.
Не потеряй случайно мига,
Перед тобою без прикрас
Знакомый путь.

Дорога — книга,
Второй прочитанная раз.
Она обвязывает сразу
Поля упругим кушаком.
Сияет солнце. Старый газик
Пылит прогретым большаком.
А в небе жаворонки звонче,
Как колокольчики вразброс.
Навоз свезен. Посев закончен,
И не начался сенокос.
Пора затишья, ожиданий,
Что будет урожай хорош.
Ячмень растет быстрее заданий,
И набирает колос рожь.
Овес шумит в обнимку с викой.
Густеет клевер вдоль дорог.
Пахнул смолой, и земляничкой,
И зноем влажный ветерск.
А дальше — бьет прибой пшеницы.
Над нею ястреб, как планёр.
И под навесом ладит плицы,
Готовясь к жатве, комбайнёр.
Хмель оплелся лозою дикой
Вокруг ольхового куста.
А ребяташки за черничкой
Пошли в заветные места.
Лес — в полумраке синеватом.
Тропинка прячется в траву.
И это тихим перекатом
Доносит дальше «ау!».
Летит, летит вперед машина,

И как бы замыкают круг:
Долина. Лес. Опять долина.
Поля. Пригорок. Речка. Луг.
И снова поле.

Я по свету
Немало в жизни колесил.
А вот роднее места нету,
Где рос, где набирался сил,
Где навсегда из малых капель
Возник родник, пустился в бег.
...И ты поймешь меня, читатель, —
Ты тоже русский человек,
Ты знаешь сам, — тебе знакомо
И неизменно никогда
В огромном мире чувство дома
И чувство родины.

Года
Прошли. Ты жил, работал,
В бою поблажки не просил.
Родную землю едким потом,
Солдатской кровью оросил.
Ты видел степи Украины,
Лиловый дым Альпийских гор,
Дуная светлые долины,
Амура медленный простор,
Тайгу Карелии и кручи
Камчатки в дымной полутьме.
Кавказ. Над ним, повитый тучей,
Казбек в серебряной чалме.
Весь этот мир, густой, звенящий,
Что из груди твоей исторг
Тот неподдельный, настоящий
Вздых удивленья и восторг.
Но перед совестью в ответе,
Ты свято в памяти берег
Один-единственный на свете,
Неповторимый уголок,
Под Обоянью или в Юже,
Знакомый с самых первых дней,
Других не лучше и не хуже,
Но чем-то все-таки родней.
Там за околицей дорожка.
Гумно. Сарай. Ладонь, Овин.
Изба с геранью на окошке,

Соседство кленов и рябин.
Там в палисад открыта рама.
За огородом — пруд и дол.
Там ты впервые крикнул: «Мама!», —
Вцепившись в материн подол.
А двадцать лет спустя под Истрой,
Огнем и злобой прокален,
Ты первый крикнул: «Коммунисты,
За мной!» — и поднял батальон.
Я песни юности напевной
Пронес в душе сквозь двадцать лет,
Свой дом родной, свою деревню,
Свой Широковский сельсовет.
И снова, ничего не пряча,
Встают знакомые места.
Все так же отражает Шача
Настил бревенчатый моста.
Все так же бор дремотой скован,
За ним поля и скотный двор.
А за пригорком — Вязовское...
«Постой! Притормози, шофер!
Я здесь сойду».

Парит горячий
Сквозящий воздух.

Уж давно
На крыльях ангелов маячит
Над папертью: «Заготзерно».
А поп — работает в конторе,
Но на дому, без стихаря,
Под пасху бабушке Федоре
Грехи прощает — втихаря.
Воркуют голуби на арке,
Стрижи шныряют в синеве.
И, как во времена Петрарки,
Коза — в кладбищенской траве.
Не знаю как, но на кладбище,
Над прахом наших матерей,
Мы сами делаемся чище
Душой и разумом добрей.
У самых честных дел во власти,
Мы научились понимать
Всей силой опыта и страсти
Тебя — святое слово мать.
Она всегда вставала рядом,

И сердце настезь отворил
В тот день, когда студент
Ульянов

Звал на борьбу. Он говорил,
И коридор дрожал от гула.
Потом... А что потом?

Вдова
Рукой купеческой махнула
На материнские права.
Холодный дождь по крышам капал,
Насквозь пронизывая тьму.
И получил студент этапом
Билет казенный в Кострому.
Потом в деревню.

У Прасковьи,
Солдатки, около реки,
Он поселился, и с любовью
Его встречали мужики.
За что? Да просто за участие
К судьбе крестьянина скупой.
Да, может быть, за веру в счастье,
Что шло окольной тропой.
А край приволжский был раздолец.
И, будоража тишь и сон,
С утра все сорок колоколен
Несли округой перезвон,
Он плыл над неоглядной ширью
И обволакивал престор.
Студенту ссыльному Сибирью
Грозил губернский прокурор
За то, что школу прошлым летом
Студент устроил на дому,
Но позабыл просить об этом
В нижайшей просьбе Кострому.
Презрев губернские порядки,
Вставало солнце каждый день,
И ребятишки в дом солдатки
Шли из окрестных деревень.
Но до студента

с алкоголем
И с богом связанный дьячок
Аз-буки-ведям и глаголям
Учил ребят за пяточок.
А тут конец пришел успеху.

Дьячок, не видя в том греха,
Пустил солдатке под застреху
Однажды ночью «петуха».
И дом сгорел!

Дьячка побили.

Золой покрылись угольки.
Потом судили да рядили
Весь день на сходке мужики.
И порешили.

...Ветер горький

Размел кирпичную пыльцу.
Стояла школа на пригорке,
В двенадцать окон по лицу,
На берегу студеной речки,
В лесу. И радовали взгляд
Конек на крыше, и крылечки,
И тонкой вязи палисад.
На совесть сделанная миром,
Одна — на весь обширный край.
При ней учителю — квартира,
А для его козы — сарай.
«Не бойся спать ложиться на ночь,
Никто твоих не тронет книг,
Учи детей, Алексей Иванович!» —
Сказал неграмотный печник.
И поклонился.

Год за годом

В самозабвенье и в труде
Он жил одной судьбой с народом,
Причастный к счастью и беде
Простых людей.

Без перемены

Особой время шло подряд.
И стало тесно. На две смены
Пришлось распределить ребят.
И та курсистка, что в подмогу
Прислала Кострома зимой,
Открылась сердцем понемногу
И доброй сделалась женой.
И вместе с ним ребят учила,
Хозяйство школьное вела
И так же ревностно делила
С ним все тревоги и дела.
И это счастье было светом,

Теплом и сердцу, и уму.
И шли крестьяне за советом,
За верной помощью к нему.
В случайной надобности даже
Поговорить, тоску избыть.
«Вот что Лексей Иваныч скажет,
Так, значит, так тому и быть».
Давь уважения по капле
Мы копим в сердце и храним.

Сам Горький звал его на Капри
И переписывался с ним.
О громком будущем не зная,
Хоть ростом мал, зато удал,
Мальчишкой комиссар Чапая
К нему нередко забегал.
А он спокойно делал дело.
Работы много. Жизнь — права.
Хотя о нем и не шумела,
Как о Шалапине, молва.
Ученики — они, как птицы,
Летели в жизнь. Ну что ж — спеши!
И каждый уносил частицу
Его внимательной души.
Когда же ветер бури вольной
Рванул в семнадцатом году
И слух о Ленине и Смольном
Добрался в город Середу,
Чистейшей свежестью продул он
России старой большака, —
Учитель с гордостью подумал:
«Там есть мои ученики».
Они действительно толково
Шли на великие дела.
...Мать в эту школу в Широково
Меня однажды привела.
И никогда, до смерти даже,
Мне этот день не позабыть.
«Вот что Лексей Иваныч скажет,
Так, значит, так тому и быть».
И он сказал:
«Учись по чести!»

...Готовил к Маю постановку
При сельской школе драмкружок.
Знал о спектакле каждый житель,
Никто подвоха не чинил.
Был режиссером сам учитель,
И он же пьесу сочинил.
И вот — народ вместился еле.
Просторный класс набит битком.
И лампы-молнии горели,
И плавал дым под потолком.
Роль деда дали мне в спектакле,
И от меня пошла беда.
Усы приклеены из пакли
И из мочалки борода.
В руке клюка. Картуз примятый.
В зипуне потрепанный одет,
Седой, горбатый, конопатый,
По всем статьям — типичный дед.
И вышел я на сцену. В зале
Смех надрывает голоса.
Я онемел. От страха замер.
Наверно, битых полчаса
Стою, как тумба, перед залом.
Мне слова молвить не дают.
Неописуемым провалом
Тогда окончился дебют.
А ларчик открывался просто:
Была нехватка у страны —
И мы носили не по росту
Весьма короткие штаны.
И вышел я типичным дедом,
При бороде и при усах,
Забыв, что в положении этом
Уже нельзя ходить в трусах.
Зато потом, друзья, не так ли,
Под каждый праздник каждый год
На наши школьные спектакли
Валом валил честной народ.
Со всей округи понемногу
Шла молодежь под вечер к нам,
И даже старые дорогу
Позабывали в божий храм.
Тогда родители нередко
Вставали нам наперерез.

В селе открылась семилетка.
Потом устроили ликбез.
Все это близко и далеко.
Все это юностью зовем.
Я бегал сам после уроков
В соседний хутор с букварем.
Как звонко пела гордость наша,
Когда внимательно в ответ
Писала «Ма-ша» тетя Маша,
А тете Маше сорок лет.
С каким великим напряженьем
Она старалась понимать,
Как по таблице умноженья
Пять на пять будет двадцать пять.
Затея эта словно праздник
Нам — семиклассникам — была.

Грозил учителю лабазник
Кулак Токун из-за угла.

Тридцатый год.

Раскинул сети

Густого инея мороз.
Заговорили в сельсовете
На первых сходках про колхоз.
У мужиков язык не вяжет —
В сомненье страхи велики:
«Вот что Лексей Иваныч скажет?»
И встал учитель:

«Мужики!

Давно я с вами в общей доле.
Всю жизнь свою я отдал ей.
Настало время. В нашей воле
Своя судьба, судьба детей.
И то, что в сердце мы носили.
Врозь не возьмешь — мощна тоща.
Что одному поднять не в силе,
То можно сделать сообща.
Я с вами вместе, жив покуда...»
Токун перекошил лицо,
Сквозь зубы процедил:

«Паскуда!

Постой!» — и вышел на крыльцо.
В тот вечер расходились поздно.

На воле не видать ни зги.
Протяжно в воздухе морозном
По снегу шастали шаги.
Поземка заметала в поле
И расстилала пелену.
Учитель запер двери в школе,
Укутал спящую жену
И сам прилег на край постели,
Свечу на столике задул.
Укрылся. Тени загустели,
Но сон не шел.

Протяжный гул,
Как гром грозы, ударил в ставню,
Метнулась молния во тьме.
...Мы нашу Марью Николавну
Похоронили на холме.
И ползал перед прокурором
На выездном суде Токун.
Там, где росла за косогором
Трава печальная, плакун,
Всем Широковским сельсоветом
Разбили над могилой сад.
Как он разросся! Каждым летом
Там соловьи зарю свистят.
Плоды тугие солнце греет,
Дождь промывает каждый лист.
В кустах акации белеет
Гранитной гранью обелиск.
И часто на скамье устало
Сидит, не поднимая век,
Облокотясь о спинку, старый,
Седой плечистый человек.
Учитель мой.

Родная школа,
Минуло двадцать с лишним лет!
Здесь мне в ячейке комсомола
Вручили маленький билет.
В большую жизнь широко двери
Мир перед нами отворил.
Стихи Некрасова с доверьем
Мне мой учитель подарил.
Я и на флоте,

и в пехоте
Хранил их в сумке полевой,

Лишь на картонном переплете
Остался росчерк пулевсй.

5

Где вы, девчонки и мальчишки,
Куда, каким ушли путем?
Случайно, редко, понаслышке
Мы друг о друге узнаем.
Но ощущение новой встречи
Живет у каждого светло.
Всей славной тяжестью на плечи
Нам время зрелости легло.
В нас чувство дружбы не потухло —
Горит по-прежнему в любом.

Учитель раскрывает пухлый,
Уже истрепанный альбом.
Средь пожелтевших фотографий
Я без ошибки узнаю
Людей открытых биографий,
Судьбу мою, семью мою,
Судьбу учителя и в деле
Его простых учеников,
Что за Чапаевым летели
В каленом посвисте клинков.
Я узнаю в задорных взглядах,
В вихрастых русых волосах
Тех, что служили в продотрядах,
Стояли в Смольном на часах.
Кто хлеб растил; ковал железо,
Шел к цели, смерти вопреки.
Кому в затылок из обреза
Стреляли ночью кулаки.
Кто был силен и волей крепок,
Кто в основной состав страны
Входил на фронте пятилеток
И на фронтах второй войны.
Кто честно шел на помощь другу
И за себя держал ответ.
Всех земляков и всю округу —
Весь Широковский сельсовет.
Ученики, они, как птицы,
Спешили в жизнь. Ну что ж, спешите.

И каждый уносил частицу
Его внимательной души.
За доброй памятью по следу
Летит мечта.

И, легкий пар,
Клубя, ведет свою беседу
Старинный тульский самовар.
Порхают зайчики по шкапу.
Тихонько тикают часы.
Кот на пороге моет лапу,
Мурлычет песенку в усы.
Хозяйственная над вареньем
Пчела проносится, юля.
Отягощенная цветеньем
Лежит за окнами земля.
Скрывается за лесом, тая,
Дорога в дымке пылевой.
Идем с учителем, мечтая,
Сквозь рожь тропинкой полевой,
Идем вдвоем. Учитель рядом
Блуждает взглядом по полям.
Я вижу в этом взгляде радость
С вечерней грустью пополам.
Идем. Я думаю о школе.
Ее птенцов не перечеть.
Вон Острецово видно в поле,
А в нем другая школа есть.
При ней учитель помоложе
Годами, это ничего,
Но чем-то все-таки похожий
В своей судьбе на моего.
А там, клубами дыма кроясь,
Густым хлебом наперерез,
У горизонта скорый поезд
Ныряет ящерицей в лес.
За ним бегут равниной мачты
Высоковольтных передач.
Кричат грачи в кустах. Хоть плачь ты,
Взлететь не может юный грач.
Вон перелесок. Там в порядке
Среди березок и осин
По ветру хлопают палатки
Тугим крылом из парусин.
Откинув голову задорно

И, как подсолнух, золотист,
В раструб серебряного горна
Отряду сбор трубит горнист.
Учитель рад ему сердечно.
Пусть, правда, годы не пустяк,
Он здесь. Он остается вечно
У вечной юности в гостях.
И вместе с солнышком улыбка
От глаз проходит по лицу,
А ветер рожь колышет зыбко,
Несет цветочную пыльцу.

1954

РОЗЫ ЛИДИЦЕ

* * *

Не позабуду утро Праги,
Рассветной дымкой залитой,
Над красной черепицей флаги
И шпиль, от солнца золотой.

А солнце в листья стрелы мечет,
Косой карниз бросает тень,
Над крышей ласточка щебечет,
И под окном цветет сирень.

И Влтава, обогнув в плотину,
В своем величии простом,
Заметная наполовину,
Течет под Карловым мостом.

И легкий ветер над волною,
В траве зеленой острова.
...Смежу глаза: передо мною
Адмиралтейство и Нева.

* * *

В парадной форме медный воин
Впечатан в бронзовый закат.
Но не таким ты шел на Эволен,
Советской Армии солдат.

Ты был, припоминая строго,
Гораздо проще и добрей,
В обмотках пыльных, как дорога,
В мохнатой шапке до бровей.

Бессонный взгляд горел моложе,
Граната — в грубом кулаке.
Горячий пот по медной коже,
И кровь по раненой руке.

С холма на холм, прибавив шагу,
В пути опередив приказ,
Таким ты и явился в Прагу
И улыбнулся в первый раз.

От всей души, светло и сладко,
Как будто горе не беда,
И лег в тени на плащ-палатку
В святой усталости труда.

* * *

Старые каштаны величавы,
И в тени глубокой от каштанов
На холме высоком Братиславы
Тихая святыня ветеранов.

По земле несли они свободу
И врагам пощады не давали,
Шли на помощь братскому народу
Через перевалы Данавали.

Горный камень превращая в осыпь,
Бушевало бешенство тротила,
Им всего, наверно, суток восемь
Жизни до победы не хватило.

И над каждой могилой маки,
И над каждой могилой туя,
Словно высшей преданности знаки,
Вырастают, жизни салютуя.

Долго вспоминая о недавнем,
О сынах и дочерях России,
Я стоял перед могильным камнем
Лейтенанта Доблестной Марии.

Маша, Маша, где твоя дорога,
Где твой путь военной славы начат?
По тебе у милого порога
До сих пор в России мама плачет.

Ты была для жениха — невестой,
А она тебя девчонкой помнит.

И тебе положенное место
На пиру... Мария, нелегко мне.

Круговую чувствуя поруку,
В нашей жизни, боевой и быстрой,
Ты и мне протягиваешь руку
В доблести простой и бескорыстной.

* * *

В тот вечер был закат бескровен
И даль затянута свинцом.
...Тяжелый крест из темных бревен,
Клюючка ржавая — венцом.

Их расстреляли на рассвете
При догорающих кострах.
...Вокруг костра играют дети,
Не зная, что такое страх.

Тот скорбный час для мира вечен
Примером мужества без слез.
...От девятнадцати наречий
Цветут семнадцать тысяч роз.

И новой Лидице деревья
Шумят, качаясь на весу,
Густой листвы тугие перья
Вбирают первую росу.

В цветных знаменах ветер свищет,
То их совет, то фразы лет.
Кого твой взгляд, Елена, ищет
И в вечной горести зовет?

Кто грусть твою, Елена, тронет?
Последней боли не тая,
Здесь муж твой где-то стонет, стонет
И плачет девочка твоя.

Кричит, кричит, кричит упрямо,
Ручонки тянет из огня.
И сердце слышит: «Мама, мама,
Кому ты отдаешь меня?!»

Кому? Не вымолишь отсрочку,
И крик теряется в веках.
...Другая мать другую дочку,
Как вечность, держит на руках.

И ради этой новой встречи,
И ради мужества без слез
От девятнадцати наречий
Цветут семнадцать тысяч роз.

* * *

В беседе с друзьями недолгой
Я в Лидице вспомнил опять
Курган обожженный над Волгой,
Где мне приходилось бывать.

Где, ветром осенним носимый,
Клубился удушливый прах,
Я вспомнил пожар Хиросимы,
Тяжелый Майданека страх.

Взгляд Фучика ясный и правый,
И нож гильотины косой.
...И след потянулся кровавый,
Прошел по земле полосой.

Он каждому в мире приметен,
Заросший травой в золе.
И хватит ли роз на планете,
Чтоб скрыть этот след на земле?!

Я знаю: мы, смертные люди,
У жизни не дважды в гостях.
И кто нашу дружбу осудит,
Возникшую здесь, на костях!

Рассвет занимается светел
Над этим великим путем.
...И Лидице каменный пепел
На сердце твоём и моём.

* * *

Конечно, это — непорядок,
Да и в признании малый прок,
Дипломатических обрядов
Я плохо выучил урок.

Неважно знаю это дело,
В чем извиненье приношу;
Кристина, слышите, несмело
Я вашу руку попрошу.

И задержусь губами дольше,
Чем позволяет ритуал,
Во имя вашей новой Польши,
Где я ни разу не бывал,

За то, что ненависть зажала
И подняла наверняка,
И в смертный миг не задрожала
Вот эта тонкая рука.

* * *

Н. Никитину

Шумели зеленые клены,
Был воздух над Влтавою светел,
Но только Алены, Алены
Я в Праге искал и не встретил.

Напрасно на башне Управы
Апостолы чинно ходили,
И кланялись влево и вправо,
И в колокол времени били,

Скрывались за древние дверцы
Всей дюжиной в полном параде.
И звон отзывался на сердце
Прощальным гудком в Ленинграде.

Мелькали перрона колонны.
В густой суете на вокзале
Мне темные очи Алены
О чем-то глубоком сказали.

Нет, я не ошибся! В них светом
Горело души беспокойство,
Но только, увы, за советом
Об этом не ходят в посольство.

Минутная движется стрелка,
Как грусть ожидания по строчкам,
И в колокол времени мелко
Апостолы бьют молоточком,

* * *

Так вот она, горная складка
В кустах на крутом перевале,
Где ты партизанила, Катка,
А после — орлы пировали.

Дорога петляет в крушине,
Над самой петлей поворота
С орлиным звездом на вершине —
Гнездо твоего пулемета.

Пытались к тебе подобраться
И — падали в пропасть отвесно.
...Нам любо с тобой любоваться
Отсюда долиною тесной,

Где аисты ходят по кругу,
Где щедрой рукой у опушки
Июнь рассыпает по дугу
Веселых ромашек веснушки.

Где струи волнистее дратвы
Звонят на краю водотока...
...Зеленые низкие Гагры,
И вечное солнце с Востока.

* * *

Проехал я мимо сселений
Дорогами ветра и грома,
В каштанах и синей сирени,
Долинами Нитры и Грона.

Клонились высокие травы;
Тянули зеленые руки —
Курчавые вязы Моравы.
И Слияча древние буки..

Смотрел я не ради забавы;
На добрую землю ступая,
С холма золотой Братиславы
На быстрые воды Дуная.

И в Лидице, скорбной и милой,
Где кронами клены качали,
Сажал я над братской могилой
Багровые розы печали.

И дружбы доверчивой сила,
Души раскрывая богатство,
Брала за рукав и просила
На праздник славянского братства.

И песня для дружбы старалась,
Была толмачом сливовица,
А между сердцами стиралась,
Совсем пропадая, граница.

* * *

Пронизанный светом и тенью,
Теперь у меня на столе
Шиповник второго цветенья
В граненом стоит хрустале,

Как Лидице яркие розы,
Нежнейшим соцветьем горя...
А ветер сдувает с березы
Хрустящий наряд сентября.

А ветер шумит по вселенной,
Сквозит в облаках синева,
И в берег кидается пенной
Волною седая Нева.

И снится мне пражское лето,
Где встретились наши пути.
Туда, моя песня привета,
Туда, мое сердце, лети.

1955

ПОБЕРЕЖЬЕ

* * *

Опять плечо горы-громады
Выносит медную луну.
Сухая ночь. Трещат цикады,
Густую точат тишину.

Опять в ночи на берег плоский
Лениво катится волна.
И свежий ветер бьется в доски,
В пролет открытого окна.

Душа свежа, и мир громаден.
И вечны суша и вода.
Раскатами чугунных ядер
Гудят прожитые года.

Идет соленых волн атака
У сонных гор в полукольце.
И конский запах бивуака
В полынном бродит чабреце.

Сухая ночь. Вода и воздух.
Дорожки лунной медный след.
Мир гор и волн морских громоздок,
И неожиданен рассвет.

Он по волне идет на сушу.
А жизнь открыта и вольна.
Опять обкатывает душу,
Как гальку, вечная волна.

* * *

Сегодня утро обещает
К полудню ливень и грозу
И ветер с моря нагоняет
Ультрамарин на бирюзу.

Волна к волне проносит гребни,
Они идут наискосок
И пену стряхивают в щелке
На мелкий камень и песок.

Их бег по мокрой гальке спешит,
Ускорен осыпью крутой,
Сухой долины воздух смешан
С морской, влажной духотой.

Над бухтой серым великаном
Стоит гора Сюрю-Кая,
И обвиваются туманом
Ее зубчатые края.

Туман ползет. Клубится в тучу
И закрывает острья.
И первой молнии на кручу
Летит жгучая струя.

* * *

Сквозь солнце — ливень. На дороге
Прибита каменная пыль.
Лиловые толых гор отроги.
Полынный воздух влажен. Штиль.

А мне все слышится смолистый
Тротила торький перегар.
...Морской десант идет на приступ
К Феодосийским берегам.

Сплошной огонь гудит по склону.
Над взморьем чайки не парят,
Пять суток держит оборону
Прижатый к берегу отряд.

Матрос последний к автомату
Последний вкладывает диск.
...Лишь время начертало дату
На безымянный обелиск.

Сорвал я мальвы с дикой мятой
И положил на желтый склон.

И взял себе на память смятый,
Покрытый окисью патрон.

* * *

Есть под Москвою речка Нудаль,
Поджигородово — село.
Ах, не оттуда ль, не оттуда ль
Мне машет юности крыло...

Сквозь листья кленов — дождик частый
С умытым солнцем пополам.
И в этот день земное счастье,
Как солнце, улыбнулось нам,

Я этот миг навек запомнил
На том пригорке, в том краю,
Как он вошел, как он заполнил,
Переиначил жизнь мою.

И было ничего не страшно
С тех пор на белом свете мне:
День завтрашний и день вчерашний,
Война в железе и огне.

И даже в страшную минуту,
Когда сжимала смерть кольцо,
Мне улыбалось почему-то
Сквозь частый дождь твое лицо.

Ты не показываешь вида,
Но я-то знаю по глазам:
Есть у тебя в душе обида,
За что — не понимаю сам.

А день встает в звонках и звонах.
Отчаиваться не спеши:
Припомни дождь сквозь солнце в кленах,
Он смоем грусть с твоей души.

* * *

Мне довелось,
Я целовал

В венце волос
Лица овал

И капли слез.
К щеке щека,
А дальше — врозь.
Врозь на века!

Врозь навсегда!
И — никогда!
Пройдут года,
Уйдут года.

И, может, кто-нибудь
Другой
На грудь
Поникнет головой.

И — ничего...
На малый миг
Испьет того,
Что я постиг.

* * *

Лейли

Бежит
Река.
Течет река.
Спешит
Века
Издадека.

От синих гор,
От белых скал,
Дробя в упор
Камней оскал.

Она в бегах,
Она спешит.
На берегах
Ее самшит.

Переплелись
В глубинах недр
Корнями тис
И старый кедр.

Штурмуя с бою
Перевал,
Я здесь с тобою
Пиравал.

Была такая красота,
Была такая высота,
Такая нас венчала страсть,
Что было некуда упасть!

И до сих пор,
Как взгляд в упор,
Гранитных гор
Немой укор.

Кругом
Крутые валуны
И в белой пене
Гром волны.

* * *

Просох песок на желтом скате.
Был воздух солон и хмелен,
Четыре раза на закате
Цвета менял Хамелеон¹.

Ты шла, ступая в мокрый гравий,
К воде тропинкой некрутой.
И только море было вправо
Твоей гордиться наготой.

И только море в чудном гуде,
Тебя качая на волне,
Текло, ласкаясь к голой груди,
И льнуло к бедрам и спине.

¹ Хамелеон — горный мыс в Коктебеле.

И только море в смутной страсти,
Дробя закат волной рябой,
Какой-то дикой силой власти
Владело полностью тобой.

Оно шумело в вечном споре
И начинало кутерьму.
А ты одна купалась в море,
И я завидовал ему.

* * *

Сивозь десять лет, издалека, мне
Звучит сегодня голос твой.
Перебирает тихо камни,
Как память старую, прибой.

Был шторм. До звезд летела пена,
Бил ветер высших скоростей,
Как наступала перемена,
Как затухал огонь страстей!

Мне, знаешь, иногда сдается,
И я мириться не могу,
Как сердце камнем остается
На одиноком берегу.

В нем кровь горячая струится,
Живого трепета полна.
Быть может, завтра возвратится
К нему высокая волна?

Но нет, волна уходит дальше,
И жизнь текуча, как вода.
А я любил тебя без фальши
И не лукавил никогда.

И ночь идет. Деревья стынют.
По взгорью ветер пыль замел.
И надо мною опрокинут
Вселенной атомный котел.

* * *

Здесь жизнь проста и непреложна,
Но скрытый ход ее не прост.
И обо всем подумать можно
При свете августовских звезд.

Ты крепко спишь. Не ловит слух твой,
Как дышат волны и земля,
Как барражируют над бухтой
Два реактивных корабля.

Ты крепко спишь в своей кровати
И даже, может быть, во сне
Не видишь, как дозорный катер
Скользит по взмыленной волне.

Ты спишь. А ветер гонит свежий
Крутые волны на Синоп.
На горизонте полночь режет
Прямого света бьющий сноп.

Ты спишь. Ворочается море
У пирса пенной бахромой.
У снов твоих стоит в дозоре
Бессонных глаз прищур прямой.

* * *

А. Смердову

Мечта жива, а жизнь упряма,
И жизни вечной непокой
Душе любезного Хайяма
Вдруг открывается строкой.

Я знал любовь. Я пел, и спорил,
И удивлялся каждый раз
В смятенье, в радости и в горе
Живому блеску милых глаз.

Цветам, и птицам, и страницам
Любимых книг, и вам, друзья, —
Всему, к чему душа стремится
И без чего прожить нельзя.

Под стать огню, подобно вспышкам,
Упрямой жаждою влеком,
Я жадно жил, и даже слишком,
Всем пылом сердца, целиком,

Жизнь — бесконечное горенье
В глубинах скрытого огня.
Где оборвется удивленье,
Там будет гибель для меня.

И если смерть придет с победой,
Скажи, мой друг, когда умру:
Он жизнь любил, он радость ведал,
Он на земном бывал пиру.

* * *

Для тех, кто жизнь приемлет праздно,
И море — только водоем.
Но нет, оно многообразно
В однообразии своем.

Оно от края и до края,
Вскипая пеной на косе,
Шумит, меняясь и мелькая
В своей полуденной красе.

Оно под стать, в соленой пене
Всегда снующее у ног,
Непрекращающейся смене
Моих сомнений и тревог.

Оно подходит вал за валом,
Оно зовет, оно поет.
Оно на гребне небывалом
Сулит и мне высокий взлет.

Оно отградой входит в душу,
Берет и валит наповал.
И где-то там идет на сушу
Моей любви девятый вал,

Стоит луна у кромки мола,
Латунный свет на море льет,
На балюстраде радиола
Цыганским голосом поет.

Поет, звенит струной гитары,
Грусть на иголку накрутив,
И кружит, кружит, кружит пары
Пустой, заигранный мотив.

А горы спят. Они притихли.
И камни дышат горячо.
Тебе легко кружиться в вихре,
Закинув косу за плечо.

Тебе легко. Душа открыта.
И с каждым кругом веселей.
Чуть слышно цокают копыта
На скрытых тропах патрулей.

Тебе легко. И сердце просит
Веселья доли не простой.
Легчайший ветерок доносит
Густой йодистый настой.

А завтра новый день нагрянет
Над пограничною тропой.
И я, как ты, живу на грани
Тревог и радости скупой.

1955

УТРО ДОБРОЙ ОСЕНИ

* * *

Тропинку трава заплетала,
Траву засыпала хвоя..
В карельских лесах заплутала
Военная юность моя.

Гремели далекие годы.
И в зарослях жухлой травы
Песком затянуло проходы,
Зеленою ряскою — рвы.

Стояла погожая осень,
Вся в солнце, без ветра и гроз.
И неба чистейшая просинь
Сквозила в вершинах берез.

Сбегали сосновые рощи
Напиться озерной воды.
И думалось чище и проще
О судьбах любви и войны,

О юности, дальнюю далью
Прошедшей по рвам и мостам.
С глубокой и тихой печалью
Ходил я по старым местам.

Где пели в потемках осколки,
Шарахались мины окрест,
Где выросли низкие елки,
И каждая елка как крест.

* * *

Я воевал, и, зная, недаром
Война вошла в мои глаза.
Закат мне кажется пожаром,
Артподготовкою — гроза.

На взгорье спелая брусника
Горячей кровью налилась.
Поди попробуй улови-ка
И объясни мне эту связь.

Года идут, и дни мелькают,
Но до сих пор в пустой ночи
Меня с постели поднимают
Страды военной трубачи.

Походным маршем дышат ямбы,
Солдатским запахом дорог.
Я от сравнений этих сам бы
Освободился, если б мог.

И позабыл, во имя мира,
Как мерз в подтаявшем снегу,
Как слушал голос командира,
Но что поделать, — не могу!

Подходят тучи, как пехота,
От моря серою волной,
И шпарит, как из пулемета,
Но крыше дождик проливной.

* * *

Я ехал Финляндией ночью.
Ревесел томительный путь.
Далеких огней узорочье.
Снега водокачкам по грудь.

Глубоко под снегом наносным
Медведями спят валуны.
Высокие елки и сосны
В холодном свеченье луны

Свет четко на небе означил
Верхушки заснеженных крон.
Всю ночь предо мною маячил
Пустой тельсингфорсский перрон.

Перрон из железобетона,
Сверканье реклам вдалеке,

И мальчик напротив вагона
В потертом большом пиджаке.

За плотной спиной полисмена
Он в урне чего-то искал.
Ночная окончилась смена.
Носильщик прошел на вокзал.

И колокол на паровозе
Уже прозвенел на бегу.
И стыли дома на морозе
В глубоком лиловом снегу.

Предвестник хорошей погоды,
Дул ветер, снежинки клубя.
Я вспомнил двадцатые годы,
В мальчишке увидев себя.

И думал я, в тамбуре стоя,
Сдувая со стекол налет,
И верил, что счастье простое
И этот мальчишка найдет.

Я сам для него не оракул,
Но верить в грядущее рад.
На станциях колокол брякал,
И поезд летел в Ленинград.

Кружила полночная вьюга
У темных столбов и стропил.
А ветер, действительно с юга,
Холодный рассвет торопил.

* * *

Нынче осень, как поздняя слава,
Ненадежна и так хороша!
Светит солнце весеннего сплава,
За холмы уходить не спеша.

А по кромке озерной у леса
Зеленеют в воде камыши.
И под тенью густого навеса
Тишина и покой, Ни души,

У опушки сухого болота
Вырастает вторая трава.
Красота! — и стрелять неохота —
Поднимаются тетерева.

Я нарочно оставил двустволку,
Чтоб не трогать внимательных птиц,
А по лесу звенит без умолку
Комариная песня синиц.

В рыжей хвое лесные дороги.
Листья падают, тихо шурша.
И душа забывает тревоги,
И обиды прощает душа.

Видно, лето не кончило повесть,
И запас у природы богат.
Бронзовея, прямые, как совесть,
Смотрят старые сосны в закат.

* * *

К. Копичеву

Полна даров живого груза,
Приходит осень в свой черед.
Герой Советского Союза
В осенний входит огород.

Лесные порохи и звоны,
Дорожки ровной полотно.
Пылают поздние пионы,
И астры смотрятся в окно.

Он ходит грузный и склоненный,
Седой, бывалый гражданин.
Он начал службу в Первой конной
И кончил битвой за Берлин.

Он может рассказать такое,
Что не приснится никому.
И раны старые покоя
Под старость не дают ему.

Он садит брюкву и картошку.
На топчане лежит в тени.
И, словно листья, понемножку
С календаря слетают дни.

Он мерным шагом вдумбы мерит.
Доволен осенью вполне.
И только лес, по книжке Геринг,
Напоминает о войне.

* * *

Густые тени вечер стер,
Туманом лег в логу.
Горит на берегу костер,
На дальнем берегу.

Его, наверно, на реке
Развел чудака рыбак.
Уху готовит в котелке
И курит свой табак.

Горит, горит в сырую тьму
И светит огонек.
Зачем зовет меня? Емму,
Наверно, невдомек.

Горит, горит костер в логу
И светит сквозь камыш.
И ты на дальнем берегу
Так для меня горишь.

Моей судьбы далекий свет,
Горишь какой-то год.
Но весел нет, ли лодки нет,
И не стыщешь брод.

Сиди, как тот чудака рыбак,
И свой табак кури.
Не для меня, а просто так
Гори, костер, гори.

ПРОЕЗЖАЯ КАРЕЛЬСКИМ ПЕРЕШЕЙКОМ

Я знаю храбрость финского солдата, —
По азимуту, памяти иду..
Я с ним не раз встречался здесь когда-то
В седых снегах в сороковом году.

Мы познакомились не понаслышке,
Не за столом среди банкетных роз.
Тогда бедня, раскалывали вспышки
И крепче спирта обжигал мороз.

Пусть летопись историкки листают,
Нам дальше жить. Не правда ли, скажи,
Что шрамы и обиды зарастают,
Как зарастают мохом блиндажи.

Пусть наш урок другим пойдет в наследство,
Нам солнце шлет двоим одну зарю,
Доверчивое доброе соседство..
Благослови удача, говорю..

* * *

Кукушка не грустит о лесе
В последней зелени ветвей.
Идут поутру в школу дети.
Нет у меня своих детей.

У каждого свои печали:
По-своему любого жаль.
Есть смерть. Есть гибель. Но едва ли
Есть в мире горшая печаль.

Живу открыто. На дорогу
Мое распахнуто окно:
Приходит зрелость понемногу,
Да что там, уж пришла давно.

И рано ль, поздно ль, оборвется
Моя последняя струна?
И сердце сердцу отзовется
Какое? Пусто. Тишина..

Мороз в ночи ударит круто.
Деревья в белом полусне.
И — только песня, что кому-то
Сулила счастье по весне.

* * *

В. Торопыгину

Сентябрь, а лето на дворе.
На Севере у нас
Зацвел шиповник в сентябре
Второй за лето раз.

Расцвел так буйно, полный сил,
Как кровь на свет плеснул,
Как будто взял и воскресил
Забытую весну.

Густым огнем в глаза забил
Из зелени сухой,
И все, что я не долюбил,
Мне возвратил с лихвой

Охашкой поздних, но живых
Багровых свежих роз,
С постов зимы сторожевых
На время сняв мороз.

И осветил кустов навес,
Небес голубизну.
Звенел и пел зеленый лес
Осеннюю весну.

* * *

В сырой осоке светят незабудки,
Волнистой рябью отмели мельчат.
Перед отлетом табуняются утки,
За камышами селезни кричат.

Вот поднялась испуганная стая,
Свистя крылами, скрылась вдалеке.
Костер дымит, и пелена густая
Седого дыма тает в тростнике.

Пружинит ветер парус плащ-палатки,
Сильнее налегает на волну.
Проворный ерш не пробует насадки,
И окуни уходят в глубину.

Прибрежный лес шумит в вороньем гаме,
Стушеванный невидимым дождем.
...Как говорят, весна не за горами.
Ну что же, сердце, снова подождем.

1955

ПОСЛЕ МЕТЕЛИ

* * *

Снега. Снега. На солнце яром
Дымится море белым паром,
Береговой скрипит припай.

Срывая ключья бурой тины,
Волна раскалывает льдины
И громоздит у старых свай.

Волна пройдет в густом растворе —
На полчаса затихнет море
И поднимается опять.

Весь день с утра идет работа,
Но только морю неохота
Сейчас укладываться спать.

Над ним холодный ветер дует,
Над ним старик мороз колдует,
Глаз не смыкая до зари.

Ему в ореховые дудки
На сладкий сон свистят погудки
В кустах полыни снегири.

Но только море спать не хочет.
Метель метет. Мороз хлопочет
И отступает, полужив.

Звезда мелькнула в небе. Вскоре
Само собой заснуло море,
На отмель руки положив.

* * *

Щедра зима! Который год,
Который раз не ждет, не просит —

Сама спешит. Ее приход
Нам столько радости приносит.

И лунный свет, и тонкий лед,
И воздух на морозе свежий,
Узорный иней налет
На старых соснах побережий.

И в снежных шапках гребни крыш,
Огонь зарп над кромкой роши.
И на снегу упругих лыж
При повороте четкий росчерк.

Зима моей душе под стать,
Она заботой душу греет:
Как больше радости достать
И раздарить ее скорее.

* * *

Под утро снегом занесен,
Спеленат вьюгой колкою,
Был лес как сон и снег как сон
Под каждой мелкой елкою.

На каждой елке теплый мех,
Пушистый, горностаевый,
Переливался, словно смех,
Горел, но не растаивал.

А солнца свет звенел везде
И все приохорашивал.
Дарил снежинке по звезде.
За что дарил — не спрашивал.

Он растекался не спеша
И каждый след прослеживал.
Вбирала медленно душа
Всю радость мира свежего.

Хотелось броситься в снега,
В кипенье света белого.
...Всю ночь буйшила пурга
И эту сказку сделала.

* * *

Нет у меня пристрастия к покою.
Судьба моя своей идет тропой.
Зачем скрывать? Я ничего не скрою.
Душа моя чиста перед тобой.

Мир свеж, как снег. Как снег, на солнце ярок,
Голубоватым инеем прошит.
Он для тебя и для меня подарок.
Бери его! Он, как и ты, спешит.

Встречай его работой или песней,
Всей теплотой душевного огня.
Чем дольше я живу, тем интересней,
Сложней и строже время для меня.

Есть и своя у зрелости отрада,
Свои дела, но не об этом речь.
В любое время для себя не надо
Запас души и жизнь свою беречь.

Нет, мы в гостях у жизни не случайны
И вымыслом и сказкой не бедны.
Земля кругла — на ней не скроешь тайны,
Зима бела — и все следы видны.

* * *

По щелью пулковских расщелин
Окоп взбирался на окоп.
...Опять зениткою нацелен
В ночное небо телескоп.

Там солнца плавятся в пожарах.
И там, загадочна досель,
Как на прицеле, в окулярах
Дрожит космическая цель.

Астроном мыслью путь проделал
В необозримый мир планет.
И, как вселенной нет предела,
Мечте его предела нет.

И за мечтою этой смело,
Сперезжая чудеса,
Ракеты трепетное тело
С земли рванется в небеса.

Оно пройдет потоком света,
Меж звезд сияя горячо.
...Снежинка — малая планета —
Ему садится на плечо.

* * *

А. Коваленко

Зима — для юности забава.
В сверканье маговой слюды
Бегут налево и направо
В долине лыжные следы.

И среди них два следа рядом:
Глубокий след и мелкий след.
Смотрю за ними грустным взглядом.
Быть может, это зависть? Нет!

Не зависть это, а тревога:
За них душа моя болит.
Куда их выведет дорога?
Чем на привале одарит?

По целине, по снежным грядам
Нагроможденных морем льдин
Бегут, бегут два следа рядом,
Потом сливаются в один.

И ничего не страшно. Значит,
Теперь крути, метель, крути,
Желаю счастья и удачи
Двоим в пути!

* * *

К. Ванину

Пять суток мельница молола
И с неба сыпала муку.

Крупчаткой первого помола
Совсем засыпало реку.

Зима! Люблю твой снег мохнатый
В густом лесу, в пустых логах,
Где дуб выносит, как сохатый,
Подушки пуха на рогах.

Мороз по озеру на льдине
Проехал, воду полоня.
И лишь чуть-чуть на середине
Дымится паром полынья.

Да и она все уже, уже —
Ей холодно. Ее трясет.
Ее закраины от стужи
Сведет и снегом занесет.

Ты думаешь, любовь такая
Ледком подернулась в ночи?
Но подо льдом, не умолкая,
Бурлят незримые ключи.

Их вечной жизни бег торопит,
Они прорвутся сквозь снега.
И сердце так же силы копит,
И первый паводок затопит
Разливом эти берега.

* * *

Сегодня курсом в Антарктиду
Ушли из порта корабли.
Дымки скрываются из виду,
Лишь волны пенятся вдали.

В ночи полярной, злой и вьюжной,
Походный теплится уют.
И полюс Северный и Южный
Друг другу руки подают.

Земля, сугробами одета,
В прозрачной дремлет синеве.
И золотое снится лето
Под снегом спрятанной траве.

Над застывающей рекою
Созвездья светятся во мгле.
И всюду жизнь. И нет покоя
Всему живому на земле.

* * *

Зима не в мае умирает —
Она до осени живет.
В июне — колос наливают,
А жито — в августе дает.

И рассуждать приятно людям,
Зерном засыпав закрома:
«Богаты будем, сыты будем —
Была хорошая зима».

Иные сами ищут славу
Везде — во сне и наяву.
Что мне положено по праву,
Без приbedненья проживу.

А если слава будет — верьте,
Я ничего не утаю:
Пускай приходит после смерти
И продлевает жизнь мою.

1955

СОСНЫ И ВЕТЕР

* * *

Все с этим городом навек —
И песня, и душа,
И черствый хлеб,
И черный снег,
Любовь, тоска,
Печаль и смех,
Обида, горечь и успех —
Вся жизнь, что на глазах у всех
Горит, летит, спеша.

Все вместе с нами
И для нас
Сплелось, перевилося:
И очерк губ,
Надежда глаз,
И первый шепот в первый раз,
И седина волос.

И первый бой,
И кровь друзей,
И верность до конца —
Она от совести моей
Не отведет лица.

Я ждал,
И я не без греха,
И нечего таить —
Давал в том месте петуха,
Где нужно слезы лить.

Мой век прекрасен и жесток,
Он дорог мне и мил.
Я не сверчок,
Чтоб свой шесток
Считать за целый мир.
И я по городу иду,

Как через радость и беду.
Вся жизнь моя,
Судьба моя,
Двужильная, упрямая,
Каленая, та самая,
Открыта, на виду.

Я душу вынес из огня,
Через кольцо блокад.
Ты песней жизни для меня
Остался, Ленинград!
Всем честным мужеством своим
Неповторимых зим,
И чистотой, и простотой,
И откровенной остротой
Той ленинской души,
Которая в тебе жива,
Как свежий воздух, как Нева!
Бери — стихи пиши!

Жизнь!
Золотое ремесло,
Без фальши и тоски.
Сыпучим снегом занесло
У Ленина виски.

Он — жизнь сама!
Он — сам народ!
Он весь — порыв вперед.
И так всегда —
Из года в год,
Из рода в новый род!

Что будет — радуюсь тому,
Пою о том, что есть.
Пылать здесь сердцу моему
И разрываться здесь.

СТИХИ ВЕСНЫ СОРОКОВОЙ

Как лодка, русло открывая
Ударом плавного весла,

Плывет моя сороковая,
В сквозящей зелени, весна.

Под нею солнце в глуби тонет,
Перевернув с собой зенит,
Над нею чибис в небе стонет
И тонко ласточка звенит.

Опять весенние дороги
Зовут меня: спеши, иди.
Там сзади мели и пороги,
И водопады впереди.

Ровесников советской власти,
Романтиков высоких лет,
Я узнаю друзей по страсти
И по огню других примет.

Из них любой на дело послан.
Любой в делах не боязлив.
А лодке плыть, и пенить веслам
Весенних паводков разлив.

* * *

Здесь сосны, ветер и зима.
Приди сейчас сюда сама,
И будет май и юг.
Засмейся громко иль заплачь,
Но только все переиначь,
Как ты умеешь, вдруг.

Здесь день и ночь трубит трубой
По мерзлым отмелям прибой
В кипенье белых пен.
И льда налет, и брызг полет
Весь день до ночи — напролет,
Всю ночь — без перемен.

И любо мне на берегу
У всех ветров стоять в кругу,
Глотать морской настой
И знать, что ты идешь сама
Сюда, где сосны и зима,

Что можно вновь сойти с ума,
Сказав мгновенью — стой!

СОСНЫ

Была здесь старая скамья
И сосен дружная семья.

Я приходил сюда весной,
Здесь пахло морем и сосной,

И волны, делая бросок,
Янтарь кидали на песок.

Не знаю, ветер иль топор
Снесли совсем сосновый бор,

Но из сплетения корней
Живая жизнь встает. За ней

Упрямо тянется росток
Огнем зеленым на восток.

Ему расти. Ему суметь
Под солнцем кроной прошуметь.

И только тот остался нищ,
Кто не оставил корневищ.

* * *

Я слишком долго был счастливым
И перестал душой ценить
Когда-то бьющую приливом
Любовь, сходящую на нить.

Был мир гласт, цветаст и ясен,
Как солнце, в очи била страсть.
Нет, не старайся — труд напрасен.
Не свяжешь. Нить оборвалась!

Но где-то там, еще в глубинах,
Раздумий тяжких и обид,

Боясь взорваться, как на минах,
Надежда тихая стоит.

Из дальней дали, злой и строгой,
Через отчаянье и ложь
В последний раз меня растрогай,
Последним взглядом обнадежь.

ТИХОЕ МОРЕ

Д. Острогу

Я видел в тихую погоду
Морскую медленную воду,
У скал прозрачную до дна.
Была на глубине прозрачной,
Кристалльно чистой, а не мрачной,
Любая ракушка видна.

И ветер спал, и море спало,
И в камнях сонно лепетало,
Парил над скалами орел.
И было разлито такое
Везде присутствие покоя,
Что я спокойствие обрел.

Я был спокоен. Я представил,
Как здесь потопа расправу правил
И выход ярости искал.
Срывало скалы ураганом,
Дробили волны, как тараном,
Седую тупость старых скал.

Скала стоит, а море бьется,
Скала движению сдается,
Не в силах выстоять одна.
...Я видел в тихую погоду
Морскую медленную воду,
Кристалльно чистую до дна.

* * *

Всею силой чувств и мыслей всех
Из дальней дали той

И слышал твой веселый смех,
Далекий и родной

Я лучше сердца своего
Всю знал тебя насквозь.
А тут, не знаю отчего,
Все вкривь пошло и вкось.

Быть может, ревность? Может быть,
Кровь хлынула в виски?
И мне вовеки не избыть
С тех пор своей тоски.

Как будто годы за других
Меня забрали в плен
Всей грубой тяжестью своих
Предательств и измен.

* * *

Что я хочу —
Про то молчу.
Зачем шуметь,
Зачем кричать,
Давно пора уметь
Молчать.
И мой язык
Молчать привык.
Он пересох,
Как тот песок,
Который в медленных часах
Столетия держит на весах.
И ждет душа —
Душа горит, —
Когда твоя заговорит
И скажет мне, что я хочу,
О чем всегда с тобой молчу.

* * *

Ольха, да хмель,
Да речка Нудаль.
Смиряла мель
Теченья удаль.

И дождь косой
Над лопухами, —
Они росой
Благоухали

Во всей красе
Ночного лета.
И в той росе
Конец запрета.

И поцелуями в ответ
На поцелун.
И звездный свет
Дробили струи.

Шумела в омуте вода,
Прорвав запруду.
Я этой ночи никогда
Не позабуду.

* * *

Вся жизнь моя горит в огне,
Событья и дела.
Нет! Ты не только другом мне,
Ты женщиной была.

И сквозь признаний первых бред
И первых чувств туман
Не видел я, конечно, нет
Твой вековой обман.

И жадность глаз твоих и рук
И твой лукавый страх.
Ну что же, сердце, старый друг.
Гори на тех кострах.

А память что? Она светла.
Не тронь ее, не тронь.
Пусть спалит ее дотла
Еще живой огонь.

ОБИДНЫЕ СТИХИ

Я слово выпустил на ветер.
Оно ушло в туман и снег.
Его в пути далеком встретил
И принял сердцем человек.

Пытливый и неосторожным
И в вечных поисках простым,
А это слово было ложным,
С чужого голоса, пустым.

И человеку было туго
По глупой прихоти моей.
И я навек лишился друга —
А может, тысячи друзей?

Я сам казню себя сурово,
Одной надеждою дыша.
Поэта истинное слово
Есть суть его, его душа.

* * *

За годом год пройдет. Едва ли
Ты обо мне промолвишь: «В нем
Ведь тоже страсти бушевали
Живым и трепетным огнем».

Что для тебя стихи? Забава,
Забывших чувств забытый дым.
Есть у любви святое право
Водить влюбленного слепым.

Зачем же ты вступаешь, разум,
За недоступную черту?
Зачем же ты снимаешь разом
Спасительную слепоту?

Ну, бей в глаза мне правды светом,
Не заслою рукой лица.
Теперь я знаю — только в этом
Есть смысл горенья до конца.

ЗВЕЗДА МОЕЙ ДУШИ

Метель!

А я люблю метель,
Но мне противен волчий вой
В бушующую канитель
Над морем прорвы снеговой.

Тебя, Земля, видали мы
От звезд Кремля
До Колымы.
Есть над тобою звездный свет,
Есть под звездою волчий след.

И я люблю твой звездный свет,
Мороз равнины снеговой.
А враг всегда за волчий след
Тебе платился головой.

Попробуй тронь тебя, посмей
Седой пургой заместь.
На зов твой голос сыновей
Тебе ответит — есть!

На смертный бой
Пойдет любой,
Лишь только ты дыши
Своим огнем, своей судьбой,
Звезда моей души.

* * *

Ни прихотью, ни силой, ни тоскою,
Ни сказкою тебя не удивишь.
Над зимней застывающей рекою
Ты в тихом одиночестве стоишь.

Морозный день. Ни облака, ни тени;
Крупчатые слепящие снега
И розовое солнце, дым селений,
В ракитнике пушистом берега.

В дни бивуачной юности и ныне
Одной тобой по-прежнему живу.

Ты мне такую снилась на чужбине,
Такой ты мне предстала наяву.

Ты — вся моя. Дороже год от года.
Открытым взглядом для меня горюшь,
Весеннею порою ледохода
Каким ты чудом землю одарышь!

Я вытерплю обиду и потерю,
До двери тропку проторю в снегу.
В беде и славе лишь тебе поверю.
Тебе одной — умру, но не солгу.

СОСНЫ ПО БЕРЕГУ

А. Пушкинку

Неправда! Есть еще в пороховницах
Запас хороший пороха сухого.
И есть еще на глубине души
Святая нерастраченная совесть.
Она-то и дает, наверно, право
Глядеть в глаза, и верить, и любить,
И обнимать с надеждою за плечи
Редеющих, как зимний лес, друзей.

Я каждый день хожу сосновой рощей
По берегу янтарного залива,
Где ветер, набегающий со взморья,
Гудит в вершинах и несет по склону
Сыпучий снег с песком сыпучих дюн,
Где грозно замерзающее море
Кувалдами тяжелыми колотит
В береговой белеющий припай.

Давно я знаю, что покоя нету,
Что счастье человека вне покоя,
Что время выдувает из души
Всю накипь неудачи и сомненья,
Как ветер, набегающий со взморья,
Сдувает пену с бесконечных волн.

«Пройдет и это» — мудрость Соломона
Не нашему характеру сродни.

Мы любим землю. Мы земные люди.
Мы жили больше в помыслах грядущим
И очень мало для себя самих.
Гремел Октябрь над нашей колыбелью
Раскатами «Авроры». Резал уши
В два пальца свист метели продувной.
Походные костры и бивуаки,
Забитые могильные курганы
И серый пепел страсти и раздумий
На рано поседевших волосах.

Мы не сдались. Мы, словно эти сосны
По берегу, все в ссадинах и шрамах,
Корявые, высокие, прямые,
Ломаемся, но не умеем гнуться.
Мы глубоко в земле сплелись
корнями,
Мы в небесах вершинами сплелись
И бурю, налетающую с моря,
Встречаем грудью, как всегда,
в упор.
Реем мы. Но выстоять нам надо.
Уже встает, уже шумит подлесок,
Поддерживая нас и подпирая,
Вершинами вытягиваясь к солнцу,
По-своему шумит...

* * *

Далёко где-то
Все время лето.
У нас — сама
Уж три недели
Прядет метели,
Метет зима.

Прядет волокна,
Несет под окна
Снега. В снегу
Уж три недели
Кусты и ели
На берегу.

Снег у порога,
В снегу дорога,
 Луга, стога,
Дрова, сарай,
Карнизы, свай —
 В снегу. Снега

Приносят дар свой.
И тихо в царстве
 Стволов и крош.
Весь мир не дышит,
А сердце слышит
 Пожар и гром,

Расцвет природы,
Леса и воды,
 Разбег дорог,
И песню птицы,
И в медунице
 И луг, и лог.

ИВАН-ЧАЙ

Он розов, он лилов, он фиолетов,
Метельчатый, высокий иван-чай.
...Не спрашивай, не жди моих ответов,
Моей глухой тоски не примечай.

Он пахнет медом, сенокосным зноем.
Войди в него, слегка пошевели —
И зашумят над иван-чаем роем
Встревоженные пчелы и шмели.

Кукушка закукует на опушке,
Надеждой вечной сердце веселя.
Здесь, в капонирах, били наши пушки,
Горели камни, плавилась земля.

Душа моя, в тоске не будь немой.
У памяти прощенья не моли!
Окопы зарастают над Невою —
Здесь полегли товарищи мои.

Давно истлели звезды из фанеры,
Осыпались могильные холмы.
Живые — мертвым, верные без меры,
Своею жизнью присягаем мы.

А жизнь летит! И ветерок, качая,
Сдувает вниз, к сплетенью корневищ,
Лилловые метели иван-чая,
Печального растенья пепелищ.

* * *

В. Шошину

И вот приходит к человеку слава,
А он смеется, он совсем седой,
И отчуждёнья тихая отравя
Глаза покрыла медленной водой.
Он заслужил, и он имеет право
Уйти, как говорится, на покой.
Он прожил век, он сделал все, что мог,
И радостью последней занемог.

А ты живи. Ты молод, ты упрям,
Стоишь, как тополь в розовом рассвете,
Ты сердцем честен и душою прям,
Ты сам не знаешь, до чего ты светел,
Ты цел еще, и ни единый шрам
Души твоей глубоко не отметил.
Так радуйся и не смотри пока
На этот мир глазами старика.

* * *

Свой добрый век мы прожили как люди
И для людей.
Г. Суворов

Жизнь в самом деле дружит с нами.
Живи, душой не холодей,
И делай так, чтоб люди знали,
Что жизнь ты прожил для людей.

Когда тебя совсем не будет
И время память запрядет,
Пусть о тебе промолвят люди:
«Он вышел, он сейчас придет».

И на стихи есть тоже мода,
И у стихов — свои дела.
Сама любовь, сама природа
Меня в поэзию вела.

Я на привалах был и небыль
Струей холодной зашивал,
Я никогда, сознаюсь, не был
В разряде первых запевал.

Но зависть душу не глодала
Мою — ни разу на веку.
Мне время тоже диктовало
Свою судьбу, свою строку.

Оно свои дарило песни
И после боя свой привал,
И говорило мне: «Воскресни»,
Когда я глаз не поднимал.

Спешу, отчаиваясь снова,
Пока перо поет в руке,
Своей души оставить слово
В певучем русском языке.

1956—1957.

МОСТЫ

Вот я сделаю всю сушу неделимой..
Уолт Уитмен

КНИГА ЗЕМЛИ

Я проходил через границы,
И на пути передо мной
Лежали страны, как страницы
Всеобщей повести земной.

И каждый раз над той дорогой
У пограничного кола
Мне пели древнею тревогой
Седых веков колокола.

Там кровь лилась, свистели пули,
Визжала бешено шрапнель.
Но слышал я в кровавом гуле
Иной судьбы иную цель.

Своей мечты, подвластной мигу,
Я видел землю без границ,
Она в одну сложилась книгу
Из тех разрозненных страниц.

Под общим деревом свободы,
На пир друзей, на общий пир
Сошлись моей земли народы
И начертали слово: мир!

И мне не надо быть пророком,
Чтобы глядеть через года,
Души и сердца видеть оком
Тот недалекий день, когда

Огнем космической торпеды
Прорвется купол голубой
И за туманность Андромеды
С моей земли начнется бой.

Я жизнь такую мерю мерой,
Я это вижу наяву,
Я в это вечной верю верой
И этой верою живу.

В ЧАСЫ РАЗДУМИЙ НА КОРМЕ

Там, за кормой, светла, чиста,
Бежит живая влага —
Крутой воронкой от винта
И штопором от лага.

И мысль моя тогда ясна,
Как воздух над волною.
Любовь, и песня, и весна,
И ты в тот час со мною.

Там вдалеке, где тает дым
Над пеной поворота, —
Всю жизнь я был необходим
Кому-то для кого-то.

ЗАКАТ У МЫСА ГАНГУТ

Не дай умереть, не увидев тебя!
А. Прокофьев

Была война.
За жизнь война.
Бежит, вольна,
К волне волна.

Живому — жить!
..Мне суждено
И петь, и плыть,
И пить вино.

Опять не внове
Видеть мне
Цвет красной крови
В глубине.

В глуби зыбей,
Среди валов —

И кровь друзей,
И кровь врагов.

И не напрасно,
Языкат,
Над морем красно
Бьет закат.

О Сольвейг! Снова
Покажись,
Скажи мне слово:
«Здравствуй, жизнь!»

Движеньем брови
Позови.
Довольно крови!
Дай любви!

МИНЫ ВЗРЫВАЮТСЯ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Не надо похоронного марша,
сыграйте полонез.

*Последняя просьба
Ивана Ганабина,
поэта и баяниста*

По рядам пробегающий шепот
От скрипичного вздоха исчез.
И застыл зачарованный Сопот,
И на сцену поплыл полонез.

По-старинному легкие пары
Закружились летучим огнем.
И невольно глухие удары
Учащаются в сердце моем.

И над Гдыней заря запылала,
Над просторами рощ и полян.
Белокурый встает запевала,
И поет, и рыдает баян.

Над песками просохших откосов,
Через взрывами спугнутый лес,

*На память Елене Крачковской,
автору песни о Варшаве*

Мотив у песни чист и прост,
Слова приходят сами:
 «Направо — мост,
 Налево — мост,
И — Висла перед нами!»

По берегам ее трава
Или песок шершавый.
 Летят, летят,
 Летят слова
Над новой Варшавой.

Я здесь, в Варшаве, не бывал,
Но не забавы ради
 Я слышал их
 И сам певал
В Москве и Ленинграде.

Прямее делалась спина,
Уверенней походка,
 Пьянила
 Медленней вина
Хорошая находка.

Варшавских улиц предстает
Сегодня перспектива
 Как продолжение,
 Как полет
Знакомого мотива.

Поэты шлют, в словах просты,
Друг другу песни-вести
 И строят
 Общие мосты
Для будущего вместе.

ОДА БУКСИРАМ

На сыром ветру линияют флаги,
Низкие темнеют корпуса.
Я люблю вас, моря работяги,
Различаю ваши голоса,

Хриплую скупую перекличку.
Наблюдаю деловую статью,
Старую рабочую привычку —
Никогда на месте не стоять.

Отдыхать вам некогда! Довольно
Дела в шторм и голубиный штиль,
Это знают пристани Стокгольма,
Копенгаген, Генуя и Киль.

День и ночь бессменны ваши вахты.
И в портах стоящие вокруг
Белоручки лайнеры и яхты
Без усилий ваших — как без рук.

Вы мне однокашники и друзья,
Спутники поэзии моей,
Грубые от соли и натуги
Добрые работники морей.

НОЧНОЙ СОНЕТ В ОТКРЫТОМ МОРЕ

Над океанскою дорогой
Горит Полярная звезда.
От борта черная вода
Стеною движется отлогой.

Своею страстью и тревогой,
Как волны, катятся года.
Неизменяем никогда
Их ритм осмысленности строгой.

Рассвет крадется не спеша,
И в бледно-матовом растворе
Лятое солнце встанет вскоре.

И плачет. Не молвив ни слова,
У жизни в железном кругу,
Осталась трагедия снова
На дальнем чужом берегу.

О родина, лучшего нету
Желанья на общем пиру —
Не дай мне скитаться по свету,
А дай умереть на миру.

Дай тонкие видеть березы,
Остаться с тобою вдвоем
И высушить сладкие слезы
В ромашковом ветре твоём.

ПИСЬМО БРОНЗОВОЙ РУСАЛКЕ В КОПЕНГАГЕН

Я знаю Данию по сказкам Андерсена.
На бирже сказки сведены к пулю,
И я глазел, как происходит смена
Медвежьих шапок, верных королю.

Традиция! Я не вступаю в споры,
Пусть крутится, как век заведено,
В инерции не чувствуя опоры,
Истории твоей веретено.

Торги идут. И выручки неплохи,
Разменяны на доллары грехи.
Туристы — что? — назойливы, как блохи.
И я скакал подобием блохи.

Меня по Копенгагену крутила
Туда-сюда невысказанная пруть.
Мне времени, как видишь, не хватило
Наедине с тобой поговорить.

А как хотелось. Но, пугая взоры,
Отыскивая подходящий вид,
Неистовые щелкают затворы —
С тобою каждый сняться поровит.

Один на камень залезает смело.
Обнять тебя пытается другой.
А ведь тебе все это надоело,
И неудобно все-таки ногой.

Всех разогнал бы. Да нахальства нету.
Чужой закон, и — права тоже нет.
А может, разрешается поэту
Иметь с тобой какой-нибудь секрет?

Я новой встречей тихо душу грею.
Года в разлуке — грустные года.
Когда опять приеду — постарею.
Ты, бронзовая, — вечно молода.

Но выслушай: давай держать в секрете
Наш разговор для будущих времен.
Быть может, я — единственный на свете,
Отчаявшийся, твой Пигмалион.

Медвежьих шапок неизбежна смена.
Торги идут. И с правдой спорит ложь,
Я буду ждать, листая Андерсена,
Когда ты снова в сказку уплывешь.

БОЛОТНЫЙ ОГОНЬ

Ни крова, ни благословенья..
М. Ю. Лермонтов

Я с детства помню: над трясинной,
Загробным призракам сродни,
Таинственно мерцали в синей
Ночи болотные огни.

Между осин мелькала зябка
Их неуверенная дрожь.
«Нечистый дух... — шептала бабка. —
Пойдешь за ними — пропадешь».

А век спешит. Он весь в полете.
Пылает праздничный Брюссель,
И крутит чертом на болоте
Огней рекламных карусель.

Хожу, вбираю чудо разом,
Непостижимое уму,
И славлю человеческий разум,
Дивлюсь и радуюсь ему.

И больше всех горжусь тобою,
Мое отечество, тобой!
Где мыслью все открыто с бою,
Устремлено в грядущий бой.

Ты на таком стоишь просторе,
Ты на таком стоишь ветру!
В любых делах с любым поспоришь,
Ты — словно солнце поутру!

Не знаю, стою или не стою,
Я весь с тобою вдалеке.
Но кто там говорит со мною
На позабытом языке?

Опять, как в детстве, за стогами
Глаз мертвых — мертвый свет горит.
Сухими, мертвыми губами
«Спасем Россию» — говорит.

Ты у кого теперь на смете
И у кого нашел привет,
Чужой всему и всем на свете,
Нечистый дух, болотный свет?

Какие есть тебе мерзла?
Но между нами есть стена.
Я помню, бабка говорила
Давно: «Изыди, сатана!»

БЕРЕЗКА ВЫРОСЛА В РОСТОКЕ

А. Попову

Веселая, в рубашке белой,
Сюда, под эти небеса,
Как далеко ты залетела,
России милая краса!

И сразу стало чище, проще,
Я в этом мире не один —
Шумят зеленым ветром рощи
Моих березовых долин.

Леса Поволжья и Сибири
В сверканье позднего огня,
Вся необъятность звездной шири
Опять заполнила меня.

РАБОЧИЕ РУКИ РОСТОКА

А. В. Смирнову

Я помню монтажные доки,
Густой синевы небеса,
Рабочие верфи в Росточе,
Железные их голоса.

Там день занимается жарко,
Походка его нелегка.
Горячая клепка и сварка,
Певучая дробь молотка.

Я видел лебедки и блоки,
От сердца до сердца мостки,
Рабочие руки в Росточе,
Взрастившие дружбы ростки.

О, эти рабочие руки,
В железном сплетении вен,
В работе не виснут от скуки
И в дружбе не знают измен...

Трудом и упрямою волей
Открыта души высота.
Под нежностью этих мозолей
Земная цветет красота.

Сияет светло и высоко
В железо оправленный день.
И плещется в доки Росточа
Воды голубой голубень.

СТИХИ О НЕОБХОДИМОСТИ

На тихих клумбах Трептов-парка
Могил в торжественном покое
Давно горят светло и ярко
Пионы, астры и левкой.

И за судьбу земли спокоен,
Ее простор обзревая,
Стоит под солнцем русский воин,
Ребенка к сердцу прижимая.

Он родом из Орла или Вятки,
А вся земля его тревожит.
Его в России ждут солдатки.
А он с поста сойти не может.

ДРУЖЕСКИЙ РАЗГОВОР С ПОРТАЛЬНЫМИ КРАНАМИ КИЛЬСКОГО КАНАЛА

Портальные краны,
Портальные краны!
Сюда направляют суда капитаны.
Отсюда уходят суда в океаны.
Портальные краны
Мне машут руками.
Портальные краны
Качают крюками.
Бетонные ноги. Стальные стропила.
Железная хватка. Железная сила.
Вы можете этой ухваткой гигантской
За шиворот взять пароход океанский.
Портальные краны, вы, может, устали?
Давайте уйдемте в далекие дали.
Пусть воеет сирена:
«Измена, измена!»
Нам море Гренландское
Ниже колена.
Пойдемте за мною,
Портальные краны,
Высокой волною
Крутить океаны.
Пойдем к чернокожим.

«Поможем?» —

«Поможем!»

Расстелется Африка под ноги пляжем.

«Сначала поможем,

А после приляжем!»

Я это представил себе на мигнушку.

Но вы понимаете добрую шутку —

Глядите в туманы,

На фоне заката,

Портальные краны,

Лихие ребята.

Сюда направляют суда капитаны,

Отсюда уходят суда в океаны.

Портальные краны,

Портальные краны...

ПЕСНЬ ЧЕЛОВЕКА

Памяти Фредерика Жолио-Кюри

Я сам собою недоволен!

Я этим жив,

Я этим болен,

Я этой страстью наделен.

Я смерть отверг!

Я жизнь приемлю!

Я с этой мыслью встал на землю

Из тьмы времен,

Для

Всех времен!

С земли до звезд моя дорога.

Я создал бога.

Свергнул бога.

Я сам себе себя леплю.

Я снял вражду

И проклял войны.

Я выбрал путь себя достойный.

Я — Человек,

И я

Люблю!

ВЕТКА СИРЕНИ

Передо мною в этот день
В «Отеле де Кале»
Лежала русская сирень
На письменном столе.

Красы лишенная земной,
Утратившая цвет,
Но неразлучная со мной
Повсюду много лет.

Всегда ее с собой возжу.
И в дальней стороне
Раскрою книжку, поглажу,
И станет грустно мне.

Как хочешь это назови.
Но вдруг потянет вдаль
Давно потерянной любви
Щемящая печаль.

И разграничится ясней
В раздумье свет и тень.
...С могилы матери моей
Засохшая сирень.

И сразу солнце бьет в глаза,
И дымка на реке.
И бронзовая стрекоза
Сидит на поплавке.

За перекатом — бочаги.
Вода темна. По ней
Идут широкие круги
От всплеска окуней.

Заросшая крапивой гать
Зовет сквозь сон меня.
Неслышно в сени входит мать,
Подойником звеня.

«Вставай! Ты все еще лежишь?
Позавтракай, пострели!»

...Звенел Париж, и пел Париж,
И радугой пестрел.

Париж музеев и кладбищ,
Париж ночных реклам.
В невероятном блеске — нищ,
И весел, и упрям.

Он в душу ярким светом бил,
Беспечен и хорош.
А я давным-давно любил,
Я знал тебя, Гаврош.

С тобою вместе пас коней,
Ночуя в ивняке.
Ловил корзиной окуней
На Молохте-реке.

Нам в ранний час, в рассветный час,
Был голос птиц знаком.
И мать моя поила нас
Топленным молоком.

И я ищу тебя, Гаврош,
Среди чужих два дня.
Париж, чем хочешь огорошь
И удиви меня!

И ты действительно дивишь,
Но погоди, постой,
Кого ты нынче, мой Париж,
Пускаешь на постой?

Иль все на свете трын-трава,
Былья дремучий лес?
Какой поэт хранит слова
Грядущих марсельез?

Гаврош! И веря, и скорбя,
На память в этот день
Я оставляю для тебя
Засохшую сирень.

Нет, не засохшую! Кругом
Кипящую в цвету.

Ее касатки бьют крылом,
Касаясь на лету.

Звенят стрижи у острых крыш
И у высоких ниш.
Ты покори́л меня, Париж.
Я полюбил тебя, Париж.
Мне жаль тебя, Париж!

ШЕСТНАДЦАТЬ СТРОК ДЖИОКОНДЕ

Сквозь сотни оттисков и копий
Я сердцем не воспринимал
Прекрасней сказок и утопий
Живой любви оригинал.

И вот оно — души горенье,
Открытых глаз живая ртуть.
Передо мной, как откровенье,
Вся человеческая суть.

И страсть, и власть. Любовь и жалость.
Порыв, надежда и добро.
И от восторга сердце сжалось,
Заколотилось о ребро.

Оно полно такого гула!
Оно навек подвластно ей.
Мне прямо в душу заглянула
Любовь людей и мать людей.

НЕБОЛЬШОЙ ШТОРМ И СИНИЕ РОЗЫ

Справа в борт с налета хлещет ветер,
Мелкий дождик палубу сечет.
Я один люблю тебя на свете.
Милая! Чего тебе еще!

Волны пляшут, поднимая гребни.
Штормовые хлынули дожди.
Говорят, в разлуке сердце крепнет:
Милая! Немного подожди!

В мутной хляби молния мелькает.
Шестьдесят громов разорвалось.
«Синих роз на свете не бывает», —
Я тебе достану синих роз!

Взбеленились пасмурные глубы.
Затянуло дымом окоем.
Будет солнце! Мы еще полюбим,
Мы еще поцарствуем вдвоем!

СЛУЧАЙНЫЕ МЫСЛИ У БЕРЕГОВ АНГЛИИ

Вот — Англия!..

Шелли

Волны шли одержимые, злей атаманы,
Амазонками в пене из мутного тона.
И слегка озарялся туманный Ла-Манш
Красноватым огнем маяков Альбиона.

Незаметно полныя прорастает в былье.
И дымилась, и призрачно таяла справа,
Как утюг раскаленный на мокром белье,
На шипящем пару мировая держава.

Я не знаю тебя. Не успел, не постиг,
Ни в тавернах, ни в биржах твоих не обтерся, —
Но я сердце свое оставлял среди книг,
Откровений Вильяма Шекспира и Бернса.

Ну так что ж из того! Пей свой грог, не робей!
Иль бочонок дубовый протек, или вышит?
На своем языке мироволит Бомбей,
И Суэцкий канал забирает Египет.

Ветер воеет в снастях. В океане темно.
Смены нет, и матросы устали от вахты.
Потерялась звезда. Золотое руно
Проворонили в пьяном бреду аргонавты.

И в ночи прокликает неверную дочь
Голос ворона, крик сумасшедшего Лира.

Волны бешутся в пене. Промозглая ночь
Поднимает с последнего ложа Шекспира.

И Шекспир говорит: «Наступает предел.
Драмы кончены. Время настало сатирам.
Видит бог, что я с богом сравняться хотел, —
Что поделать! Придется остаться Шекспиром!»

Я ВТОРОГО СОЛНЦА НЕ ХОЧУ

Мне опять приснилась Хиросима,
Взрыва оглушительный удар.
В темноте гудел невыносимо
Душу расплавляющий пожар.
Я проснулся. Вышел. Сиротливо
Чайка прокричала над кормой.
Глубина Бискайского залива
Поднималась медленной волной.
Шла волна. И, выгибая спины,
Словно черти, за ее пятой
Пьяные от скорости дельфины
Вылетали черной запятой.
Соразмерив четкое движенье,
Вылетали, глубину прорыв,
В воздухе на малое мгновенье
Плавниками задержав порыв.
Я еще таким порывом не жил,
Этой страстью не был обуян.
Шел ко мне, качал меня и нежил
Радости певучей океан.
А потом веселое светило,
Каждой капле выдав по лучу,
Океан до края осветило.
...Я второго солнца не хочу!

ПОЧТИ ФОТОГРАФИЯ

Тяжелый крейсер дремлет на стоянке.
Под небом, раскаленным добела,
Словяются весь день американки
Почти совсем в чем мама родила.

Хрусталь как лед. Киянти пьют по капле,
Их истомили море и жара.
Их укачали по дороге с Капри
Летающие на крыльях катера.

Ночной кабак или святые мощи —
Им все доступно в голубой стране.
Прекрасно море, и чудесны рощи.
Сады в цвету, и доллары — в цене.

Горчит вино. И бури нет в стакане.
Целебен воздух. Сделки неплохи.
...Американцы курят в Ватикане,
И папа отпускает им грехи.

РУКИ СПЯЩЕГО В НЕАПОЛЬСКОМ ПОРТУ ГРУЗЧИКА

Неповторимая картина!
Как будто сон во сне, ясна
Чистейшего ультрамарина
Прозрачная голубизна.

Все в голубиной глубине тонет,
Дрожит и тает впереди.
Он сладко спит сейчас, ладони
Скрестив на выпуклой груди.

Наверное, ему досталось.
И вот, у солнца на виду,
Он спит, как спит сама усталость,
Как подобает спать труду.

Без сновидения, без муки,
Весь — ожиданье перемен.
Я вижу только руки, руки
В переплетенье синих вен.

Что ждут они? Работы новой.
Они добры, они не злы.
И ногти крепости слоновой,
И пальцев грубые узлы.

Они в пыли, в мазуте, в пепле,
В мозолях верности труду.
Но перед ними солнце слепнет —
Идет у них на поводу.

Они лежат и спят, как боги,
Как после подвига герой.
...В кафе под тентом у дороги
Вино — рекой и пир — горой!

На смех утробный, на слезу ли
Зовет охрипший саксофон.
...Спит грузчик так, как спит Везувий,
И чутко слушает сквозь сон,

Как море тихо входит в лепет
Волною мелкой у стены.
Он кой-кому по морде влечит
И вытрет руки о штаны.

КОГДА ПОЕТ ПЕВЕЦ БРОДЯЧИЙ

Как не жалеть вас, не любить, еще бы!
Со мной вы откровенны и близки,
Неаполя печальные трущобы,
Ущелья человеческой тоски.

Узки, как гроб. И — солнца нет в помине.
Застиранное сушится в жаре
Белье на окнах и на мезонине.
Булыжник — в апельсинной кожуре.

От духоты томительной, от жара,
От суматохи — кругом голова.
Картавит одинокая гитара
Подчеркивая старые слова.

И песня ищет выхода и входа
Из сердца в огрубевшие сердца.
И жизнь сама поет душой народа
И голосом бродячего певца.

И чую я в ее напеве голом
Дыханье ветра неизбежных бурь,
Распоротую молнией и громом
Неаполя звенящую лазурь.

И ТАК БЫВАЕТ

Холмы, окрашенные хной,
И пахнущий маслинами
Дрожащий зной, прозрачный зной
Над знойными Афинами.

Осколками от облаков
Среди холмов развалены
Гордыни мраморных веков —
Поющие развалины.

И розоватый мрамор плит
Как пена утром на море.
Свет солнца в старый мрамор влит,
И — солнце светит в мраморе.

И ты проходишь не спеша,
Вся в солнце, золотистая.
Как жизнь сама, ее душа,
Ее свобода чистая.

Как все твои семнадцать лет
Любви и удивления.
Что делать мне? Покоя нет!
И нет нигде спасения!

Такая вдруг открылась высь,
Лазури звонкой пение,
Что я сказал: «Остановись,
Остановись, мгновенье!»

КОГДА ЛЕЖИШЬ И СМОТРИШЬ В НЕБО

Боже мой! До чего хороши облака.—
Лебединая песня из воздуха, ветра и света!
Белым-белая кипень, высот голубая река,
Не запета никем и никем ты не будешь допета.

Гости светлых высот — проплывают гряды
за грядой
В этом вечном движении боренья и сшибок,
Словно мысли мои — чередой, чередой,
Беспрерывным потоком побед и ошибок.

Всё вперед и вперед, не считая потерь —
Белогривых гигантов, разодранных в клочья.
Разве мысли измеришь? Попробуй измерь
Созерцанье мое и мое средоточье!

Боже мой! До чего хороши облака —
Острова, океаны бунтующей страсти...
Чуть качает корабль, мачта словно рука.
Борздыт в облаках корабельные снасти.

Дай мне так поваляться на палубе, руки вразлет.
Загляни мне в глаза, покажи им глубины любые:
В них твоих облаков бесконечный полет,
В них просторы твои голубые.

И, ЗНАЧИТ, ЖИЗНИ НЕТ КОНЦА!

Мир уходящий бесшабашен,
Живуч и липок, как полип.
И для меня он тоже страшен,
От водородной бомбы гриб.

И до меня доходят звуки,
Далеких звезд вселенский гул.
Но не могу, сложивши руки,
Кричать от страха караул.

Не для того меня учила
Жизнь на железе и огне,
Не для того она вручила
Живую мысль и душу мне.

Не для того я шел на Зимний,
Чтоб, пеплом в космосе пыли,
Летела в похоронном гимне
Людская родина — Земля,

Где мне осталось столько дела,
Что некогда поднять лица,
Где мысли вечной нет предела
И, значит, жизни нет конца!

Там, где я землю резал плугом,
Где хлеб растил на целине,
Где проходила росным лугом
В ромашках женщина ко мне.

Где песни петь и славить стоит
Души открытой красоту,
Где в самом деле все пустое
Летит бесследно в пустоту.

В руках разумных будет добрым
На волю выпущенный джинн.
...Мир новый бьется веку в ребра
Всем напряжениям пружин.

ПЕРЕД РОДНЫМ БЕРЕГОМ

Мигнул маяк на дальнем створе,
И за волной пропал Стамбул.
На Черном море, Черном море
Родного ветра слышу гул.

Он дует в уши, рвется в душу,
Звенит в ушах, поет в снастях.
Он мне навстречу гонит сушу
На самых скорых скоростях.

Он пахнет свежестью земною,
Отрадой новой входит в грудь.
Как мост, протянутый за мною,
От сердца к сердцу верный путь.

И вот она открыта взглядам,
Земля, сводящая с ума.
Чего еще! Со мною рядом
Любовь и молодость сама!

ПЕСНЬ О МОСТАХ

В мостах вражды
Нам нет нужды —
Давай спалим мосты вражды,
Мосты войны,
Мосты тревог,
Обиды пройденных дорог.

Основы
Новой
Путь не прост —
Давай построим новый мост
От сердца к сердцу напрямик.
С материка
На материк.

Построим мост. На том мосту
Поставим дружбу на посту.
И будем вместе строить мост
С земли до звезд,
С земли до звезд!

1958

УПРЯМОЕ ПРОСТРАНСТВО

А мир прекрасен, как всегда.

Александр Блок

* * *

Милый Север,
Ночью белой
Ты какой обман таишь?
Ради жизни, Север, сделай
Полнозвучной эту тишь.

Застови болотной выпью,
Свидетни звонкою косою.
Я тебя по капле выпью
С соловьиною росой.

Поделюсь с тобой уловом,
Встречу тихую зарю.
И твоим певучим словом
О тебе заговорю.

Мне под стать твоя повадка,
Тихий шелест в камыше.
Мне сегодня сладко-сладко
И спокойно на душе.

Север, Север!
На рассвете
Ветерком туман клубим.
Я сегодня путь приметил
К роднику твоих глубин.

Милый Север,
Ночью белой
Дай напиться ясной той,
Самой чистой,
Самой смелой
И спокойной красотой.

За белой ночью
Свежести
Необычайный свет.

* * *

Есть высокая сердцу отрада,
Задушевных свершений пора.
Мне не надо жар-птицы. Не надо
Золотого отлива пера.

Я скитался за нею по свету
В дождь и зной, не кляня маету,
Для людей невозможного нету —
Я ее изловил на лету.

Закрывая дубовую дверь, я
Ту жар-птицу хотел запереть,
Но веселые легкие перья
Перестали в светлице гореть.

И сказал я, окно открывая,
Чудо-птице единственный раз:
«Улетай поскорей, дорогая,
Но совсем не скрывайся из глаз.

Не лишай меня старой тревоги,
Одари беспокойной судьбой,
Дай открыть мне иные дороги,
Побродить по земле за тобой.

Если ж сердце мое не захочет
Колотиться в пути о ребро, —
Ты на синие тихие очи
Оброни золотое перо».

* * *

С. Орлову

В росе деревья белой ночью седы.
Ерши с плотвой не начинали клев.
И слушает туманность Андромеды
Полночных вологодских соловьев.

А что мне Андромеда, постоянство
И жизнь, и путь иных небесных тел?
К твоей душе упрямое пространство
Пока еще я не преодолел.

Звезда — к звезде, мигают и дробятся
На перепутьях скрещенных орбит.
Как мне, скажи, к душе твоей добраться
Сквозь космос отчужденья и обид?

Огонь и свет. Зари веселой перья.
Я задыхаюсь — слышишь? Поспеши.
Мне не прожить без твоего доверья,
Без откровенья сердца и души.

О кровь моя! В ней беспокойство ртути.
К твоей душе душою вечно рвусь.
Я доберусь до самой скрытой сути,
До самой сердцевины доберусь.

И он придет, желанный миг победы,
Живой мечты и торжества ума!
...Далекая туманность Андромеды
Передо мной раскроется сама.

* * *

Нет, ты сложнее и проще,
Чем вымысел и сон.
Березовые рощи
Сбегают под уклон.

И тихие деревни
По берегам озер.
И веет древним-древним,
Знакомым с давних пор,

И говорит не грубым —
Певучим языком
Побаска — с лесорубом
И сказка — с рыбаком.

Мосток над речкой шаток —
Скрипучая доска.

Тоска седых солдаток,
Столетняя тоска.

И уголь древней лавы,
Подарок мерзлоты,
Тяжелые составы
Везут из Воркуты.

И самый грузный, самый
Измученный вконец,
Из самого Петсамо
Идет в Череповец.

Как в половодье реки,
Втекают в эту сонь
Хозяином навеки
Железо и огонь.

Летит зари жар-птица
Через туман озер,
И вяжет кружевница
Немыслимый узор.

И нет светлей и проще,
Чем эти небеса...
Березовые рощи,
Сосновые леса!

* * *

От всех неудач и успехов,
От встреч, от людского суда
Давно бы мне надо уехать
Хотя бы на месяц сюда.

Не отдыха праздного ради,
Не глупой любви вопреки,
Не ради в заветной тетради
С отточенной рифмой строки.

Сознаюсь, что мне не хотелось
Построить свой рай в шалаше.
Мне просто хотелось, чтоб пелось
Легко и свободно душе.

О самом простом и обычном,
О вечном, как эта трава,
Найти в повседневном и личном
Свои золотые слова.

Взглянуть, как дымится просека
Росою и запахом смол,
Душою того человека,
Который отсюда ушел.

Который в тревогах и спорах
Случайных и суетных дел,
В друзьях, на решения скорых,
Себя самого проглядел.

* * *

Опять пошла нелепница.
Строка к строке
Не лепится,
На сердце не попросится
И под перо не бросится.
Что хочется —
Не скажется.
Весь мир угрюмым кажется:
Трава —
Железной щеткою,
Свист соловья —
Трещоткою
И облако —
Овчиною.

И ты — тому причиною.

И верная,
И разная,
Манерная
И праздная,
Живая,
Нелюдимая —
Везде необходимая.

Что этой ночью белою
Я без тебя поделаю?

* * *

Я говорю тебе без лести:
Мне без тебя ни жить, ни петь.
Да, я привык с тобою вместе
На мир торжественный глядеть.

Я сам себя ловлю на этом,
Когда пишу, когда спешу,
Что без тебя зеленым летом
В полстрасти грежу и дышу.

И этот лес, и луговина,
Тоска земли по небесам, —
В них остается половина
Твоей душе, твоим глазам.

Не знаю, хочешь иль не хочешь,
Но ты обязана помочь.
Я без тебя — как день без ночи,
Как без дневного света ночь.

* * *

К. Коничеву

Вологда зеленая,
Вологда старинная,
Временем каленная,
Как строка былинная.

Как могла ты вынести
Пять обид старицею,
Что по царской милости
Не была столицею?

Не хватило ревности,
Опоздала сборами?
Ходит ветер древности
Старыми соборами —

Там, где первородная
До скончанья вписана
Свет-душа народная
Кистью Дионисия.

И глядят не божии
Лики в окна узкие, —
На богов похожие
Наши люди русские.

И стоит, не горбится
Колокольня-звонница.
И в законной гордости
Силой сердца полнится.

Нет, не в урне грудится
Прах из крематория,
А живет и трудится
Старая история.

Все, что было, скажется
В новом обнаруженном.
Млечный Путь мне кажется
Вологодским кружевом.

* * *

Б. И. Пророкову

В моей душе живут два крика
И душу мне на части рвут.
Я встретил день войны великой
На полуострове Гангут.

Я жил в редакции под башней
И слушать каждый день привык
Непрекращающийся, страшный
Войны грохочущий язык.

Но под безумие тротила,
Сшибающего наповал,
Ко мне поэзия сходила
В покрытый плесенью подвал.

Я убегал за ней по следу,
Ее душой горяч и смел.
Ее глазами зрел Победу
И пел об этом как умел.

Она вселяла веру в душу
И выводила из огня.
Война, камень оглушив,
Не оглушила меня.

И я запомнил, как дрожала
Земля тревогою пной.
В подвале женщина рожала
И надрывалась за стеной.

Сквозь свист бризантного снаряда
Я уловил в какой-то миг
В огне, в войне, с войною рядом
Крик человека, первый крик.

Он был сильнее всех орудий.
Как будто камни и вода,
Как будто все земные люди
Его слышали тогда.

Он рос, как в чистом поле колос.
Он был, как белый свет, велик,
Тот беззащитный, слабый голос,
Тот вечной жизни первый крик.

Года идут, и ветер дует
По-новому из-за морей.
А он живет, а он ликовет
В душе моей, в судьбе моей.

Его я слышу в новом гуде
И сам кричу в туман и снег:
— Внимание, земные люди!
Сейчас родился Человек!

* * *

Д. Хрисикову

Я жизнь свою в деревне встретил,
Среди ее простых людей.
Но больше всех на белом свете
Любил мальчишкой лошадей.

Все дело в том, что в мире голом
Слепых страстей, обидных слез
Я не за мамкиным подолом,
А без семьи на свете рос.

Я не погиб в людской остуде,
Что зимней лютости лютей.
Меня в тепле согрели люди
Добрей крестьянских лошадей.

Я им до гроба благодарен
Всей жизнью на своем пути.
Я рос. Настало время, парень,
Солдатом в армию идти.

Как на коне рожденный вроде,
Крещен присягой боевой,
Я начал службу в конном взводе
Связным в разведке полковой.

И конь — огонь! Стоит — ни с места.
Или галопом — без удил.
Я Дульцинею, как невесту,
В полку на выводку водил.

Я отдавал ей хлеб и сахар,
Я был ей верною верней.
Сам командир стоял и ахал
И удивлялся перед ней.

Но трубы подняли тревогу,
Полночный обрывая сон.
На север, в дальнюю дорогу,
Ушел армейский эшелон.

А там, в сугробах цепеня,
Мороз скрипел, как паровоз.
И — что поделать! — Дульцинея
Ожеребилась в тот мороз.

Заржала скорбно, тонко-тонко
Под грохот пушек и мортир.
И мне: «Не мучай жеребенка...» —
Сказал, не глядя, командир.

Я жеребенка свел за пойму
Через бревенчатый настил.
И прямо полную обойму,
Как в свою душу, запустил.

Стучали зубы костью ó кость.
Была в испарине спина.
Был первый бой. Была жестокость,
Тупая ночь души. Война.

Но в четкой памяти запали:
Мороз, заснеженный лесок
И жеребенок, что за палец
Тянул меня, как за сосок.

* * *

Есть мир души живой и цельной,
Его ничем не удивить.
Экспресс на скорости предельной
Летел из Гавра на Париж.

И через дым от папироски
Мелькали рощи и поля,
Полоски, узкие как доски,
Над черепицей тополя.

Шло мелкой жизни мельтешенье,
Для глаз открытой напоказ.
И мало было утешенья
И откровенности для глаз.

Все, перепутанное в скопе,
Переплелось, перевилось,
В каком-то бешеном галопе
На дикой скорости несло.

Куда? Глаза мои устали
И закрывались. Не спеша
Иные возникали дали:
Ночной костер у шалаша,

Просеки, темные, как штольни,
Столетних лиственниц краса.

Наш путь — через дебри,
Дорога — по чаще.
Нам надо скликаться
Почаще,
Почаще.

Идем мы, стальные,
Продуты ветрами,
И все остальные —
За нами,
За нами!

* * *

Разгар сенокоса,
Разгар сенокоса.
Сквозь солнце дожди,
Проходящие косо.
И в знойной истоме
Июльские травы.
И сон на соломе
У той переправы,
Где зреет смородина,
В хмеле хмелея,
Где речка звенит,
В перекатах мелея,
И голос кукушки
На дальней опушке,
Где пели частушки
Девчонки-подружки.
Все было недаром,
И я не забуду
За омутом старым
Речную запруду, —
Как пахли ромашки
На кофточке смятой
Настоем смородины,
Смешанной с мятой.
Гармонь надрывалась
И пела «страданья».
Зачем нам досталось
Сказать «до свиданья»?
Кукушка кукует
У дальнего плеса.

Поет и ликует
Разгар сенокоса.
Побудь со мной рядом
Хоть в отзвуке песни.
Хоть словом,
Хоть взглядом
Воскресни,
Воскресни!

* * *

И. С. Соколову-Микитову

Полуночный лес.
И течение речное
Качает небес
Отражение ночное.

На старом прогоне
Болотной тропой
Усталые кони
Идут к водопою,

И фыркают ноздри,
И — волны кругами,
Полночные звезды
Горят над лугами.

И звезды дробятся
На волнах, как блюдца,
И можно добраться
До них, дотянуться.

Здесь звезды ручные
И небо ручное.
Раздолье речное,
Костер и ночное.

* * *

Где пчелы собирают подевку
С гречихи в далеком краю,
Уводит тропинка девчонку,
Случайную песню мою.

Когда начинается спелость,
В какие заводит края?
Я сам не запомнил, как спелась
Случайная песня моя.

Ту песню не скроешь туманом,
Не спрячешь в густую траву.
Но кажется мне, что обманом
Я после той песни живу.

Тропинка бежит косогором
К ручью, где шуршат камыши.
И полнится сладким укором
Тревожная пропасть души.

* * *

Звук не войдет в струну обратно.
За сердце музыка берет,
Она для каждого понятна.
И ей не нужен перевод.

Ты — юность. Ты — сама природа,
Без слов о вечности рассказ.
Тебе не надо перевода.
Ты так понятна, без прикрас.

Глаза и кос тугая завязь,
Плеча округлый поворот.
И, грешника, меня не зависть,
А просто оторопь берет.

Начну в ночи, стихами маясь,
Крестить безмолвие листа,
Где, только слову подчиняясь,
Смысл обретает красота.

* * *

Ну что я сделаю? Не надо
Все ворошить опять до дна.
Тебе, конечно, сердце радо,
Но в сердце есть она одна.

Она своей подвластна воле,
Как легкой ласточке — полет.
Она с другим уходит в поле,
Другому верит и поет.

И если я иду на праздник,
Где песни ходят горячо,
Она меня нарочно дразнит,
Склоняясь на его плечо.

Ее ничем не приневолишь,
Ей никогда не будешь мил,
За это счастье я всего лишь
Своею жизнью заплатил.

* * *

Когда душа разобщена,
Когда с душою нету сладу,
Не пожелай ей только сна
И не досадуй на досаду.

Есть ветер свежий. Есть гроза.
Есть в буре гибель и спасенье.
Покой кончается. И за
Грозой приходит наводнение.

* * *

В траве полянки придорожной
Лежу, былинку теребя.
Здесь все легко и непреложно,
Здесь все похоже на тебя.

Здесь все твоей повадкой светит,
Здесь все такое же, как ты,
Весь мир. Особенно вот эти
Большие синие цветы.

Они сверкают, и тускнеют,
И, как твои глаза, горят.
С таких цветов, наверно, змеи
Полночный собирают яд.

* * *

Дебаркадер да базар,
Яблоки моченые,
Деревянный тротуар,
Каблуки точеные.

Все черемухи в дыму
Над речными плесами.
Пароход на Кострому,
Чайки за колесами.

Много весен утекло
Полноводной Волгою.
Было грустно и светло
Той дорогой долгою.

Вечер мой который раз
Одинок тянется.
Почему-то вспомнил вас,
И глаза туманятся.

Будто снова от реки,
Новые, с колодочки,
Простучали каблуки,
Лаковые лодочки.

* * *

Фарватер отмечен вехами.
Бурлит за кормой вода.
Она далеко уехала,
Уехала навсегда.

Но только дорогой этою
За нею я не спешу,
И не грущу, не сетую,
И писем ей не пишу.

Нет, я не сужу, не мелюю,
Несбыточным не живу,
Ни дорогой, ни мелюю
И в снах ее не зову.

Ни встречи, ни расставания, —
Оборваны провода,
Далекое расстояние,
Пустыни и города.

Не плачет и не надеется
Ни в чем меня не корит,
Но что в ее сердце тлеется,
То в сердце моем горит.

* * *

В. Семенову

Гроза развернется с размаха
И лес в оборот заберет.
Ударит хорами Баха
И Листом по листьям пройдет.

Потом без учета нагрузок
На гулкий небесный орган
Всей силой неслыханных музыки
Дремучий ответит курган.

Заглянет на дно водоема
Умытая ливнем гора,
И в гул уходящего грома
Вплетется струна комара.

И этой струной и органом
Положено сердцу гудеть.
...Повита легчайшим туманом
Заката червленая медь,

* * *

Рано сердцу опресняться.
Ночью мокрою ясны,
Пусть тебе и мне приснятся
Одинаковые сны.

Дует ветер, негодуя,
Бесшабашен и игрив,
От зеленого Кадуя
На зеленый Кологрив.

Ходят ливни, ходят грозы,
Гром грохочет у ворот.
Водят белые березы
Белой ночью хоровод.

Нам и в снах не разминуться.
Пусть давнишние, свои,
Этой ночью захлебнутся
И умолкнут соловьи.

Пусть тебе мой сон приснится.
Ты его опереди —
Приоткрой чуть-чуть ресницы,
В четверть взгляда погляди.

Ночь, как белый сахар, тает,
Бьется бабочка в стекло.
Свет — в глаза. В душе светает.
И на улице светло.

* * *

Н. Сидоренко

Я эту повесть на охоте
Слышал от старых егерей.
В тайге есть остров на болоте —
Глухое кладбище зверей.

И, выжив чудом в схватке грубой,
Сюда приходят умереть
И старый лось, и волк беззубый,
И недостреленный медведь.

Ползет слепая росомаха,
Плетется вместе с зайцем рысь.
Здесь больше нет вражды, и страха,
И жажды горло перегрызть.

Одна на всех ложится мета,
Один для всех закон жесток.
Они устало ждут рассвета,
Уставив морды на восток.

И так, застыв, поздрей не тянут
И чутким ухом не ведут.
В последний раз на солнце глянут,
Глаза закроют и умрут.

Уже ничто о злобе лютой
И о вражде не говорит.
Их всех последнею минутой
Не смерть, а солнышко мирит.

* * *

Какой сегодня ясный день,
Какой веселый день!
В саду на яблоню сирень
Отбрасывает тень.

Легонько яблоня дрожит,
Дрожит, а не бежит.
Над нею ласточка кружит,
Как будто сторожит.

Готовит девушка зачет.
И солнышко печет.
Река медлительно течет,
Камыш волной сечет.

Через репейник пустырей,
Сквозь кашку и пырей
Бегут мальчишки поскорей
На ловлю пескарей.

Спешат под мостовой пролет,
Где здорово клюет,
А реактивный самолет
За облаком поет.

* * *

В неведенье, в невиденье
Деньгу копил купец.
Как барышня на выданье,
Скучал Череповец.

И пахла жизнь лабазами,
Трестой и треской,
Пронырами, пролазами,
Уездною тоской.

Добытыми с оказией
Романами Дюма,
Старинною гимназией
И страстью без ума.

Душевною обидою,
Слезами, бегством в лес.
Я много в жизни видывал
Диковин и чудес.

Клубится над полянами
Ночь белая, ясна.
Груженными белянами
Колышется Шексна.

Кипит стальное варево,
Клокочет и поет.
Вполгоризонта зарево
Над домами встает.

И, новыми поселками
Оттиснутый вконец,
Под липами и елками
Притих Череповец.

С молитвами отпетыми
Забился в уголок,
Кредитными билетами
Оклеив потолок.

Он жизнь кончает праздную,
Совсем уходит в тень.
А я сегодня праздную
Со всеми новый день.

И, русый чуб поправивши,
На весь душевный жар
Аккордеон за клавиши
Потрогал сталевар.

На перламутре плавится
Литого солнца медь.
«...Зачем тебе, красавица,
Одной в саду сидеть...»

* * *

Свет зари в озерной раме.
Лось в росе омыл рога:
Сенокос не за горами.
Пахнут мятою луга.

По-над поймой зыбкий полог.
На свидание в ночи.
Демовитых перепелок
Вызывают дергачи.

Дергачам гармошка вторит
И смолкает на шоссе.
Кто-то мнет траву и торит
Путь-дорожку по росе.

Милый край. Моя отрада.
Листьев утренняя дрожь.
...А подглядывать не надо,
Как двоих укрыла розь.

* * *

Волной на речке смыло сходни,
Гром прогремел над головой.
Вчерашний дождь уже сегодня
Восходит новою травой.

Перыв мечты, любовь и жалость,
Увиденное на веку,
Все, что на сердце отстоялось,
Вошло в певучую строку.

Она пропахла зноем, летом.
Вглядишь в разбег карандаша.
Я здесь погиб. И новым светом
Живая полнится душа.

С. Викулову

Небо в крупных звезд рассеве
Ждет умытую зарю.
Я с тобой прощаюсь, Север,
«До свиданья», — говорю.

Как легко в твоей купели
По душе прошла гроза.
И опять поголубели
Новой радостью глаза.

В Заозерье рано-рано
Я над чистой рекой
Пил из легкого тумана
Твой медлительный покой.

Обходил твои долины,
Слушал песни и сердца,
Как старинные былины,
Без начала и конца.

Значит, мы еще пригубим
Из кутейниц брагу-хмель,
Помечтаем и полюбим
Крепче бывшего досель.

ЧЕТВЕРТАЯ ЗОНА

Поэма

1

Четвертая зона,
Четвертая зона.
Там царство деревьев,
Росы и озона.
Там солнце рассыпало
В травы ромашку.
Там свист соловья
И душа нараспашку.
Скажите друзьям,
Передайте соседям.
И вместе поедем.
Поедем?
Поедем!

2

Березовый ветер,
Березовый ветер!
Ты самый отрадный
И свежий на свете.
И первую зелень
Ажурных подвесок
По ветру рассыпал
Шумящий подлесок.
Глаза разбежались,
И сердце ликует.
Кукушка кукует.
Кукует?
Кукует.

3

Прозрачные ночи,
Молочные ночи.
Притихшей вселенной
Туманные очи.

Разрезана ночь
Пополам дергачами.
Влюбленным не спится
Такими ночами.
Весну провожает
По просеке лето.
И сердце у сердца
Не просит
Ответа.

4

Веселые струи,
Звенящие струи
По листьям —
Как первой любви поцелуи,
И солнце сквозь ливень,
И грома игранье,
И ландышем пахнет,
И пахнет геранью.
Небесных ворот
Триумфальная арка.
Нет лучше подарка,
Подарка,
Подарка!

5

Лесные просторы,
Лесные просторы.
Дремучих деревьев
Тяжелые створы.
И шелест капли
По вымытой чаще.
И говор ручья,
По корягам журчащий.
Входи без опаски,
Иди без опаски
Дорогою сказки
До терема
Сказки.

6

Настой земляники,
 Настой земляники.
 По листьям и травам
 Скользящие блики.
 И песня дрозда перелетного
 Спелась.
 Июльская зрелость
 И знойная спелость.
 И сердце созрело
 В истоме разлуки.
 Бери его в руки,
 В тишайшие
 Руки.

7

Ой, стежки-дорожки,
 Ой, стежки-дорожки!
 За дальней околицей
 Голос гармошки.
 За дальней околицей
 Девичий голос,
 И песня
 Над сонной рекой раскололась.
 Как сердцу охота
 В созревшее лето —
 Работай до пота,
 Гуляй
 До рассвета.

8

Не вместе ль с тобою,
 Не вместе ль с тобою
 Здесь август прошел
 Осторожной стопою.
 Стогами — по лугу,
 Скирдами — по полю.
 И песней веселой
 Натешился вволю.
 Скворцов табунится
 Картавая стая.

И кружатся листья,
Слетая,
Слетая.

9

Пора звездопада,
Пора звездопада!
Туманная ночь
И речная прохлада.
Пора журавлей
И начало отлета.
Грибная пора
И — охота, охота!
Заря запекает
Охотничьим рогом
По мокрым лесам,
Над заречьем
И логом.

10

Хрустальная осень,
Хрустальная осень!
Луна на волне
Выплывает без весел.
Хрустит, рассыпаясь,
Ледок под ногою.
И сиверко берег
Усыпал шугою.
И воет волчица
На лунное око,
И эхо относит
Далёко,
Далёко.

11

Чистейшего снега,
Белейшего снега
Зима отряхнула
На роцу с разбега.
И, пухом легчайшим
На солнце блистая,

Пустила гулять
По лесам горностая.
Сугробы не тронуты —
Чище не сыщешь.
И дышится легче,
И любится
Чище.

12

По этой дорожке,
По этой дорожке
Ты выйдешь к засыпанной
Снегом сторожке.
Там дятел снегурочке
Нижег мониста
На тонкую нить
Снегирино свиста,
Снегурочке скучно
Сейчас, одиноко,
Проведай ее.
Далеко?
Недалёко!

13

Деревья зимою,
Деревья зимою
Пронизаны ветром
И стужей самою.
И старые сосны,
И острые ели
Встают, как солдаты,
Навстречу метели.
В пурге по колени,
Буранами гнутся.
Вершинами машут.
Сдают?
Не сдаются!

14

Но где-то под снегом,
Глубоко под снегом
Цветение снится

Грядущим побегам.
И вечное семя,
Упорные зерна
Дрожат под корой
Перегноя и дерна.
Они переждут
Уходящую стужу
И — зеленью первой —
Наружу,
Наружу!

15

А там, над лугами,
А там, над лугами,
Под облаком ястребы
Ходят кругами.
Сугроб оседает.
И через валежник
На солнце глядит
Удивленный подснежник.
Сережки подвесила
Старая ива.
Ручей под сугробом
Шумит
Говорливо.

16

Под говор капели,
Под говор капели
Синицы выводят
Апрельские трели,
И милое сердце,
Почуяв тревогу,
Торопит в дорогу,
Торопит в дорогу.
Совет отголоском
Весеннего звона
Четвертая зона,
Четвертая
Зона.

Я над своей задумался судьбой:
И радости припомнил, и тревоги.
Судьба меня вела из боя в бой —
Другой, наверно, не было дороги.

Другой дороги не было и нет.
Ищи другую, как иголку в сене.
Ракетами разорванный рассвет,
И хлеб, и песня поровну со всеми.

Поземка сзади заметала кровь.
В полнеба — сполох, и луны осколок.
Костры горели, и домашний кров
Был, как любовь, желанен и недолог.

Я был твоим. Я был самим собой.
Святое слово «родина» — с собою.
Ее судьба была моей судьбой,
Как хлеб и песня, как команда:

«К бою!»

Воспоминанья прошлого пестры.
Но ярче перед новыми мостами
Горят, горят походные костры,
И мир согрет походными кострами.

Они для всех. Они недалеки.
Ценой моей тревоги и разлуки
Навстречу дню в ночи материи
Над океаном простирают руки.

1960

Измаилу Гедгагову

Рыжий конь ушами прядал.
Тур над пропастью трубил.
Водопад гудел и падал
Прямо в лопасти турбин.

Каждый миг в огонь и воду
Был любой из нас готов.
Было нам тогда от роду
По семнадцати годов.

Провода от ветра рвутся
Девяносто раз в году.
Мне все некогда вернуться
В золотую Кабарду.

Там Баксан несет камня,
Рассыпая брызг бурун,
У старинного селенья
Под названьем Кызбурун.

Ливни, острые как сабли,
Припускались наутек.
Четверть века светит в сакле
Мной зажженный огонек.

Он мне светит, светит, светит
В той далекой стороне.
Он меня опять приветит
И согреет сердце мне.

Мне все снится у порога
Укрошенная вода,
Позабывтая дорога,
Золотая Кабарда.

Константину Макишеву

С опалубки бетонного портала,
Ликуя, сокрушаясь и дивясь,
Я наблюдал, как Волга умирала,
И помню час, как снова родилась.

Она текла размашисто и гордо,
Седой волной вставала на дыбы.
Ее душили, забывая в горло
Литые пирамиды и кубы.

Притихла Волга и сдалась на милость,
В песчаный берег тычась наугад,
Приподнялась, потом остановилась
И нехотя попятилась назад.

А камни заполняли горловину,
И на ветру свистели провода.
И, клокоча, пошла через плотину
Тяжелая, рабочая вода.

Вот так же от Мамаева кургана,
Осатанев от многих неудач,
Раздвинув стены первого прорана,
Дивизии рванулись на Калач.

Следя воды разумное кипенье,
Я понял, размышляя не спеша,
Что есть у жизни только настушенье —
Всех наших дел основа и душа,

1960

Он был из тех, что жизнь на поводу
Веди сквозь время шляхом поровистым.
Родился он в семнадцатом году
И стал к сороковому коммунистом.

Он рос душой, как многие растут.
К скитаниям привыкнув по натуре,
Аэроклуб, а после институт
Окончил в Комсомольске-на-Амуре.

Его по жизни нес девятый вал
Высокой мысли, доблести и чести.
Он лётчиком два года воевал
И в партизанах пропадал без вести.

Лежал в крови, не раскрывая глаз,
Контужен на дунайском перекате.
И, всей душой влюбившись в первый раз,
На медсестре женился в медсанбате.

Конструктором работая потом,
Он жил семьей спокойно и привольно.
Пришла пора: потребовал обком,
И он сюда приехал — добровольно.

В седую степь, где ветер да снега,
Не на неделю и не к тестю в гости.
...Пошли его хоть к черту на рога —
Он сделает и там резьбу по кости.

Таков характер, крепкий как замок,
Такая воля и упорство долга.
...А потолок у матицы замок,
И комната от сырости заволгла.

Пока еще весь дом не домовит.
И ночью ветер в щели дует люто.
Времянка разогретая дымит,
Как добрый бог походного уюта.

Хозяин бреется. Погружена
В нелегкую хозяйскую заботу,
Позавтракав, торопится жена
В ремонтную бригаду на работу.

И зайчики играют по углам.
Сынишка просыпается в постели
И говорит, потягиваясь: «Мам,
А ласточки сегодня прилетели?..»

Из тумана дождик капал.
Грязь — куда ни наступи.
Ветер выл, и чибис плакал
Над мочажинной в степи.

Все рвалось, клубилось, прело,
Отзывалось на тепло.
В свисте крыльев ночь гудела,
Время ярости текло.

Полночь било. Пусто было,
И тогда из-за бугра
В черной чаще чернобыла
Развернулись трактора.

И пошли кромсать отвалы,
Поднимая целину.
Солнце мутное вставало,
Разрывая плену.

Наполнялось силой тело
И горело, как в огне.
Сердце пело. Солнце пело.
Пот катился по спине.

Начиналось наважденье.
Жизни радость и напасть.
Страсть движенья. Страсть рожденья!
Человечьей воли страсть!

1960

Ах, томик, помятый...
В. Саянов.

Стихи не каприз и не шалость.
Стихи не сдаются на милость.
Ему без стихов не дышалось,
Ему без стихов не любилось.

Снега, обогранные кровью,
Горячие милые губы.
И пели над первой любовью
Самой Революции трубы.

Он был мне товарищем старшим,
Учителем песни и боя.
Гудело, качаясь над маршем,
Шрапнельное небо рябое.

Упруго дробили копыта
Тревожную дымку рассвета.
Последняя чарка допита,
Последняя песня допета.

Баян передернул мехами,
И сердце под старой шинелью
Сперва захлебнулось стихами,
Потом разорвалось шрапнелью.

Кострища, заросшие мятой.
Шиповник горит, увядая.
И вспомнила томик помятый
Девчонка совсем молодая.

И медленно тянутся к полке
За томиком легкие руки,
И ранят ей душу осколки
Открытой любви и разлуки.

Мне берег приснился горбатый,
Песчаника желтый обвал.
В старинном саду Салавата
Я в губы тебя целовал.

Каскадами каменных ядер
Гремел грозовой небосвод.
И — кверху ушел дебаркадер.
И — книзу ушел пароход.

И, равная вечности целой,
Сводя белизною с ума,
Пушистой метелью над Белой
За нами запела зима.

1960

Метет метель. Сугробы — словно горы.
Горит огонь. И в медленном тепле
Мне хочется быть нежным, как узоры
Морозного налета на стекле.

Ты с холода. Из самой прорвы синей
Вбегаешь, не снимая рукавиц.
Дай мне губами сдунуть легкий иней
С колючих и слепившихся ресниц.

Садись к огню и отогрей колени,
Стряхни росу с оттаявших волос.
Сквозь заросли тропических растений
Глядит в окно завистливый мороз.

Да где же там — завистливый! С опаской,
Чтоб не тревожить, полуночный час
Какой-то старой белой-белой сказкой,
Сам радуясь, одаривает нас.

Снегурочка, ты снова прилетела.
Ты руки застудила на лету.
Метет метель, а нам какое дело —
За окнами черемуха в цвету.

1960

Нет, ты не веришь в чудеса.
Проходит по лесу лиса.
Какая у нее краса!
Накинув на плечи лису
И сверху выпушив косу,
Ты не увидишь ту красу.

Под Новый год уедем в лес.
Там сосны ростом до небес.
Пушистый иней, хрусткий наст.
Нас ветер свежестью обдаст.
И звездный снег. И звездный свет.
И смеху эхо даст ответ.

Под Новый год поедем в лес.
И под заснеженный навес
Войдем, как в чудо из чудес,
Хотя б на час, на полчаса.
Поют леса. Зовут леса.
...А ты не веришь в чудеса.

1960

Снег,
Белый, белый снег.
Чистейший белый снег,
Как тихий вздох,
Как легкий смех.
Засыпал пухом наш почлег
Летучий милый снег.

К щеке щека.
К щеке щека.
Не скрыть, не уберечь,
То, что запрятано пока,
Руке передает рука, —
Но не об этом речь.

И эта ночь пьяней вина.
И звезды в вышине.
Летучий снег, и тишина,
И тайна в тишине.
Слепит нагая пелена
Глаза тебе и мне.

Что звезды в небе говорят?
Что нас с тобою ждет?
Всю ночь глаза твои горят,
Всю ночь черемухи курят —
Тишайший снег идет.

Идет, как сон,
Идет, как звон.
Звенит, как легкий смех.
Тревоги — вон!
Обиды — вон!
Совсем засыпал ночь и сон
Чистейший белый снег.

Лес заснул. И, как во сне,
Сосны стряхивают снег.

И доносится сквозь сон
Медных сосен медный звон.

В сизой дымке тишина
Четких звуков лишена.

Мир тишайшей из тишин
От корней и до вершин.

От земли и до небес
Медный лес, сосновый лес.

Мир покоя без границ
В тихом цвиньканье синиц.

Ты уже успела встать.
Этот мир тебе под стать.

Поряднить его слези
С тихой музыкой души,

1960

Морозная роздымь поземки
Куражится по полю, чтоб
Свернуться, затихнуть у кромки
Подлеска, ударив в сугроб.

Затихнет — и снова куражит.
Замрет — и опять оживет.
Проси не проси — не покажет,
Где сказка в подлеске живет.

Где, словно в июне по росам,
Не слыша снежинок полет,
Гуляя по снежным заносам,
Снегурочка ландыши рвет.

Мне б тоже в морозное пенье,
Как песню о счастье, в горсти
Сквозь снег и сквозь ветер горенье
Упрямого сердца нести.

И встать, задыхаясь от бега,
От звонкой, как лед, красоты,
Увидев, как в мир из-под снега
Живые выходят цветы.

1960

Мне сердце земля вручила,
Глаза — чтоб я не был слеп,
И руки мои научила
Возделывать добрый хлеб.

И не был мой труд напрасен.
Я был в труде не один.
Огнем городов украсил
Раздолье ее долин.

Земля! Моя плоть и сила.
Отчаиваясь, любя,
Все, что бы ни попросила,
Я делаю для тебя.

Веленьем самой природы
Все судьбы в одну совью,
Я все соберу народы,
В одну соберу семью.

Достигну того предела,
Где звезды плывут, пыля,
Лишь только бы ты летела,
Цвела, хорошела, пела,
Отчизна людей,
Земля!

1960

Мир не забыл свои утраты,
Людскою кровью с бою взят.
Мир оживает. Геростраты
Живому гибелью грозят.

Мечта безумия жестока —
За ней у мира счет большой.
Но мы без страха и упрека
Стоим с открытою душой.

Мы — жизнь. Мы новой веры дети,
Не присягавшие войне,
За все прошедшее в ответе,
За все грядущее — вдвойне.

Вы ждете время для удара,
Но наш удар сильнее стократ.
...В свистящем пламени пожара
Погибнет первым Герострат.

1960

И друг обращается к другу,
И песня выходит вперед,
И ходят стаканы по кругу,
И звезды ведут хоровод.

И светятся милые очи,
И очи, как звезды, горят.
И звезды о счастье пророчат,
О нашей судьбе говорят.

Ты знала тоску и потерю,
Ты песней входила в сердца,
Сегодня поверишь? Поверю.
В большую любовь до конца!

Не бойся. Не скроюсь из виду.
Всегда у тебя на виду,
Пешком обойду Антрактиду,
На Северный полюс приду.

И, веруя в добрую веру,
До синей звезды доберусь,
Хочу — полечу на Венеру
И снова на Землю вернусь.

Мне дела по горло. Мне дела
Не сделать всего никогда...
Но только б горела, горела
Высокая наша звезда.

Но только б светила, светила,
Звала, вводила вперед.
Спокойно восходит Светило,
И звезды ведут хоровод.

Гремят новогодние тосты,
И мой начинается тост:
«За звезды поднимем?»
 «За звезды!»
 «До звезд поднимаем?»
 «До звезд!»

1960

И у меня есть тоже дом,
Построенный с таким трудом.

Есть все, что в мире есть теперь, —
Но ветер страстивый рвется в дверь

И от домашнего огня
Зовет меня, зовет меня.

Он, как и я, из непосед.
Он мой двойник. Он мой сосед.

Метет метель. Идут дожди.
Не обижайся. Подожди.

Я ухожу опять. Прости.
Мне надо радость принести!

1960

К. Кулиеву

Снова крутятся колеса.
Паровоз развел пары.
Катят кубарем с откоса
Дыма белые шары.

Провода поют по следу
Песню ветра наизусть.
Я уеду. Я приеду.
К позабытому вернусь.

Я возьму себе на плечи —
И останется со мной —
Мир земных противоречий,
Трудной радости земной.

Я обета не нарушу,
В синей россыпи огней
Я войду в чужую душу
И свою оставлю в ней.

И отдам все, что успелось,
Что увидеть довелось, —
Чтобы пелось,
Как хотелось,
И любилось, как ждалось.

Этой быстрой жизни повесть
Мне знакома с давних пор.
Вечный поиск.
Скорый поезд
И зеленый светофор.

1960

Тесовые заборы.
Горбатые дома.
О Пушкинские горы!
Пуховая зима.

Здесь все для сердца мило:
И сосны, и пустырь,
И тихая могила,
И старый монастырь.

Я странствовал по свету.
Я видел белый свет.
И к своему поэту
Пришел держать ответ.

Не сетовать, не хвастать,
Не изливать души.
А просто молвить: «Здравствуй!» —
И постоять в тиши.

1960

ТЕПЛО

Поэма

В раздумье время протекло.
Стекло оттаяло.
Тепло.

Телеграфирует капель:
Апрель
И прель.
И птичья трель
Дрожит и рвется.
Мокрый снег
Сковал в ложбине хрусткий наст.
Ручей звенит.
Его разбег
Буравит снега толстый пласт.
Сугроб не выдюжит
И — сдаст.

Идет весна.
Она ясна.
В сверканье брызг
Она с тобой,
Как вечный риск,
Как вечный бой
С своею собственной судьбой
За жизнь и за ее судьбу.

День в журавлиную трубу
Трубит
И сводит в общий круг
Поля и воды,
Лес и луг.
Земной простор —
В его кругу.

Горит костер
На берегу.
Я свет
Люблю.

Люблю огонь.
Его привет
Моя ладонь
Привычно ловит на лету.
Я сердцем верю в правоту
Его души.
Тепло огня
Сродни душе моей.
Меня
Зовет,
Лишь только память тронь,
Незатухающий огонь.

Запасы памяти пестры.
Я видел разные костры:
Костры в снегу,
Костры в логоу.
Горит костер на берегу.

А день звенит,
А день поет.
Идет
Весенний перелет
Усталых стай,
Веселых стай.
Счастливого пути!
Согрей их, солнце,
Заблестай!
На целый свет свети!
Пусть каждый жажду жизни пьет
Из звездного ковша.
Идет
Весенний перелет.
Земля вздыхает.
Тает лед.
Душа ликует и поет.
Оттаяла душа.

Я вспомню, и не без причин,
И сыроватый дух овчин,
И сероватый дым лучин,
Заплаты из рядна,
Избу без крыши,

Огород.
И недород
Из года в год.
И нищета одна.
Везде — просак.
Чудак рыбак
Один на берегу.
Кулак — зажмет тебя в кулак,
Потом согнет в дугу.

Где правда?
Как ее постичь?

Но есть Москва.
В Москве Ильич.
«Не бог, не царь и не герой», —
А человек такой,
За мир большой
Горит душой
И за народ —
Горой.

И почесали кадыки.
И в путь пустились ходоки
Узнать, каков он есть.

Торить пути,
В Москву идти
Троим досталась честь.
О чем он с ними говорил
И чем их души покорил —
Не знаю.
Нет уже в живых
Живых на времена,
И на крестах сторожевых
Поблекли имена.

Но деревенский грамотей,
Мудрец наверняка,
Запротоколил без затей
Тот случай на века.

Когда вернулись ходоки,
Собрали мужиков.
— Какой же Ленин? —

Мужики
Спросили ходоков.
И секретарь на сотни лет
Взял все на карандаш
И в протокол занес ответ:
«Товарищ Ленин — наш!»
И дальше шло:
«Ввиду того,
Как сообщает Пров,
Что в кабинете у него
Есть печь, но нету дров,
Решаем:
С каждого двора,
Как предлагает Пров,
Собрать немедленно дрова,
В Москву направить дров,
Чтоб не страшил его ни дождь,
Ни холод моровой,
Чтобы в тепле работал вождь
Коммуны мировой».

Скрипел мороз,
И пел мороз.
И шел обоз —
За возом воз.
Он вез для Ленина тепло.
Кипело время.
И текло.
Стекло
Оттаяло.
Земля
У стен Московского Кремля
Дымилась паром.
Кирпичи
Цвели на солнце.
И лучи
Как дождь струились навесной.
И снег во сне дышал весной.
По луже плыли корабли.
Купались в луже воробьи.
Пекло еще не горячо,
Но голос пробовал скворец.
Ильич накинул на плечо
Пиджак.

Потрогал изразец.
На изразце увидел луг.
Тот луг ромашками пестрел.
Жизнь разворачивала круг.
Обычный круг
Обычных дел.
Гудел апрель
И брал разбег.
И ель
Отряхивала снег.
Как будто мелкая пыльца
Коснулась свежестью лица.

Он сел у звонкого огня,
Глаза ладонью заслоня.
Он протянул к огню ладонь
И думал у огня.
И шел березовый огонь —
Его души родня.

Он шел сквозь дым
На свет светил
И сам другим
Всегда светил.
И на кострах
Он душу грел
И сам,
Откинув страх,
Горел.

А время весело текло,
Горячее — огонь,
Когда он брал друзей тепло
В надежную ладонь.

Он был всегда не одинок
И дружбы не просил.
А просто чувствовал приток
К нему идущих сил
И откровенности простой.
Слова
«Товарищ, друг»
Не шли проситься на постой, —
Входили просто в круг.
И он среди сердец и книг,

Среди друзей постиг
Открытый мужества родник
И правды строгий лик.
Велик тот путь по целине
Забывшей стороны.
И, если мужество в цене, —
Такому нет цены!

Цени, идущий по следам,
Следы его кострищ.
Бери оставленное там —
И ты не будешь нищ.
Ищи зарубку на сосне,
Спеша, ступая в след.
Ни наяву
И ни во сне
Иной дороги нет.
По карте старый компас сверь
И флягу приготовь.
В грядущий день открыта дверь,
И песня гонит кровь.

Я тем на свете награжден,
Что был в семнадцатом рожден.
В двадцатый век,
На той земле,
Где на земной простор
Сквозь колкий снег
В промозглой тьме
Затешился костер.

Я вижу ночь.
И в той ночи
Сова кричит,
И тигр рычит,
Качается тайга,
И мчится лось,
Закинув вкось
Тяжелые рога,
Летит стремглав через кусты.
А над Амуром в ряд
В ночь комсомольские костры
Горят,
Горят,

Горят!
Я вижу ночь,
Я вижу свет,

Друзей упрямый крут.
И после боя партбилет
Вручает политрук.
Друг тихо стонет у костра
И отгоняет тьму.
И медицинская сестра
Воды несет ему.
И снег — как сон,
И ночь пуста.
Над лесом лунный дым.
И освещает свет костра
Дорогу молодым.

Я вижу стель —
Живой росток
В целинной борозде,
Ракеты вспышку,
Как цветок,
На гаснущей звезде.
В ночи сменяются посты
И провода гудят.
Горят походные костры.
Горят,
Горят,
Горят!

И я на этот свет бегу —
И на душе светло.

Горит костер на берегу —
Струит костер тепло.

А день звенит.
А день поет.
Идет
Весенний перелет.

Лед
Рвет
Река
И гнет

В дугу,
Крошит волной тугой.
Что я на свете не смогу,
То довершит другой.

Но навсегда,
Но навсегда
Останется со мной,
Как эта полая вода,
Мир ярости земной.
Как вечный риск,
Как вечный бой
С своею собственной судьбой
За жизнь и за ее судьбу.

День в журавлиную трубу
Трубит.
А в воздухе густой
Весны колыхнется настой.
Мир полон света и тепла.
Лучистой свежестью светла,
Идет весна
Как жизнь сама.
Гремят весенние грома
На буйном празднике Земли.

Пусть рвутся к звездам корабли.
Пусть каждый жажду жизни пьет
Из звездного ковша.
Идет
Весенний перелет.
Земля вздыхает.
Тает лед.
Душа ликует и поет.
Оттаяла душа.
Она прокладывает след
Для света,
Для тепла...
А песня что?
Огонь и свет.
И ей гореть дотла.

1960

СОЛОВЬИ В ЯНВАРЕ

* * *

Этот снег,
Эта снежность метельной зимы —
Словно нежность,
Которую прятали мы
От друзей,
От себя,
От тревог и обид.
Белый снег.
Белый свет
Полушалком обвит.
Снег горит хрусталем
И звенит хрусталем,
И мороз по долинам
Идет кустарем.
Мне не след в эту ночь
Расставаться с тобой.
Наша юность
Военной отпела трубой.
Нашу юность
В сугробах метель замела.
Наша юность
Как первая песня была,
Как признание в любви,
Как сиреневый дым.
К синим звездам
Лететь предстоит молодым,
И твою мечтой,
И моею мечтой,
Словно звездной,
Ликуя, дышать высотой.

* * *

Над туманной водой
Прокричал козодой.
Ты была мне далекой
И верной звездой.

Средь далеких светил
Мне огонь твой светил.
Я любовью своей
Твой огонь освятил.

Я тебя сторожил,
Как земной старожил.
Я одною тобою
И грезил, и жил.

Над туманной водой,
Над седой лебедой
Ради встречи с тобой
Я встречался с бедой.

Ты пришла, чтоб уйти
По другому пути,
Мне другого пути
За тобой не найти.

Я с тобою вдвоем
В древнем сердце моем
Согреваюсь твоим
Отраженным огнем.

* * *

Ты мне всегда писала: «Будь!»,
Заканчивая письма.
И всей земной тревоги жуть
Тогда лишалась смысла.

И на распутье роковом,
Освободив ветрила,
Мела метель в сороковом
И в сорок первом била.

Снега сошли и смыли след,
Но, сердцем верный чуду,
Кричу тебе сквозь двадцать лет:
«Я был! Я есть! Я буду!»

Я на полслова не солгу
Пред тем, что в песне спето.

И крик теряется в снегу,
И глухнет без ответа.

* * *

О песня! Служба связи,
Союзница любви.
Как сказано в приказе,
Все нити оборви.

Оставь хоть только волос,
Я вновь его совью.
И на морозе голос
Вернется к соловью.

* * *

Сегодня молодость моя,
Грядущего паломница,
Ушла в далекие края
И не дала опомниться.

Не запятнала свой престиж
И словом не ославила.
Кустарник рыж. В снегу от лыж
Лишь только след оставила.

Метет метель на след в снегу,
А я по следу следую.
Я задыхаюсь, но бегу,
Как спринтер за победою.

Лишь только звездный пересверк.
И некогда опомниться.
Идет дорога только вверх,
И наверху — виновница.

* * *

В природе опять перемена!
С утра начинается снег.
И хочется крикнуть: «Елена!»
В горбых сугробов разбег.

Дрожит придорожная вежа,
Лесная молчит полоса,
И прячут ответное эхо
В морозном узоре леса.

И только над ночью глубокой
Высокой звезды острие,
Как свет твоей жизни далекой,
Проходит сквозь сердце мое.

* * *

Успехи и потери.
Звезды высокой цель.
Опять стучится в двери
И ломится метель,

Я выхожу наружу,
На белое крыльцо,
И окунаю в стужу
Открытое лицо.

И снова верю в лето,
И повторяю вновь,
Что песня не допета,
Не кончена любовь.

Грохочут сквозь тоннели
Ночные поезда.
И манит к дальней цели
Высокая звезда.

* * *

Как длинны морозные ночи!
Как жутко в морозной ночи
В седом буреломе хохочут
И гибель пророчат сычи...

В разладе, без склада и лада
Кричат с обгорелой сосны.
Кошмарами Дантова ада
Земные наполнены сны.

Прислушался лес корабельный,
И тихо, без просьбы помочь,
Возникнув, мотив колыбельный
Вплывает в совиную ночь,

И греет морозные ночи,
И страх отгоняет в ночи,
И тушат совиные очи
Спокойного солнца лучи.

* * *

Ты не смейся:
Я с детства люблю чудеса.
В шапках снега — леса,
И в заре — небеса.
Пусть разбудят тебя
На холодной заре
Соловьи в январе
И леса в серебре.
Соловьиная песня
В морозном снегу.
Здравствуй, сердце мое!
Я тебя сберегу.
Я тебя охраню
От разлук и обид.
Окоем алой лентой восхода обвит.
И слюда на стекле,
И в слюде резеда,
В резеде полуночная тает звезда.
И с тобой обручен,
И тобой обречен,
Я стою за твоим
Потеплевшим плечом.
Поделю плечо
Горячо-горячо,
Столько раз
Выручавшее песню плечо.
Ты услышишь опять на холодной заре
Соловьев в январе,
Соловьев в январе.

Разбудит нас с тобой
И околдует нас
Тишайшей тишиной
Передрассветный час.

Ни свет и ни заря,
Ни полночь и ни день.
Как стих из букваря,
Как легкой тени тень.

Как первый взмах ресниц,
Как удивленный взгляд
Нетронутых страниц
Насущный мед и яд.

И сердце позовет
Сумятицей дорог
Идущий день забот,
Грядущий день тревог.

1961

РАЗНОТРАВЬЕ

ТРЕТИЙ

Ф. Эрлеру

Светло и тупо — в первый раз —
Я так тебя любил,
Но между нами, среди нас
Какой-то третий был.

Он не дарил тебе кольцо,
Я не видал его в лицо,
Но он существовал, —
Сидел и пил мое вино,
Сквозь ночь глядел в мое окно
И за спиной стоял.

Когда я полз за «языком»,
Промокший от росы,
Он, этот третий, незнаком,
Когда я полз за «языком»,
Следил за мною, сжавшись в ком,
С нейтральной полосы.
Среди обыкновенных дел
Мне этот третий надобел.

Я с миром, с собственной судьбой,
С кем хочешь, с богом и с тобой
Хочу лишь быть вдвоем.
Нам надо быть вдвоем!
Попробуй этот мир разрушь!
За что мы нынче пьем?
За поединок наших душ,
За... просто быть вдвоем.

РОССИЯ НАЧИНАЕТСЯ ВОТ ЗДЕСЬ

Ах, север, север!
Кто тому виной,
Что я с твоей не виделся Двиной?

Над Белым морем
Белой ночи свет.
За кораблем
От белой пены след.
Как тихий сон,
Сквозной полутуман
На плоский берег стелет океан.

Как светлый взгляд
И как полунарек,
На берегу сигнальный огонек.
И день, и ночь
Сплетаются в одно
Беленое льняное полотно.
И сказка
Умывается росой,
И сказка
Обрамляется косой,
Глядит в глаза
Бездонной глубиной
И берегом проходит
Над Двиной.
Мне открывали
Суша и вода
Заморских стран
Немые города.
Я видел Лувр,
Глазел на Колизей,
Делил с друзьями
Трапезу друзей,
В лазурной
Задыхался высоте,
Награбленной
Дивился красоте.

Ах, север, север!
Я тому виной,
Что до сих пор не виделся с Двиной.
Твоя душа
Моей душе родня, —
Мы одного, негромкого, огня.
И мне,
Случится,
Над твоей Двиной

Учиться
Надо глубине иной.
Спокойной,
Благородной глубине.
А солнце не заходит на Двине.
Оно не может царственно блистать.
Оно — как ты.
Оно тебе под стать.
Есть в этом свете
Мир и чистота,
Великая земная красота,
Которая вполголоса поет,
Но за живое,
За душу берет.

Ах, север, север!
Сказки колыбель.

Россия начинается отсель.

Ее характер
И ее добро —
Как этой белой ночи серебро,
Которое струится, не звеня,
И песней песен
Трогает меня.

МОЯ ПЕСНЯ ОБ ОЛЬГЕ КАЛАШНИКОВОЙ

С. Гейченко

Ах, как мне жаль тебя, сердешную!
И благородна, и тиха,
Ты расцвела вишней вешнею
И дожидалась жениха.

И он пришел к тебе несватанный,
И заглянул в твои глаза.
Увел на луг, в тумане спрятанный,
И не повел под образа.

Ты все забыла. Все забросила.
Все растеряла в той ночи.

И звезды падали в прокосева.
Перекликались дергачи.

И в том лугу, тебе подаренном,
Под той зеленою сосной,
На той траве он был не барином,
А ты — не девкой крепостной.

Вы были словно царь с царицею,
И вся земля венчала вас.
Звезда на ветку села птицею
И охраняла этот час.

Ты знала встречи осторожные, —
Восторг и слезы без конца,
И взгляды матери тревожные,
И справедливый гнев отца.

И твой позор подруги видели.
Смеялись, в зависти скорбя.
И за другого замуж выдали,
Как в ссылку вечную, тебя.

Любовь и горе в мире меряно
Одною мерой не шутя.
И где в миру твое затеряно
В грехе рожденное дитя?

Не знают этого ученые.
У них другой в науке крен —
Все спорят, головы моченые,
Об озаренье Анны Керн.

О том строчат в своей обители,
Что бог на душу положил,
А Пушкин сам до смертной гибели
Все об одной тебе тужил.

Последний раз подушку комкая,
В своем бреду тебя кричал,
Но, правду скрыв перед потомками,
О том Жуковский умолчал.

Бог с ним. Вы родились неровнями.
Забытый быт. Проклятый век,

...Пушистый снег летит за дровнями,
И звезды падают на снег.

Он жил, страдал, любил, и каялся,
И клялся в верности навек,
И изменял, и этим маялся —
Земной и грешный человек.

Мы все такие. Я, не прятая,
Сам про себя шепчу слова,
Что где-то есть и мной примята,
Непозабываемая трава.

Хожу один по снежной замети,
По сонной Сороти брожу.
И в этом мире, словно в памяти,
Твой милый образ нахожу.

И вдруг спокойно озарение
Само приходит по себе,
Что чудо — «Чудное мгновение» —
Одной написано тебе.

ПОДЗЕМНЫЙ ПОЖАР

К. Коничеву

Июль был жарок, как Сахара.
В жаре, без водного пайка,
Как бы в предчувствии пожара,
Желтела старая тайга.

И он возник. В глуши, проворный,
Пошел хозяйствовать огонь.
Клубился дым, густой и черный,
Ползла удушливая вонь.

Лес задыхался в том угаре,
Охвачен огненной волной.
Но, как спасение, ударил
По лесу ливень проливной.

Единоборствуя с пожаром,
Хлестал, открытый и нагой.

Шипя, дымился белым паром
Под мокрым мохом перегнутой.

Огонь, казалось, стал покорней,
Но, распаяясь — мечь за мечь, —
Он в рыжий торф ушел под корни,
Ушел и след сумел замести.

И там пошла его работа,
Непоправимая беда.
И закоробилось болото,
Как на углях сковорода.

И сосны, вздрагивая редко,
Не в силах вынести жары,
Текли смолой, роняли ветки
И вылезали из коры.

Огонь не выбрался наружу,
Не заметался, как петух,
Он сам себя не обнаружил,
Он сделал дело и потух.

В золу забился, в пепел стертый,
Кольцом свернулся и исчез.
Потом я видел этот мертвый,
Безрукий, прокаженный лес.

Ни птичьим свистом, ни трубою
Не оглашалась эта тишь.
...Какая почва под тобою?
Поосторожнее... Сгоришь!

СТИХИ О ТИХОЙ ЗАВИСТИ

Дымятся паром парапеты,
Исходит запахами сквер,
Стоит, как страж ночной планеты,
Бессонный милиционер.

На нем мундир белее пены,
Околыш красный, как заря.
Его движения степенны
И отработаны не зря.

Он страж порядка, гений власти,
Воров и жуликов напасть.
Он стойк, поборовший страсти,
А в город просочилась страсть.

Она уже околдовала
Два сердца молодые впрок.
Вдоль Грибоедова канала
Они бредут, не чуя ног.

Они одни. Им все возможно.
Такая ночь одна в году.
Они целуются безбожно
У строгой власти на виду.

А власть молчит. Свистеть не хочет,
Не принимает строгих мер.
Как председатель белой ночи,
Вздыхает милиционер.

Отходит медленно в сторонку,
Подожвой в камень не стучит
И тем двоим один вдогонку
С великой завистью молчит.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Мой друг, мы видимся не часто,
Но мне известно, как тебе,
Что ты к моей судьбе причастен,
Как я живу в твоей судьбе.

Ты знал войну. Ты был солдатом.
И разберешься наперед
В том, чем и где полезен атом
И чем опасен водород.

Хранится в памяти упорной
Войны прошедшей каждый день.
И первый бой у речки Черной,
Ночная стычка за Кипень.

И как ты полз, теряя силы,
В покрытых копотью снегах.

И безымянные могилы
Друзей на многих берегах.

И день Победы в тучах пыли,
Разбитый бомбами рейхстаг,
Там, где мы подписью скрепили
Мир, утвержденный на костях.

Как ты из госпиталя плелся,
Последний выстрел обругав,
И по карману ворсом терся,
Болтаясь по ветру, рукав.

Ну что ж! Мы говорим не с болью:
Такая жизнь досталась нам.
В ней было больше крови с солью,
Чем хлеба с маслом пополам.

Над нами солнце. Мир просторен,
И урожай в полях поспел.
Ты много на земле построил
И много сделать не успел.

Все та же почта полевая,
И ты кочуешь до сих пор,
С пути открытки посылая,
Прораб строительных контор.

Ты участлив жить на белом свете
Открыто, просто, на виду.
Вокруг тебя лепечут дети,
И соловьи поют в саду.

Земля! Зеленая планета.
И всюду надобно поспеть.
И столько песен перепето.
И столько требуется спеть!

Еще продажные писаки
Несут подмоченный товар,
За мертвый ужас Нагасаки
Тройной сгребая гонорар.

Ползет землей тлетворный запах,
Он тяжелой тучею навис.

Постой, подумай, старый Запад,
И, Новый Свет, остановись!

Нас тьмы. Нам равных в силе нету.
И мы на радость молодым
Свою зеленую планету,
Весь мир в обиду не дадим!

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Траве расти, и женщинам рожать,
И соловьям свистеть рассветной ранью.
Пройдет вся жизнь моя, а я все буду ждать
Своих друзей, оставленных за гранью
Слепых огней и вечной тишины,
Откуда нет моим друзьям возврата.
Но наши души не разобщены, —
И мертвый брат живого кличет брата.
О, соловьиный щелк на утренней заре,
Свист пеночки в черемуховой дрожи!
Окопный дым — и вся земля в золе.
Два сердца. Две любви, как две росинки, схожи.
Нет, не тоска! Немая песнь души,
Живых и невозвратных связь живая.
На перекличку дружества спеши,
Моей души любовь сторожевая.
Я боль тревоги до конца несу,
Чтоб никогда и никакая сила
Июньскую тишайшую росу
В черемухе цветущей не спалила.

22 ИЮНЯ

Месяц песен июнь,
Соловьиная лунь,
Мне в открытую душу
Черемухой дунь!
В эту белую ночь
Тишиной заморочь,
Дай мне песню,
Чтоб в радости людям помочь.

Уведи за плетень
В голубую сирень
И ромашкой одень
Наступающий день.
Словно первой слезой,
Заревою росой
На траве просверкни
Под стальной косой.
Шумом ливней и гроз
В океане берез
Смой все горе,
Что я по дорогам пронес.
Через двадцать годов,
Через сто городов
Мне гудели о нем
Миллион проводов.
Ты мне — друг.
Ты мне — враг.
Ты мне — песня и стяг.
Ты мне — тихие звезды
На братских костях.
Не внимая речам,
Не шатаясь к врачам,
Двадцать лет я не сплю
По июньским ночам.
Ты мне должен помочь.
Ты обязан помочь.
«Спи спокойно!» —
Скажи мне в двадцатую ночь.
Чтоб я спал,
Чтоб я встал,
Чтобы мир заблестал,
Как в чистой росе
Отраженный кристалл.

* * *

Упрям и вечен, жёсток и жесток
Слепой закон земного притяженья.
Но вновь летит меж звездами «Восток»
Быстрее моего воображенья.

Он Землю помнит в мелочах примет,
Своей души от них не отделяя.

Как сын Земли, он шлет Земле привет,
Всех радостью по-братски оделяя.

Он видит свет зарниц своей Земли,
Ее тревоги и ее обузы.
И ревом бьют в космической пыли,
И синим светом полыхают дюзы.

И свет лучей, как лезвия мечей,
Пространство режет, пропадая где-то.
Он выше распрей, выше мелочей,
Поэт и бог, «дитя добра и света».

Упрям и тяжек, жёсток и жесток
Слепой закон вражды и отчужденья.
Между сердцами вновь летит «Восток»
Быстрее моего воображенья.

Его порыву в мире нет конца,
Он льется равно на моря и суши,
Надеждой загораются сердца,
И страх дрожит, и прозревают души.

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

1

Каштаны Киева не свадебные свечи.
Подснежники сегодня не для нас.
И время, окрыляющее плечи,
Как ни крути, а юность не отдаст.

Она давно сгорела и согрела
Случайных встреч походную тоску.
Ушла к другим отчаянно и смело
По мокрому кровавому песку.

Я не виню судьбу свою. Не надо
Кощунствовать над памятью слепой.
Наверно, ты — последняя отрада,
Мгновенный отсвет радости скупой.

Огонь души да будет чист и светел.
Его нельзя ни выдать, ни предать, —
А только можно, сдунув серый пепел,
Подсвечникам каштанов передать.

2

О, для любви есть ночи и молчание,
А мне не нужно ночи — нужен день
И свет такой, чтоб на мое отчаянье
Твоей обиды не ложилась тень.

Чтоб я летел опять своей орбитой,
Своей любви и страсти господин,
Чтоб я всегда любил тебя в открытую —
Перед людьми и звездами один.

Ты мне в ночи сверкнула, словно молния,
Спасение и новая напасть.
Таким огнем глаза мои наполнила,
Что надо мною потеряла власть.

И нашу жизнь, неспетую и разную,
Как школьник прочитав по букварю,
Я, позабыв про все на свете, праздную,
Мгновеньям и столетьям говорю,

3

Во все концы летят мои пути
За неоткрытой радостью в погоне.
«Мне надо розы в Киев завести», —
Твержу себе на каждом перегоне.

Мне все равно, их ждут или не ждут
На том обрыве, где, расправив плечи,
Капитаны выпрямляются, и жгут,
И осыпают медленные свечи.

Их ветер с понизовья ворошит,
Кузнечики токуют на откосе.
Не знаю я, зачем она спешит,
Куда ее нелегкая уносит.

Я об одном прошу ее: «Прости
Мою тоску и поздние печали.
Мне надо розы в Киев завести,
Чтобы они бесследно не увяли».

4

Сердце бьется и мечется,
Сердце тает в огне.
Ночь — плохая советчица,
Не советница мне.

Мне не надо советников
Ни ночных, ни дневных,
Десять тысяч бессмертников —
Солнца плавают в них.

Мальвы звездами светятся
Из ночной темноты.
Ты одна мне советчица
И ответчица — ты.

Разве можно опомниться,
Убежать от огня?
Не печалься, виновница
Незакатного дня.

5

В изголовье подушка не смята.
Снова ночь уподобилась дню.
Ты в тревоге моей виновата.
Я в тревоге тебя не виню.

Сквозняками продута квартира,
И, открытому сердцу родня,
Все печали и радости мира
В соучастники просят меня.

Разве можно от них отвернуться,
Заслониться от солнца рукой?
Только мысли мятутся, и бьются,
И приветствуют тот непокой.

Эта ночь беспокойством объята,
И пронизана звездами тьма.
Ты в тревоге моей виновата,
Но об этом не знаешь сама.

6

Ну что ж! Спешу. Лети своей дорогой,
И пой, и плачь, и смейся до конца.
И в слепоте святого чувства трогай,
И будоражь, и окрыляй сердца.

Будь кем угодно, делай что угодно, —
В твоей победе будет мой успех,
Ведь красота не может быть бесплодна, —
Она навеки связывает всех.

Нет для нее границ и расстояний.
Она моя, она в моей крови.
И что мне наказание расставаний
И время, неподвластное любви!

Мир ждет тебя. Добра и счастья сила
Встречает соловьиною зарю.
Ты мне себя случайно подарила —
А я весь мир тобою одарю.

P. S.

Тебе досадно —
Юность не вернешь.
Ушла — и ладно...
Нет, не ладно, врешь!

И мир в пути
Не взят и не воснет.
Ты спутник, так лети
Своей земле вослед.

Сквозь пелену
Тумана на заре.
А мир в плену
У точек и тире.

И небо звездно.
Звезды как шмели.
Капитаны поздно
Слишком зацвели.

1961

ВОСПОМИНАНИЕ В МЕТЕЛЬ

Не бойтесь бурь! Пускай ударит в грудь
Природы очистительная сила!

Н. Заболоцкий

1

Метет, метет, и нет конца метели.
Лебяжий пух летит наискосок.
Была жара. В истоме сосны млели,
И волны расшибались о песок.

Блестели камни. Отмель в белой пене
Бегущих волн. Спокойна и сильна,
Всею светлой страстью на твои колени
Накатывала царственно волна.

Ты ни о чем не думала. Ты пела.
Все цело в мире — солнце и трава.
Той радостью, открытой до предела,
Моя душа, моя печаль жива.

Ты все взяла. И все, смеясь, расторгла.
И убежала, рассыпая смех.
Метет метель. И отзвуком восторга
Волна с песком замешивает снег.

2

Живому — жить! А красоте — тревожить.
Метели — снегом память засыпать.
Но луч сверкнул, и мир забытый ожил,
И сказка начинается опять.

Она идет по берегу залива
Через метель и ветер босиком.
Гудит сосняк, и чайки у обрыва
Пронесются крикливым косяком.

Она идет одна своей тропею,
Сутуля плечи и потупя взгляд.
Ей холодно, но под ее стопею
Серебряные ландыши звенят.

Шуршит шуга, и застывают мели.
Седой мороз захватывает дух.
Метет метель, и нет конца метели,
И след заносит лебединый пух.

3

Куда ты? Стой! Еще мне весны снятся.
Я не скажу, как я тебя люблю.
Еще я верю, что придется сняться
И в океан податься кораблю.

Ты все равно не скроешься из виду.
Окоченев на ледяном мысу,
Слеплого отчужденья Антарктиду
Я отогрею и тебя спасу.

Пусть лодманские карты не готовы
И лотами не вымерено дно.
Поют котлы, и отданы швартовы,
А якоря — обрублены давно.

Что океан! Мы не такое смели!
Лишь только память растревожь и тронь.
Метет метель, и светятся в метели
Твои глаза, как топовый огонь.

4

О юность! Хорошѣй
Своею песней громкой.
Моя — между траншей
Засыпана поземкой.

Моя давным-давно
Подорвалась на мине,
Но оживает все равно
В твоём помине.

Я узнаю ее опять
В твоей повадке.
Лишь только бы не отставать
И — все в порядке.

Лишь только бы к щеке щека
И губы в губы.
Отчетливо издалика
Ликуют трубы.

Метет метель. А с далью даль
Я песней сметил.
Твой чистый смех — моя печаль.
Костер и ветер!

5

А ночь темна, сутробы сипи.
Заметены пургой следы.
Звенят арктической пустыни
Морозом кованные льды.

Одна звезда скрипит на округ.
Поземка скрадывает скрип.
И льдиной делается окрик,
И примерзает к горлу крик.

И ночь темней, и снег синее.
Свистит, бесчинствуя, зима.
Ты во сто крат меня сильнее,
И ты спасешь меня сама.

6

Я говорю снежинкам и планетам,
Тебе и мне, и повторяю вновь:
Нет времени, я убедился в этом,
Есть вечный путь и вечная любовь.

Как первопутки, сходятся орбиты
Планет и душ у вечности во мгле.
Мы даже в сокровенности открыты
Для всей вселенной на своей Земле.

Мы на дороге этой не случайны,
Самих себя неведением томим,
В самих себе отыскиваем тайны
И ключ свободы подбираем к ним.

Нам нет конца. Нет откровенью сметы.
И вечен путь. И тяжек песни груз.
Метет метель, и кружатся планеты.
И смерть себе придумывает трус.

7

Как пламя каганца,
В окне звезда скучала.
Нет у любви конца,
И нет любви начала.

Тобой рожден
И вынянчен тобою,
Я пригвожден
К твоей судьбе судьбою.

Сквозь дебри книг,
Через огонь и стужу
Ты, как родник,
Из-под земли — наружу.

И ты со дна
Ко мне, моя затея,
Идешь одна,
Загаром золотея.

Звезда и цель,
Мои пути и сроки.
Метет метель
И обжигает щеки.

О, как они свежи
И горячи с мороза.
«Люблю!» — скажи.
Все остальное — проза!

1961

ЛАСТОЧКИ НАД КАРНИЗОМ

Л. И. Бернсову

1

Что было верным, что неверным,
Спроси, — душой не покривлю.
Не знаю я, кто в мире первым
Губами вылепил: люблю.

Не знаю я, как в мире рос он,
Чем был богат и обделен,
Тот первый лирик и философ
И оптимист для всех времен.

Он был воистину предтечей,
Звездой сердцу и уму.
И все поэты, всех наречий,
Во всем обязаны ему.

Как хочешь, первым иль не первым,
Своей судьбой за ним спеши.
Корнями трав уходят нервы
Во глубину глубин души.

2

О, ласточек на утренней заре
Неугомонный щебет по карнизам!
На пепле жизни, на ее воле
Сирень бушует в оперенье сизом.

Мир неделим сегодня. Без дробей
Обходится и остается целым.
Душа моя становится добрей
У будущего мира под прицелом.

О память сердца, душу вороши,
Чтоб день грядущий не ушел из виду.
С тревогой переполненной души
Росою смой вчерашнюю обиду.

Ответ любовью на призыв любви.
И сердцем к сердцу помоги добраться.
И если я достоин, позови
На праздник человеческого братства.

3

Любовь не знала страха,
Хоть ей с далеких пор
Прислуживала плаха
И кланялся топор.

И круговой порукой
К ней ластилась петля,
Отчаяньем и мукой
Ее глаза светля.

Тоска невыносимо
Терзала горячо
И пеплом Хиросимы
Ложилась на плечо.

Но медом пахнут губы
У юности в строю.
На побережье Кубы
Я с будущим стою.

Любовь не знает страха,
И отвергает страх,
И восстает из праха,
И оживляет прах.

4

Мы нашу землю мало бережем.
О, люди, люди!
Безумие! Заржавленным пожом —
По материнской груди!

Не тронь росу. Сама сойдет роса
С кустов ракиты.
Мы рвемся в космос, Небеса
Любви открыты!

Да, для любви. Нам души жжет
Огонь победы.
И только чистых в гости ждет
Созвездье Леды.

И откровенности самой
Подходят сроки.
Поэты начинают бой —
Любви пророки!

5

Опять я в неизвестность лезу,
Зову, отчаявшись, опять:
Стихи! Мне нужно до зарезу
Весь мир с любовью срифмовать.

Мне нужно, поборов усталость,
Не обрывая с прошлым нить,
Все, что досталось и осталось,
С грядущим днем соединить.

В степи горят жарки, и жарки
Ромашек первых острова.
И светлым голосом Петрарки
Шумит весенняя трава.

6

Фанерные звезды истлели.
Им вновь загореться нельзя.
Покоятся в вечной постели
Мои боевые друзья.

И низкие, близкие тучи
Вечернюю теплят зарю.
И песней своею горячей
Я с прошлым своим говорю.

На всех перекрестках планеты,
Как рыцари, в землю легли
Любви и Свободы поэты.
Но к звездам идут корабли.

Еди́на доро́га Побе́ды,
Как врезанный след борозды,
К созвездию призрачной Леды
От пещла фанерной звезды.

1961

ОРБИТА

Венок сонетов

...Чтоб всей вселенной шла любовь!

В. Маяковский

1

То, что давно душой моей владело,
Строкой сонета пролилось на свет,
Твоей судьбой наполнился сонет.
Сама собой душа моя запела.

И память сердца повернула смело
В огонь моих отгрохотавших лет.
Прошедшему решительное «нет!»
Мне не сказать, как ты того хотела.

Я им живу светло и непреложно,
Как только можно светлым чувством жить.
Хоть для тебя в венок его сложить

И положить на память осторожно.
Любить — нельзя. И позабыть — не можно.
Совсем забыть? Немыслимо забыть!

2

Совсем забыть? Немыслимо забыть
Певучий строй твоей негромкой речи.
Она легла, как два крыла, на плечи,
Но я не знал, куда по ветру плыть.

Как все решится: быть или не быть?
Как мир твоей душе очеловечить,
Наполнить песней робость первой встречи
И эту радость для других открыть?

Наверное, сравнима только с песней
Сердца двоих связующая нить.
Но как ее от всех тревог хранить?

Я не умел. Я понимал, что если
Она порвется, может быть, уместней
Свою тоску веревочкой завить?

3

Свою тоску веревочкой завить,
Бежать себя — позорно и обидно.
Тоска слепа. В ней ничего не видно.
Она не может ясности явить.

Обиду помнить, ненависть копить,
Завидовать другому — незавидно.
Тоска не грех, и тосковать не стыдно.
Мудрей ее в самом себе убить.

Не много толку память тасовать.
Отчаиваться — не мужское дело.
На все смотреть и трезво, и умело,

Все вовремя ценить и понимать
Не каждому доступно. Тосковать?
Не раз уже пытался. Надоело.

4

Не раз уже пытался, надоело
В упор других укорами колоть,
Своим упорством свой порыв бороть,
Сквозь дебри пробираясь неумело.

Я мир хотел переименовать смело,
По-своему его перемолоть,
Чтоб вместе с мыслью ликовала плоть,
Чтоб все на миг пылало и немело.

Твоя над жизнью простиралась власть.
Она меня всего забрать сумела.
И снег летел. И мир лепил из мела.

И холодил. И засыпала страсть —
Моей души спасенье и напасть.
Я, глупый, думал — сердце отгорело.

5

Я, глупый, думал — сердце отгорело
И радость жизни изменила мне,

Понять весь мир земной и — не таить,
И клад победы передать соседу.
Билет бессрочен, и я снова еду,
И ветру пыль дорожную клубить.

По тем дорогам, где я помирал,
Где ты опять вдувала душу в тело,
В глаза глядела и опять летела

По городам, по странам, по мирам,
Через хаос разрух и тарарам,
Как свет зари, которой нет предела.

8

Как свет зари, которой нет предела,
Ты целый мир заполнила собой.
И бой умолк, и радостный отбой
Труба победы над землей запела.

Земля цвела и урожаем спела,
Гудело небо глыбой голубой,
И радуга пологою дугой
Два океана крыльями задела.

И этот день, мелькнувший мне однажды,
Я до конца не выдам, не предам.
По звездам, по мирам, по городам

Мне суждено всей силой горькой жажды,
Огнем любви, ее дыханьем каждым
Хранить тебя наперекор годам.

9

Хранить тебя наперекор годам,
Идти по свету, сердцем не старея,
И петь любовь, мечтой в грядущем рея,
Свой лад души отдать ее ладам,

Пескам пустыни и полярным льдам,
Где океан гремит, как батарея,
И ураганы, тучами бурей,
Прносятся по каменным грядам.

Лететь туда и против волн грести,
Не ждать победы с золотого блюда,
А взять ее и, возвратясь оттуда,

Глубок стихий зажать в своей горсти
И песню о победе принести
Как самое невиданное чудо.

10

Как самое невиданное чудо,
Как жизни человеческая суть
Любовь моя. Ее упрямый путь
Случайного чурался пересуда.

И задыхалась ревность, как Иуда,
И радостью переполнялась грудь,
Когда ты снова улыбалась. Будь
Всегда со мной. Не уходи отсюда.

На всех дорогах ты была моей,
И всех сомнений рассыпалась гряда.
Пока я жив и вижу мир покуда —

Мне дальше, не бросая якорей,
И плыть, и петь среди иных морей.
Мне не страшна осенняя остуда.

11

Мне не страшна осенняя остуда.
Я верую, что времени песок
Последний отсчитает волосок —
И рухнет мир насилия и блуда,

И справедливость встанет
из-под спуда.

И жаворонка, строен и высок,
Вселенная услышит голосок,
Исполнена таинственного гуда.

Страсть обновленья мира понемногу
Осилит боль и зарубцует шрам.
И вечный мир поправится от ран.

Оправдывая всю мою тревогу,
Пусть молодость торопится в дорогу.
Пусть бьется ветер в переплеты рам.

12

Пусть бьется ветер в переплеты рам
И ненависть удар готовит в спину.
Я оглянусь. Я занавес раскину,
Срывая маски закулисных драм.

Я передам тревогу по рядам,
Оцепененье ужаса отрину.
Не хватает света — факел сердца выну,
Чтобы дорогу перекрыть ветрам.

Нигде покоя сердце не искало,
Пристрастное к походам и кострам,
К далеким странам, к дальним поездам,

Оно одним движеньем ликовало.
Оно зовет. Ему вселенной мало.
А я тебя вселенной не отдам.

13

А я тебя вселенной не отдам.
Я дам тебе вселенную в подарок.
Свет наших дел неистребим и ярок.
Он озарил грядущее. И там

Я передам своим потомкам сам
Свист соловья и запахи фиалок,
Строй четких формул мира без помарок
И ключ надежд ко всем его путям.

Нет, я не сумасшедший! Я поэт.
Я самый грешный из земного люда.
Пусть ненависти рушится запруда.

На сорок бед даю один ответ —
Что есть любовь и смерти в мире нет,
Пока я есть и слово есть покуда.

Пока я есть и слово есть покуда,
 Тебе не будет жизни без меня.
 Я знаю, что, души не изменя,
 Слетает отчуждения полуда.

Не все вино разлито из сосуда,
 И пепел бродит яростью огня.
 Огонь переливается, звеня,
 И ты стихи преображаешь в чудо.

И на мою судьбу ложится свет
 Твоей судьбы, твоих души и тела.
 Ты прошлого возврата не хотела?!

Оно пришло, ступая следом в след.
 Венок готов. И вложено в сонет
 То, что давно душой моей владело.

То, что давно душой моей владело,
 Совсем забыть? Немыслимо забыть!
 Свою тоску веревочкой завить?
 Не раз уже пытался. Надоело.

Я, глупый, думал — сердце отгорело,
 Цветам засохнуть, бурям не трубить.
 Нет, мне тебя единожды любить,
 Как свет зари, которой нет предела.

Хранить тебя наперекор годам,
 Как самое невиданное чудо.
 Мне не страшна осенняя остуда.

Пусть ветер бьется в переплеты рам.
 А я тебя вселенной не отдам,
 Пока я есть и слово есть покуда.

ОСТАНЕТСЯ ЛЮБОВЬ

Поэма

Алексею Соколову

1

Всю ночь в осенней óпали
У самого села
Метель гуляла во поле,
И зла, и весела.

Метель гуляла, тешилась
Над прахом всех потерь.
На шею ветлам вешалась
И билом била в дверь.

И голосами грубыми
В морозном треске льдов
В трубе трубила трубами
На тысячу ладов.

Ревела. Пела. Охала
И таяла у глаз.
И где-то рощи около
Под утро улеглась.

Все сны ночные вызнала,
Засыпала лога.
И солнцем в стекла брызнула,
И обожгла снега.

В полях откуролесила.
И на кусты скорей,
Как яблоки, развесила
Румяных снегирей.

Над белою поленницей
Поставив на ветру
Освобожденной пленницей
Пуховую ветлу.

Сверкнуло солнце углями.
И расцвело светло
Тропическими джунглями
Холодное стекло.

Мороз прошел проказником, —
Узорная резьба.
И вдруг запахла праздником
Сосновая изба.

Оранжевый и розовый,
Веселый, как гармонь,
Заголосил березовый
На кирпичах огонь.

И мать, как лебедь бережком,
С крыла стряхнув росу,
Расчесывает бережно
Тяжелую косу.

И солнечные полосы.
И зайчики ребят.
И золотые волосы,
Как водопад, до пят.

И синих глаз сияние.
И теплых рук полет.
То взлет, то замирание.
Вполголоса поет.

Как волос, голос стелется
И замирает вновь:
«Все в мире перемелется,
Останется любовь».

2

Смерть в душу бьет без промаха,
Глаза ее пусты.
И сыплет снег черемуха
На темные кресты.

Земля зияет яминой.
Дождем пронизан день.

И над могилой маминей
Склоняется сирень.

Чем я ее обрадую?
Чье горе солоней?
За каменной оградой
Защелкал соловей.

Поет себе — не ленится,
Ему не прекословь:
«Все в мире перемелется,
Останется любовь».

И не дает опомниться,
Боль бередит сильней.
Но песней сердце полнится
И оживает в ней.

И по осенней наледи,
И голоден, и бос,
Я эту песню на люди
В душе своей унес.

Я с ней прошел над пропастью
До самого конца.
Она служила пропуском
И в двери, и в сердца.

И вот ее приметили,
Услышав в первый раз,
И на любовь ответили
Любовью без прикрас.

О, юность — буйство удали,
Начало всех начал!
На звонкой речке Нудали
Я сказку повстречал.

Тишайшую, несмелую.
Любя и не любя,
Она стояла, белую
Ромашку теребя.

Она стояла тонкая,
И радость, и беда.

И заливалась звонкая
Студеная вода.

Она стояла светлая,
Вся в солнце и росе.
Для всей земли приметная
Во всей своей красе.

Со всей своей нетронутой,
Невысказанной, той,
Как облако над омутом,
Чистейшей чистотой.

Ресницы — черным веером,
Под ними — ночь густа.
И пахли медом-клевером
Не губы, а уста.

И я пошел за сказкою
Тропинкой на мосток.
«Люблю», — сказал ей ласково
Последний лепесток.

Его поток заверчивал,
Его крутила мель.
И обвивал доверчиво
Рябину бойкий хмель.

Смородиной и мятою
Пахнули острова,
И поднялась примятая
Зеленая трава.

3

Я думал, что все сгладится
Без горя, без помех,
Но счастье двух не ладится
Без радости для всех.

О, счастье человеческое,
Открытое судьбой!
За это счастье вечное
Я шел на смертный бой.

Мела пурга-метелица
И леденила кровь.
«Все в мире перемелется,
Останется любовь».

4

Грохочет ночь крошечная.
Клубится едкий дым.
Любовь моя сердечная
Целуется с другим.

И разную, и розную
Сулит нам жизнь в ответ.
И бредит в ночь морозную
Походный лазарет.

Не все еще потеряно.
Ищи его, зови,
То сердце, что проверено
И в злобе, и в любви.

Снегов и глины месиво,
И воздух мутноват.
И рыжий дьявол весело
Наводит автомат.

Мне прямо в душу целится
И поднимает бровь...
«Все в мире перемелется,
Останется любовь».

Смерть! Что же, бей без промаха
В него, а не в меня.
И сыплет снег черемуха,
Ликуя и звеня.

И той метелью звездною
Засыпан белый свет.
И стонет в ночь морозную
Походный лазарет.

Сосед на койке корчится,
Хватаясь за живот.

«Когда все это кончится?»
«До свадьбы заживет!»

Сто раз со смертью мериться
Ему придется вновь.
«Все в мире перемелется,
Останется любовь».

5

В осенней рыжей опали
Позаросли уже
Травой окопы во поле
И шрамы на душе.

Тонка на шрамах кожаца,
Чуть тронь — и брызнет кровь.
За белый свет тревожится
Души моей любовь.

По звонкой первой наледи,
Как всей земли красу,
Я осторожно на люди
Любовь свою несу.

6

Балтийским морем за море
И я ходил не раз.
И видел то же самое
В глубинах разных глаз.

И Млечный Путь означивал
В чужбине путь иной.
И океан укачивал
Бискайскою волной.

Там ничего не сладилось,
Там — через слезы смех,
Там счастье двух не сладилось
Без радости для всех.

И ночь гудит метельная.
Поземка в окна бьет.

А песня колыбельная
По всей земле плывет.

Тем материнским голосом,
Душевным, молодым,
Как золотистым волосом
Под гребнем золотым,

Летит она над пропастью
Без края и конца.
Врывается без пропуска
И в двери, и в сердца.

Нет, мне не снится, — верится
И думается вновь:
«Все в мире перемелется,
Останется любовь».

За это счастье милое,
Открытое судьбой,
Я, никого не милуя,
Пойду в последний бой.

Живым из пекла вылезу
И всей земли красу
В огне спасу, и вынесу,
И людям принесу.

Летит волна соленая,
Над палубой пыля,
И крутится зеленая
Тревожная земля.

Под ветром гнутся тополи,
Волна идет на мель.
...Всю ночь сегодня во поле
Буявила метель.

Свистела, куролесила,
А на заре скорей
По яблоням развесила
Румяных снегирей.

Густые ветлы в инее.
Пустые берега.
Да только небо синее
Да белые снега.

1961

АКТРИСА

...Она не могла говорить, так как плакала.

А. П. Чехов

1

И даже в грусти быть веселой
Тебе теперь не мудрено.
Мелькает в мире новоселом
Твоей судьбы веретено.

Твоя душа в слезах и шутке
Себя скрывает до поры.
И мне порой бывает жутко
От этой бешеной игры.

Но ты берешь свое сторицей
В мельканье городов и лиц
И непрочитанной страницей
Проходишь по рукам столиц.

Ты главной партии не спела,
Где страсть и мысль — один комок
И откровенность до предела
Обнажена во весь клинок.

2

О, безрассудная отвага!
От страха сладкого дрожа,
Захотать на весь Сантьяго
С двенадцатого этажа.

Ты для него сплошное чудо.
Он сам тебе сдается в плен,
Боготворя тебя, покуда
Другую не найдет взамен.

И ты уедешь, улетишь ли
В московский грохот или в тишь,
Иль, может, где-то в Перемышле
О сокровенном загрузишь.

И, напряженьем окружая,
Тебе не сделают добра
Чужая боль, любовь чужая
И страсти собственной игра.

И, все опять припоминая,
Забвенья отменяя дым,
Ты зарыдаешь, как грудная,
Свободно, голосом грудным.

3

Зачем притворствоваться? Не буду
Своей противиться судьбе.
Да, я жалел тебя повсюду,
Во всем сочувствуя тебе.

Со всех экранов, как бывало,
На свой настраивая строй,
Ты только для меня играла,
Но это не было игрой.

Ты шла по лабиринту страсти,
Как без ботинок по стерне.
И не было такой напасти,
Чтоб перебить то чувство мне.

Я знал, что, поздно или рано,
Но, отыскав свою тропу,
Ты с бледной плоскости экрана
Войдешь как равная в толпу.

4

Конечно, миром правят страсти
Бесповоротно и давно.
И только женщине во власти
Держать грядущее дано.

Давно затасканы и плоски
Признанья стертые слова.
Но ты выходишь на подмостки,
Одним желанием жива.

Слова бегут, в игру вступая,
Летя от рампы до райка,
И только ненависть тупая
Пока не требует пайка.

Как будто ничего не значит
И отступает ото всех,
Твоя душа поет и плачет
И смертью платит за успех.

И, пальцы с пальцами сплетая,
Ты понимаешь все как есть, —
Что слово, с губ твоих слетая,
К тебе воротится как месть.

И возражать ему напрасно.
Ты проиграла этот бой,
Теперь оно легко и властно
Уже командует тобой.

5

Начиналася юность с примерки
Подвенечного платья сестры.
И в озерную гладь пересверки
Врассыпную кидали костры.

Ты бежала, бежала проворно
По заросшей березой горе.
И раструб пионерского горна
Ликовал на веселой заре.

Ты вставала под флаг. До одышки
Надрывались горнисты, трубя.
И неловкие губы мальчишки
Целовали впервые тебя.

Где он спит, на каком перекрестке,
В одиночестве медленной тьмы?
Невысокого роста березки
Безымянные скрыли холмы.

Мы хлебнули всего до отвала.
Насмотрелись на все про запас.

Жизнь нам души до звезд поднимала
И жестоко калечила нас.

И война над землей откадила,
И заря захлебнулась в крови.
Знать, не зря тебя жизнь наградила
Иступленной тревогой любви.

Мне все снится упрямей и проще
Холодок твоих сдержанных губ.
И ликует в березовой роще
Пионерского горна раструб.

6

Соловьяха — тишайшая птица
В молчаливости строгой своей.
Но зато соловью не годится
Быть немым, и поет соловей.

И я слушаю песню, немея,
Немотой человеческой томим,
О любви рассказать не умея,
Перед голосом чистым твоим.

Он поставил отказ переводу.
Он до сердца идет напрямик,
Никогда не лукавивший сроду
Обнаженного чувства язык.

Он идет, словно свет из тумана,
Из мельканья теней на стене.
В стрекозином дрожанье экрана
Ты опять улыбаешься мне.

И земля не устанет вращаться,
Не подернется небо золой.
Мне нельзя без тебя распрощаться
С этим небом и с этой землей.

7

Без опознавательных знаков
Мы сами увидеть смогли,

Что счастья язык одинаков
На всех перекрестках земли.

И, иволгу слушая в поле,
В степи ожидая зарю,
Признание свое поневоле
Тебе и себе говорю.

Что я, позабыв неудачу
И тех, кто к удаче глухи,
От радости пойманной плачу,
Ее заплетая в стихи.

8

Куда мне от памяти деться?
Она мне заснуть не дает.
И в памяти взрослое детство
Военной дорогой идет.

Качается низкое небо.
Дымится холодный рассвет.
И падает, вскрикнув, нелепо
Мальчишка семнадцати лет.

Пилотка сползает, и зыбко
Белесый колышется чуб.
Навек каменеет улыбка
Его нецелованных губ.

Мы будем солдатскою флягой,
Живые, его поминать.
Над горькой штабной бумагой
Заплачется бедная мать.

Ни камня, ни бронзы, ни меди.
Годам потеряется счет.
Но писарь на службу к Победе
Навечно его занесет.

О память! Как ты молчалива,
Строга и исполнена сил.
Печально склоняется ива
У братских солдатских могил.

Бунует беспечно и люто
Черемухи белой сугроб,
И звездная прорва салюта
Мне душу ввергает в озноб.

Как будто на дымном рассвете,
Где наш перепутался след,
Я вместе остался в кювете
С мальчишкой семнадцати лет.

И прошлое в памяти живо.
И ходит вино за столом,
И песня моя, словно ива,
Растет над могильным холмом.

И мы, повидавшие виды,
Прошедшие порох и дым,
Всей силой любви и обиды
В обиду его не дадим.

Мне верится. Хочется верить
Вот в этот спокойный рассвет.
Живое и сущее мерить
Мальчишкой, которого нет.

Над жизнью, суровой и грубой,
Во имя победного дня
Улыбкой его белозубой,
Навек озарившей меня.

9

Т. Будановой

У меня не смертельная рана!
Я еще доползу до огня.
Улыбается мальчик с экрана,
Бесподобно играя меня.

Добреду, опираясь о стену,
До палатки с кровавым крестом.
Зая внимательно смотрит на сцену,
В жизнь мою на ходу холостом.

Жизнь моя мельтешит и мелкает
И у смерти висит на краю.
Удивляюсь, откуда он знает
Обожженную душу мою.

Я совсем отвергаю досаду
И клопный ее непокой.
А свою игрою награду
За меня перехватит другой.

С голубого экрана без грима
Он сойдет через десять минут.
И девчонки в бездумье игриво,
Спотыкаясь, за ним побегут.

Он пройдет, на меня непохожий,
Улыбаясь загадочно мне:
Дескать, шире дорогу, прохожий,
Отойди и постой в стороне.

Что ж, толкайся, но только не шибко.
Торопись, но спешить погоди.
Где-то есть в моей жизни ошибка,
Не споткнись о нее впереди.

И не хмурь недовольного взгляда,
Непокорный вихор теребя.
Не играй меня, мальчик, не надо!
Я и сам доиграю себя.

10

Опять метели зиму свили
Из пуха и из серебера.
Была игра добра и силы
И страсти старая игра.

Сугробы синие дорогу
Заполонили не спеша.
И расточалась понемногу
И в песне таяла душа.

Бураном запоздалым марта
По крыши город замело.

И душу пламенем азарга
Почти до судорог свело.

Зима прошла. Весна над падью
Затолковала в полутьме,
Тебе серебряною прядью
Напоминая о зиме.

11

Весна на бурые откосы
Бросает маки там и тут.
На побережье абрикосы,
Как иступленные, цветут.

Их белой пеной постепенно
Перекрывается откос.
И море бьет волною пенной
И сыплет брызгами вразброс.

Белым-бело. Достигла цели
Весна без боли, без насад.
И даже хроники с постели
На солнце ковыляют в сад.

Гудит, как сорок колоколен,
Прибоя яростный набег.
А я один тобою болен
За целый мир, на целый век.

И у меня по всем приметам,
Как в мире вечном и простом,
Сперва душа исходит цветом,
А листья выбросит потом.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора

ПЕРЕПРАВА СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ 1935—1962

Листопад	11
«Я вышел с ружьем...»	12
Гроза	13
«Сначала только я заметил...»	14
«Январь. Февраль...»	15
Землянка	17
Пушков	18
«Ты прибегала свежая, торопкая...»	19
Олег Кочерыгин	20
Тишина	22
«Мы шли на войну, товарищ...»	23
«Здесь мы вступили в бой...»	24
Мой походный котелок	25
«Кукушка»	26
«Весь лагерь спит...»	28
«Навстречу нам — от розового края...»	29
«Скажу: «Да что ж это такое...»	30
«В снегу оттаявшие лыжни...»	31
«По ветру платье парусом...»	32
«Все, что сказал я о тебе худого...»	33
«Сейчас под Ивановом осень...»	34
«Здесь только б жить и грезить Грину...»	35
Разговор	37
Гриденко	38
Стихи о тебе	40
«За горизонтом скрылся полуостров...»	42
Взгляд на запад	43
Балтика воюет	44
Александр Кострубо	47
Стихи о шалаше	49

Суворов	51
Александр Невский	52
Кронштадт	54
Памяти Алексея Лебедева	56
«Здесь грязь, и бред, и вши в траншеях...»	58
Камень	59
Соловьи	62
Волга. <i>Поэма</i>	65
«По незабываемым приметам...»	69
Август	70
«Октябрь. И ночью, нарастая...»	72
Нас ожидает новый бой	73
Мать	74
«Мы вглядывались молча в синеву...»	77
«Для трижды ненавистного врага...»	78
На бой!	79
«Январь пришел, и снова в спину...»	80
Гангутцы на Неве	81
«Всю ночь шел дождь. В сверканье белых молний...»	84
Сентябрь	85
Жаворонок	89
Шофер	90
«У Кивешмы и Решмы...»	91
Романтика	92
Петр	95
«На пепелище дикая трава...»	98
«Есть женщина любимая...»	99
«Прости меня...»	100
Солдатка	101
Штурмовики	103
Героям	104
Костер на перекрестке. <i>Поэма</i>	106
«Словно лошади с белой гривой...»	122
Стихи под Новый, 1944 год	123
«И сразу приумолкли птицы...»	126
«Бомбежка началась. И, как вздох...»	127
Весна	128
Снег	131
Самсон	132
Кукла	133
Солдатский разговор	134
«Дрожало небо в хрупкой позолоте...»	137
Осень. <i>Поэма</i>	138
«Как много дел наделала...»	142

Четвертая дорога . . .	143
«Есть радость ясная в начале...» . . .	144
«В густом ольшанике у плеса...» . . .	145
«Совиных крыл неслышимый взмах...» . . .	146
«В какой-то миг мне стала ясной...» . . .	147
«Нам плакать и петь. Сумасбродить...» . . .	148
«Адмиралтейство. Шелест сквера...» . . .	149
«Подуют ветры, чтобы...» . . .	150
Дорога гвардии. <i>Поэма</i> . . .	151
Цветам — цвести. <i>Поэма</i> . . .	155
Стихи, написанные 9 мая 1945 года . . .	165
«Ракеты осыпаются, скользя...» . . .	166
«Какая нива встанет на местах...» . . .	167
«Мне все здесь дорого и свято...» . . .	168
«Во всей красе распахнутого лета...» . . .	169
Снова громом салюта . . .	170
«Есть мудрый смысл в непостоянстве...» . . .	171
«Еще не все потеряно...» . . .	172
«Печаль...» : . . .	173
«По лопухам и повилке...» . . .	174
«Любовь светла...» . . .	175
«Не потому, что женщина любила...» . . .	176
«Ты здесь, ты вся в моих ладонях...» . . .	177
«У вас, наверно, в Грузии, Тамара...» . . .	178
«А знаешь, ты была права...» . . .	179
«...И здесь начало всех трагедий...» . . .	180
«Над окнами...» . . .	181
Сфинкс : : : . . .	182
Хозяйка. <i>Поэма</i> . . .	183
«Последний лист отряхивают клены...» . . .	191
А. Блоку . . .	192
Победитель : : : . . .	193
Вчера была война. <i>Повесть</i> . . .	194
«В моей беспокойной и трудной судьбе...» . . .	223
«Тебя не ждет...» : : : . . .	224
Передний край. <i>Поэма</i> : : : . . .	225
«Шумит апрель...» : : : . . .	229
На поверке : : : . . .	231
Стихи о прорыве : : : . . .	233
«Поныне на полях Европы...» . . .	236
Агроном : : : . . .	237
Стихи о генерале Н. П. Симоняке, герое ленинградского фронта . . .	240
«Конечно, не забавы ради...» . . .	243

«Зачем лукавить, — ты красива...»	244
«Судьбою твоею и властью...»	246
Родник	247
Мед	249
Табун	250
Карельский перешеек	251
«Считайте меня коммунистом!»	252
«Черемуха в окна...»	254
Горы	255
На площади Павших борцов	256
Так добывается влага	257
Гроза над Куромочем	258
Вот Кинешма, здесь родина моя	260
Фотография базара в Ростове-на-Дону	262
Во время ночного шторма на Цимлянском море	264
Мы снова возвращаемся в столицу	266
Дюны	267
Старый форт	267
«Свет звезды в воде струится...»	267
«Что письма?»	268
На берегу	268
«Кустарник...»	269
«Томит жара...»	270
«Посмотри, как тихо позолоту...»	270
«Бывает так...»	271
Янтарь	272
«Я знаю женщину одну...»	274
Солдатская песня	275
Учитель. Поэма	276
Розы Лидице	293
«Не позабуду утро Праги...»	293
«В парадной форме медный воин...»	293
«Старые каштаны величавы...»	294
«В тот вечер был закат бескровен...»	295
«В беседе с друзьями недолгой...»	296
«Конечно, это — непорядок...»	297
«Шумели зеленые клены...»	297
«Так вот она, горная складка...»	298
«Проехал я мимо селений...»	298
«Пронизанный светом и тенью...»	299
Побережье	301
«Опять плечо горы-громады...»	301
«Сегодня утро обещает...»	301
«Сквозь солдце — ливень...»	302

«Есть под Москвою речка Нудаль...»	303
«Мне довелось...»	303
«Бежит река...»	304
«Просох песок на желтом скате...»	305
«Сквозь десять лет...»	306
«Здесь жизнь проста и непреложна...»	307
«Мечта жива, а жизнь упряма...»	307
«Для тех, кто жизнь приемлет праздно...»	308
«Стоит луна у кромки мола...»	309
Утро доброй осени	310
«Тропинку трава заплетала...»	310
«Я воевал, и, зная, недаром...»	310
«Я ехал Финляндией ночью...»	311
«Нынче осень, как поздняя слава...»	312
«Полна даров живого груза...»	313
«Пустые тени вечер стер...»	314
Проезжая Карельским перешейком	315
«Кукушка не грустит о лете...»	315
«Сентябрь, а лето на дворе...»	316
«В сырой осоке светят забудки...»	316
После метели	318
«Снега. Снега. На солнце ярком...»	318
«Щедра зима! Который год...»	318
«Под утро снегом занесен...»	319
«Нет у меня пристрастия к покою...»	320
«По щебню пулковских расщелин...»	320
«Зима — для юности забава...»	321
«Пять суток мельница молола...»	321
«Сегодня курсом в Антарктиду...»	322
«Зима не в мае умирает...»	323
Сосны и ветер	324
«Все с этим городом навек...»	324
Стихи весны сороковой	325
«Здесь сосны, ветер и зима...»	326
Сосны	327
«Я слишком долго был счастливым...»	327
Тихое море	328
«Всей силой чувств и мыслей всех...»	328
«Что я хочу...»	329
«Ольха, да хмель...»	329
«Вся жизнь моя горит в огне...»	330
Обидные стихи	331
«За годом год пройдет...»	331

Звезда моей души	332
«Ни прихотью, ни силой, ни тоскою...»	332
Сосны по берегу	333
«Далёко где-то...»	334
Иван-чай	335
«И вот приходит к человеку слава...»	336
«Жизнь в самом деле дружит с нами...»	336
«И на стихи есть тоже мода...»	337
Мосты	338
Книга земли	338
В часы раздумий на корме	339
Закат у мыса Гангут	339
Мины взрываются после войны	340
«Мотив у песни чист и прост...»	342
Ода буксирам	343
Ночной сонет в открытом море	343
Трагедия остается в Стокгольме	344
Письмо бронзовой русалке в Копенгаген	345
Болотный огонь	346
Березка выросла в Ростке	347
Рабочие руки Ростка	348
Стихи о необходимости	349
Дружеский разговор с порталными кранами Кильско- го канала	349
Песнь человека	350
Ветка сирени	351
Шестнадцать строк Джиоконде	353
Небольшой шторм и синие розы	353
Случайные мысли у берегов Англии	354
Я второго солнца не хочу	355
Почти фотография	355
Руки спящего в неапольском порту грузчика	356
Когда поет певец бродячий	357
И так бывает	358
Когда лежишь и смотришь в небо	358
И, значит, жизни нет конца!	359
Перед родным берегом	360
Песнь о мостах	361
Упрямое пространство	362
«Милый Север...»	362
«Туман белесый тинится...»	363
«Есть высокая сердцу отрада...»	364
«В росе деревья белой ночью седы...»	364
«Нет, ты сложнее и проще...»	365

«От всех неудач и успехов...»	366
«Опять пошла целегица...»	367
«Я говорю тебе без лестии...»	368
«Вологда зеленая...»	368
«В моей душе живут два крика...»	369
«Я жизнь свою в деревне встретил...»	370
«Есть мир души живой и цельной...»	372
«Таежные люди...»	373
«Разгар сенокоса...»	374
«Полуночный лес...»	375
«Где пчелы собирают поденку...»	375
«Звук не войдет в струну обратно...»	376
«Но что я сделаю?...»	376
«Когда душа разобщена...»	377
«В траве полянки придорожной...»	377
«Дебаркадер да базар...»	378
«Фарватер отмечен вехами...»	378
«Гроза развернется с размаха...»	379
«Рано сердцу опресняться...»	379
«Я эту повесть на охоте...»	380
«Какой сегодня ясный день...»	381
«В неведенье, в невиденье...»	381
«Свет зари в озерной раме...»	383
«Волной на речке смыло сходни...»	383
«Небо в крупных звезд рассеив...»	384
Четвертая зона. <i>Поэма</i>	385
«Я над своей задумался судьбой...»	391
«Рыжий конь ушами прядал...»	392
«С опалубки бетонного портала...»	393
«Он был из тех, что жизнь на поводу...»	394
«Из тумана дождик капал...»	396
«Стихи не каприз и не шалость...»	397
«Мне берег приснился горбатый...»	398
«Метет метель...»	399
«Нет, ты не веришь в чудеса...»	400
«Снег, белый, белый снег...»	401
«Лес заснул...»	402
«Морозная роздымь поземки...»	403
«Мне сердце земля вручила...»	404
«Мир не забыл свои утраты...»	405
«И друг обращается к другу...»	406
«И у меня есть тоже дом...»	408
«Снова крутятся колеса...»	409
«Тесовые заборы...»	410

Тепло. Поэма	411
Соловьи в январе	419
«Этот снег...»	419
«Над туманной водой...»	419
«Ты мне всегда писала: «Будь!»	420
«О песня!..»	421
«Сегодня молодость моя...»	421
«В природе опять перемена...»	421
«Успехи и потери...»	422
«Как длинны морозные ночи!..»	422
«Ты не смейся...»	423
«Разбудит нас с тобой...»	424
Разнотравье	425
Третий	425
Россия начинается вот здесь	425
Моя песня об Ольге Калашниковой	427
Подземный пожар	429
Стихи о тихой зависти	430
Письмо первое	431
Письмо второе	433
22 июня	433
«Упрям и вечен, жёсток и жесток...»	434
До востребования	436
«Каштаны Киева не свадебные свечи...»	436
«О, для любви есть ночи и молчание...»	436
«Во все концы летят мои пути...»	437
«Сердце бьется и мечется...»	437
«В изголовье подушка не смята...»	438
«Ну что ж! Спешу. Лети своей дорогой...»	438
P. S.	439
Воспоминание в метель	400
«Метет, метет, и нет конца метели...»	400
«Живому — жить! А красоте — тревожить...»	440
«Куда ты? Стой! Еще мне весны снятся...»	441
«О юности! Хорошей...»	441
«А ночь темна, сугробы сини...»	442
«Я говорю снежинкам и планетам...»	442
«Как пламя каганца...»	443
Ласточки над карнизом	444
«Что было верным, что неверным...»	444
«О, ласточек на утренней заре...»	444
«Любовь не знала страха...»	445
«Мы нашу землю мало бережем...»	445
«Опять я в неизвестность лезу...»	446

«Фанерные звезды истлели...»	446
Орбита. <i>Венок сонетов</i>	448
Останется любовь. <i>Поэма</i>	455
Актриса	463
«И даже в грусти быть веселой...»	463
«О, безрассудная отвага!..»	463
«Зачем притворствоваться? Не буду...»	464
«Конечно, миром правят страсти...»	464
«Начиналась юность с примерки...»	465
«Соловьяха тишайшая птица...»	466
«Без опознавательных знаков...»	466
«Куда мне от памяти деться?..»	467
«У меня не смертельная рапа!..»	468
«Опять метели зиму свили...»	469
«Весна на бурые откосы...»	470

Михаил Александрович Дудин
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В 4-Х Т.

ТОМ I.

Переписка. Стихотворения и поэмы. 1935—1962

Редактор **Б. Романов**
Художник **Н. Пескова**
Художественный редактор **А. Никулин**
Технический редактор **Н. Ганца**
Корректор **О. Добромыслова**

ИБ № 4551

Сдано в набор 23.02.87. Подписано к печати
17.04.87. А07567 Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура
об. нов. Печать высокая. Бумага тип. № 1.
Усл. печ. л. 25,2. Усл. кр.-отт. 25,73. Уч.-изд.
л. 19,80. Тираж 50 000 экз. Заказ 8. Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Современник» Государственного
комитета РСФСР по делам издательства, поли-
графии и книжной торговли и Союза писателей
РСФСР. 123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Типография № 2 Росглаволиграфпрома,
г. Андропов, ул. Чкалова, д. 8

